

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПРОЕКТ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ФОНДА ПО ГЛОБАЛЬНЫМ ВЫЗОВАМ COMPASS: ОПЫТ СОТРУДНИЧЕСТВА В РЕГИОНЕ БОЛЬШОЙ ЕВРАЗИИ

В 2018—2021 гг. консорциум ведущих университетов из Великобритании, Азербайджана, Беларуси, Таджикистана и Узбекистана в составе Кентского университета, Кембриджского университета, Белорусского государственного университета, Университета АДА, Таджикского национального университета и Университета мировой экономики и дипломатии реализует проект COMPASS («Комплексное повышение потенциала в Восточном соседстве и Центральной Азии: интеграция исследований, эффективное управление и устойчивые сообщества»). Проект COMPASS финансируется Исследовательским фондом по глобальным вызовам (*Global Challenges Research Fund*) Службы по исследованиям и инновациям Соединенного Королевства (*United Kingdom Research & Innovation*). Руководителем проекта является профессор Елена Коростелева — директор Центра глобальной Европы Школы политики и международных отношений Кентского университета.

В Беларуси проект COMPASS реализуется историческим факультетом совместно с факультетом международных отношений с участием Центра социологических и политических исследований и других подразделений БГУ. В различных мероприятиях проекта активное участие принимают не только преподаватели и научные работники, но и студенты и аспиранты, молодые ученые. Одна из ключевых задач проекта — развитие исследовательского и образовательного потенциала университетов-партнеров. Поддерживаемые проектом исследования проводятся по довольно широкому спектру различных вопросов, касающихся как национальной, так и международной проблематики.

В 2021 г. коронавирусные ограничения по всему миру продолжают вносить коррективы в планы по научным исследованиям и мероприятиям. Тем не менее, представители БГУ принимают участие в организации и проведении большого числа форумов в онлайн-формате. Кроме того, проходят и оффлайн-мероприятия, конференции и семинары в смешанном формате.

Примечательно, что в 2021 г. проект COMPASS был включен в шорт-лист номинации «Международная коллаборация года» премии *Times Higher Education (THE) Awards 2021*. В Великобритании ее неофициально называют «Оскар в высшем образовании». Попадание в шорт-лист — уже знак качества международной деятельности вузов — участников совместных проектов.

В рамках содействия расширению доступности результатов научных исследований белорусских авторов проект COMPASS оказывает поддержку в подготовке и выпуске сборников научных материалов, монографий. В 2020 г. был поддержан выпуск специального номера Журнала международного права и международных отношений, посвященного проблематике миграции и беженцев (один из тематических фокусов белорусской команды проекта).

Сегодня в печать выходит второй специальный выпуск. Материалы, включенные редакцией в этот выпуск, отличает выраженное внимание к китайскому и — шире — азиатскому вектору внешнеполитических стратегий и практик различных государств. Среди авторов публикуемых исследований как опытные ученые и практики, так и начинающие исследователи из Белорусского государственного университета, Государственного секретариата Совета Безопасности Республики Беларусь, Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка. Все статьи посвящены актуальным темам, имеющим как исключительно исследовательскую, так и прикладную ценность. Особый интерес представляет подготовленный белорусскими специалистами В. Ю. Арчаковым и А. Л. Баньковским детальный обзор зарубежного опыта применения «мягкой силы». К экономическим аспектам внешней политики в своих статьях обращаются И. В. Варивончик, Ма Лэй, Янь Бинлян. Важной проблеме эффективности инструмента создания и деятельности индустриальных парков посвящена работа Чжана Пэнфэя. К вопросу применения обычаев судами Республики Беларусь обращается Н. Г. Маскаева.

Надеемся, что читатель найдет этот выпуск интересным и полезным для себя.

*Артём Назаренко,
старший преподаватель кафедры источниковедения исторического факультета БГУ,
руководитель белорусской национальной команды проекта COMPASS*

*Выпуск данного номера осуществлен в сотрудничестве и при поддержке проекта COMPASS
Исследовательского фонда по глобальным вызовам Службы по исследованиям
и инновациям Соединенного Королевства (GCRF UKRI ES/P010849/1)*

*The issue was prepared in cooperation and with the support
of the GCRF UKRI COMPASS project (GCRF UKRI ES/P010849/1)*

ЖУРНАЛ 2021

'2 (97)

МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В ЭТОМ НОМЕРЕ

Главный редактор:
Андрей Владимирович
Селиванов

Редакционный совет:
Виктор Шадурский
(председатель)
Елена Бабкина
Сергей Балашенко
Елена Давыденко
Алексей Данильченко
Елена Довгань
Руслан Есин
Людмила Павлова
Анатолий Розанов
Андрей Русакович
Олег Старовойтов
Александр Шарапо
Наталья Юрова

**Редактор английского
текста:**
Елена Пильгун

Художник:
Василий Гоголушко

Корректор:
Елена Мельникова

Наш адрес:
Беларусь, 220701, Минск,
ул. Ленинградская, 20, комн. 1121
Международное общественное
объединение по научно-исследо-
вательским и информационно-
образовательным программам
«Развитие»

тел.: +375 17 209 57 40
тел./факс: +375 17 209 57 66

e-mail:
beljournal@evolutio.info

INTERNET:
<http://www.beljournal.evolutio.info/>

Издание зарегистрировано
в Министерстве информации
Республики Беларусь.
Свидетельство № 804
от 27 ноября 2009 г.

Учредитель и издатель:

Международное обще-
ственное объединение
по научно-исследо-
вательским и информаци-
онно-образовательным
программам «Развитие»

международное право

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

Правовые основания применения судами Рес-
публики Беларусь обычаев при рассмотрении
по существу частноправовых споров, ослож-
ненных иностранным элементом ..... *Н. Г. Маскаева* **3**

международные отношения

Зарубежный опыт применения «мягкой силы»
в контексте обеспечения национальной без-
опасности Республики Беларусь ..... *В. Ю. Арчаков,
А. Л. Баньковский* **1 0**

Экономические противоречия между США
и Китаем (2016—2020 гг.): критический анализ ..... *И. В. Варивончик* **2 0**

Развитие двусторонних отношений Эстонии,
Латвии и Литвы с Китаем в 1991—2018 гг. .... *А. А. Володькин,
Син Цзе* **2 8**

Причины санкций США против компании
«Huawei» ..... *Ма Лэй* **3 8**

Китайско-американские экономические отноше-
ния в период администрации Б. Обамы (2009—
2017 гг.) в контексте китайских исследований ..... *Янь Бинлян* **4 4**

Факторы формирования внешней политики
Монголии (1991—2017 гг.) ..... *Тунлага* **5 1**

международные экономические отношения

Международный опыт формирования и функ-
ционирования индустриальных парков ..... *Чжан Пэнфэй* **6 2**

JOURNAL 2021

'2 (97)

OF INTERNATIONAL LAW AND INTERNATIONAL RELATIONS

IN THIS ISSUE

Editor-in-chief:

Andrey Selivanov

Editing Board:

Victor Shadurski
(chairman)
Elena Babkina
Sergey Balashenko
Alexey Danilchenko
Elena Davydenko
Alena Douhan
Ruslan Esin
Ludmila Pavlova
Anatoly Rozanov
Andrei Rusakovich
Oleg Starovoitov
Alexandr Sharapo
Natalia Yurova

English Text Editor:

Elena Pilgun

Art Editor:

Vasily Gogolushko

Corrector:

Elena Melnikova

Our address:

International Non-governmental
Association for Scientific Research,
Information and Educational
Programmes «Evolutio»
20, Leningradskaya str., room 1121,
Minsk, 220701, Belarus

tel.: +375 17 209 57 40
tel./fax: +375 17 209 57 66

e-mail:
beljournal@evolutio.info

INTERNET:
<http://www.beljournal.evolutio.info/>

The journal is licenced by the
Ministry of Information
of the Republic of Belarus.
Certificate N 804
27 November 2009

The founder and publisher:

International Non-govern-
mental Association for
Scientific Research, Infor-
mation and Educational
Programmes «Evolutio»

INTERNATIONAL LAW

INTERNATIONAL PRIVATE LAW

Legal Grounds for the Application of Usages
by the Courts of the Republic of Belarus during
Consideration of the Private-law Disputes, Compli-
cated by a Foreign Element, on the Merits.....*Natallia Maskayeva* **3**

INTERNATIONAL RELATIONS

Foreign Experience of Using «Soft Power» in the
Context of Ensuring the National Security of the
Republic of Belarus.....*Vladimir Archakov,
Alexey Bankovsky* **1** 0

U.S. — China Economic Contradictions (2016—
2020): Critical Analysis .....*Ivan Varivonchik* **2** 0

Development of Bilateral Relations of Estonia,
Latvia and Lithuania with China in 1991—2018 .....*Andrei Valodzkin,
Xin Jie* **2** 8

Reasons of the USA Sanctions against
Huawei.....*Ma Lei* **3** 8

China-American Economic Relations during the
Obama Administration (2009—2017) in the Context
of Chinese Researches .....*Yan Bingliang* **4** 4

Factors of the Formation of the Foreign Policy of
Mongolia (1991—2017).....*Tonglaga* **5** 1

INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS

International Experience in the Formation and
Functioning of Industrial Parks .....*Zhang Pengfei* **6** 2

ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ ПРИМЕНЕНИЯ СУДАМИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ ОБЫЧАЕВ ПРИ РАССМОТРЕНИИ ПО СУЩЕСТВУ ЧАСТНОПРАВОВЫХ СПОРОВ, ОСЛОЖНЕННЫХ ИНОСТРАННЫМ ЭЛЕМЕНТОМ

Наталья Маскаева

Статья посвящена анализу положений основных международных договоров и актов законодательства Республики Беларусь, позволяющих применение обычаев к частноправовым отношениям, осложненным иностранным элементом, в том числе Венской конвенции о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г., Парижской конвенции по охране промышленной собственности 1883 г., Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь от 15 декабря 1998 г. Отдельное внимание уделено закреплению в части 2 статьи 26 данного Кодекса понятию обычая и условиям его применения. Поскольку в данной норме речь идет исключительно об обычаях, используемых в международной торговле, с учетом их правовой природы автор приходит к выводу о необходимости исключения из нее и части 1 пункта 29 постановления Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 31 октября 2011 г. № 21 «О некоторых вопросах рассмотрения хозяйственными судами Республики Беларусь дел с участием иностранных лиц» такого признака данного обычая, как непротиворечие его законодательству. В целях соответствия судебной практики пункта 2 статьи 9 Венской конвенции предлагается внести в часть 1 пункта 29 и часть 3 пункта 30 указанного постановления уточнение, в соответствии с которым применение обычаев при наличии прямой договоренности сторон об их применении возможно только в том случае, если иное не предусмотрено международными договорами Республики Беларусь. Автор считает целесообразным наделить в Законе Республики Беларусь от 16 июня 2003 г. «О торгово-промышленной палате» Белорусской торгово-промышленной палаты функцией свидетельствования обычаев, сложившихся в сфере международной торговли, и закрепление в пункте 29 постановления Пленума Высшего Хозяйственного Суда № 21 необходимости указания судами, рассматривающими экономические дела, в мотивировочной части их решений доводов, по которым они отнесли то или иное правило поведения к обычаю, используемому в международной торговле.

Ключевые слова: Инкотермс; обычаи международной торговли; Принципы УНИДРУА; честные обычаи в торговых и промышленных делах; *lex mercatoria*.

«Legal Grounds for the Application of Usages by the Courts of the Republic of Belarus during Consideration of the Private-law Disputes, Complicated by a Foreign Element, on the Merits» (Natalia Maskayeva)

The article is devoted to the analysis of the provisions of the main treaties and legal acts of the Republic of Belarus, allowing the application of usages to private-law relations complicated by a foreign element, including the Vienna Convention on Contracts for the International Sale of Goods of 1980, the Paris Convention for the Protection of Industrial Property of 1883, the Economic Procedural Code of the Republic of Belarus of December 15, 1998. Special attention is paid to the definition of usage and conditions for its application enshrined in Part 2 of Article 26 of this Code. Since this rule deals exclusively with the customs used in international trade, the author based on their legal nature concludes that such a characteristic of usage as its non-contradiction with the legislation shall be eliminated from the mentioned norm as well as from part 1 of paragraph 29 of the Resolution of the Plenum of the Supreme Economic Court of the Republic of Belarus of October 31, 2011 N 21 «On certain issues of consideration of the cases with the participation of foreign persons by economic courts of the Republic of Belarus». For making national jurisprudence compliant with Article 9 (2) of the Vienna Convention, it is proposed to amend part 1 of paragraph 29 and part 3 of para. 30 of the Resolution of the Plenum of the Supreme Economic Court N 21 so that the application of usages to which the parties have directly agreed could be possible unless otherwise provided in treaties of the Republic of Belarus. The author also considers it appropriate to empower the Belarusian Chamber of Commerce and Industry with the function of witnessing the usages that have developed in the field of international trade in the Law of the Republic of Belarus of June 16, 2003 «On the Chamber of Commerce and Industry» as well as to settle the necessity of argumentation in the reasoning part of judgments, why this or that rule of conduct was qualified as a usage, in paragraph 29 of the said Resolution.

Keywords: honest practices in industrial or commercial matters; Incoterms; international trade usages; *lex mercatoria*; UNIDROIT Principles.

Автор:

Маскаева Наталья Геннадьевна — кандидат юридических наук, доцент кафедры международного частного и европейского права факультета международных отношений Белорусского государственного университета, e-mail: maskayeva_nat@mail.ru
Белорусский государственный университет. Адрес: 4, пр. Независимости, Минск, 220030, БЕЛАРУСЬ

Author:

Maskayeva Natallia — Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Private International and European Law of the Faculty of International Relations, Belarusian State University, e-mail: maskayeva_nat@mail.ru
Belarusian State University. Address: 4, Nezavisimosti ave., Minsk, 220030, BELARUS

В условиях интернационализации международной торговли, современных вызовов и проблем, обуславливающих изменения в сфере международного делового оборота, развития новых технологий, востребованность гибких, вненациональных источников международного частного права, одним из которых является обычай, неизменно растет. В связи с этим представляется актуальной тема настоящей статьи.

Цель статьи — выявление правовых оснований и условий применения судами, рассматривающими экономические дела, данного источника *lex mercatoria* при рассмотрении ими по существу частноправовых споров, осложненных иностранным элементом, его признаков, а также достоинств и недостатков правового регулирования в данной сфере и формулирование предложений по его совершенствованию.

Работы отечественных ученых в основном посвящены практическим аспектам применения белорусскими судами обычаев в частноправовых трансграничных спорах [15; 19; 20; 21; 37; 38; 44]. Многие теоретические аспекты, в том числе касающиеся понятия и признаков обычаев, используемых в международной торговле, по праву Республики Беларусь, детального освещения в белорусской доктрине не получили [2; 41].

Возможность применения данных обычаев на практике предусмотрена как международными договорами, так и актами законодательства Республики Беларусь. Ввиду ограниченности объема статьи в ней будут рассмотрены положения лишь основных источников в данной сфере.

Так, 1 ноября 1990 г. для Республики Беларусь вступила в силу Венская конвенция о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г. (далее — Венская конвенция) [18]. Следовательно, если спорные правоотношения подпадают под предмет регулирования Венской конвенции, соблюдены условия ее применения (гл. 1), стороны не исключили его или не отступили от положений Конвенции (ст. 6), то суды Республики Беларусь должны применять ее нормы.

Из статьи 9 Венской конвенции, в свою очередь, следует обязанность применения судами к подпадающим под сферу действия Конвенции договорам обычаев, относительно которых стороны договорились (п. 1), а также, при отсутствии договоренности сторон об ином, обычаев, о которых стороны знали или должны были знать и которые в международной торговле широко известны и постоянно соблюдаются сторонами в договорах данного рода в соответствующей области торговли (п. 2). Из Комментария Секретариата ООН к проекту Венской конвенции применительно к аналогичному пункту 2 статьи 9 данной Конвенции положению (п. 2 ст. 8 проекта) следует, что в указанном пункте идет речь о подразумеваемой договоренности

сторон [45]. Таким образом, если обычай удовлетворяет двум указанным критериям, то этого должно быть достаточно для его применимости в том или ином деле.

Исходя из пункта 1 статьи 10-*bis*, пункта 1 статьи 10-*ter*, статьи 3 Парижской конвенции по охране промышленной собственности 1883 г. (далее — Парижская конвенция), вступившей в силу для Республики Беларусь 25 декабря 1991 г. [29], страны Союза обязаны обеспечить гражданам стран, участвующих в Союзе, а также стран, не участвующих в нем, но имеющих на территории одной из стран Союза местожительство или действительные и серьезные промышленные или торговые предприятия, эффективную защиту от недобросовестной конкуренции и законные средства для ее эффективного пресечения (имеется в виду Союз по охране промышленной собственности, состоящий из всех стран, к которым применяется Парижская конвенция (п. 1 ст. 1 Парижской конвенции)). Недобросовестная конкуренция определяется в пунктах 2 и 3 статьи 10-*bis* данной Конвенции через понятие акта недобросовестной конкуренции и неисчерпывающий перечень примеров данных актов [9]. Таким образом, в том случае, если в споре, связанном с недобросовестной конкуренцией, в качестве одной из сторон выступает гражданин или граждане указанных стран, суды Республики Беларусь для установления наличия или отсутствия недобросовестной конкуренции должны соотнести его с указанным понятием и перечнем. При этом в случае применения понятия акта недобросовестной конкуренции они должны оценить, не противоречит ли соответствующее действие «честным обычаям в промышленных и торговых делах» (согласно п. 2 ст. 10-*bis* Парижской конвенции актом недобросовестной конкуренции считается всякий акт конкуренции, противоречащий честным обычаям в промышленных и торговых делах). Научная литература по вопросу толкования данного термина практически отсутствует. По мнению Г. Боденхаузена, «...данные обычаи не ограничиваются обычаями, существующими в стране, где испрашивается охрана против недобросовестной конкуренции. Судебные и административные органы такой страны должны учитывать и честные обычаи в международной торговле» [5, с. 198]. К. Уадлоу критикует данную позицию, утверждая, что главная проблема заключается в том, что акты недобросовестной конкуренции происходят или оказывают свое воздействие преимущественно на розничном уровне, который находится в зависимости от местных факторов, в то время как международная торговля находится на оптовом уровне или выше. В связи с этим часто случается так, что в международной торговле нет подходящей практики, с которой можно было бы сравнить практику, имеющую место на определенном

национальном розничном рынке [46, р. 62]. В решениях белорусских судов данные обычаи упоминаются крайне редко. При этом, как правило, лишь констатируется наличие соответствующего противоречия без уточнения, о каком именно обычае идет речь [34; 35].

В Гражданском кодексе Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. (далее — ГК Республики Беларусь) [7], в отличие от актов законодательства других стран, например Гражданского кодекса Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. (ч. 1; далее — ГК РФ) [8], Гражданского кодекса Украины от 16 января 2003 г. (ст. 7; далее — ГК Украины) [42], нет нормы, санкционирующей применение обычая как источника права. В проекте Гражданского кодекса Республики Беларусь, принятом Парламентом в двух чтениях в 1997 г., содержалась статья 5, посвященная обычаю делового оборота как таковому, и ряд статей, использующих в своих формулировках указание на обычай делового оборота, деловое обыкновение. Вместе с тем при последующей доработке проекта данная общая норма была из него исключена [30]. Несмотря на отсутствие прямого упоминания термина «обычай» в ГК Республики Беларусь (за исключением ст. 222, относящейся к «внутренним обычаям», и ст. 1093, касающейся определения права, подлежащего применению к гражданско-правовым отношениям, осложненным иностранным элементом), применение судами данного источника в трансграничных спорах при их рассмотрении по существу, полагаем, возможно на основании статьи 290, пункта 2 статьи 444, пункта 6 статьи 1125 и других статей данного Кодекса, оперирующих терминами «обычно предъявляемые требования», «обычно применяемые условия», «обычные значения соответствующих терминов».

К другим нормативным правовым актам Республики Беларусь, позволяющим судам применять обычаи в определенных сферах международных частноправовых отношений, относят Кодекс торгового мореплавания Республики Беларусь от 15 ноября 1999 г. (ч. 2 ст. 98, ч. 1 ст. 99, ч. 2 ст. 107, ч. 2 ст. 258 и др.) [13] и Банковский кодекс от 3 октября 2000 г. (ч. 2 ст. 266, ч. 2 ст. 271) [3].

Статья 26 Хозяйственного процессуально-го кодекса Республики Беларусь от 15 декабря 1998 г. (далее — ХПК Республики Беларусь) [40] также допускает применение экономическими судами обычаев, используемых в международной торговле. В данной статье содержатся понятие обычая, условия и иные важные аспекты его применения. В отечественной доктрине положения статьи 26 ХПК Республики Беларусь детально не анализируются. В связи с тем, что они во многом совпадают с положениями статей 5 ГК РФ и 7 ГК Украины, считаем возможным обратиться к работам украинских и российских авторов, их комментировавших.

Согласно части 2 статьи 26 ХПК Республики Беларусь обычаем является сложившееся и широко применяемое в какой-либо области предпринимательской деятельности правило поведения, не предусмотренное законодательством, независимо от того, зафиксировано ли оно в каком-либо документе.

Таким образом, можно выделить следующие **признаки обычая**:

— обычай является правилом поведения, т. е. представляет собой определенный образ действия людей в той или иной ситуации [17], которому необходимо следовать;

— данное правило должно быть сложившимся/устоявшимся в той или иной сфере отношений, т. е. носить достаточно определенный характер [6];

— соответствующее правило поведения должно широко применяться в какой-либо области предпринимательской деятельности (в чч. 2—4 п. 1 ст. 1 ГК Республики Беларусь определено, что понимается под таковой, а также указаны виды деятельности, не относимые к предпринимательской). Это означает, что для возможности применения обычая «...недостаточно одного только его существования — необходима проверка его применимости в практической деятельности». Как справедливо отмечает А. И. Поротиков, обычай «...нуждается в постоянном, неоднократном повторении, культивировании» [31, с. 77]. Данный признак подразумевает, что для установления наличия обычая необходимо, чтобы тому или иному правилу поведения следовало достаточно большое количество лиц.

Как следует из вышеприведенных признаков обычая, «...выяснение за тем или иным правилом сложившегося характера и широкой применимости сопряжено с установлением совокупности разных обстоятельств, в их числе: примерное время его возникновения, стабильность существования, однообразность и возможная динамика содержания, степень известности в деловых кругах, распространенность (степень признания), частота применения, исключительность (отсутствие альтернатив и конкуренции других норм)» [14]. При этом в законодательстве Республики Беларусь, как и в законодательстве России и Украины, не предусмотрены критерии, которые можно использовать для того, чтобы определить, что то или иное правило поведения сложилось/устоялось, а также широко применяется. В научной литературе предлагаются количественные, временные и территориальные критерии [1, с. 107; 10, с. 306; 12, с. 16], которые являются достаточно расплывчатыми. К сожалению, в своих решениях суды Республики Беларусь не указывают, почему та или иная практика соответствует упомянутым признакам обычая. В то же время изложение обычаев в судебных решениях является одним из важных способов их фиксации. Приведение судами, рассматрива-

ющими экономические дела, в мотивировочной части их решений необходимых доводов в значительной степени облегчило бы сторонам в дальнейшем доказывание существования и содержания соответствующих обычаев (по общему правилу данная обязанность возложена чч. 2 и 3 ст. 26 ХПК Республики Беларусь на суды, рассматривающие экономические дела, однако в соответствии с ч. 5 данной статьи по требованиям, связанным с осуществлением сторонами предпринимательской деятельности, они вправе возложить на стороны обязанность доказывания существования и содержания норм иностранного права и (или) обычаев), а также способствовало бы реализации такой задачи судопроизводства в данных судах, как содействие формированию обычаев и этики делового оборота (абз. 5 ст. 4 ХПК Республики Беларусь);

— соответствующее правило поведения не должно быть предусмотрено законодательством, т. е. если правило поведения воспроизведено в законе, то, по логике законодателя, оно не может применяться в качестве обычая [22, с. 412]. Вместе с тем мы согласны с А. С. Кокиным, который считает, что обычай не поглощается и не устраняется законом: они сосуществуют друг с другом [16]. В этой связи данный признак обычая, полагаем, необходимо из части 2 статьи 26 ХПК Республики Беларусь исключить.

Из части 2 статьи 26 ХПК Республики Беларусь следует, что применение обычая не зависит от того, воплощен он в письменной форме либо нет. Безусловно, письменная фиксация в большой степени облегчает выявление наличия обычая и доказывание его содержания, поскольку «...надлежащим образом зафиксированные обычаи... приобретают признак, традиционно признаваемый обязательным для правовой нормы, — признак формальной определенности» [22, с. 411]. В пункте 29 постановления Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 31 октября 2011 г. № 21 «О некоторых вопросах рассмотрения хозяйственными судами Республики Беларусь дел с участием иностранных лиц» (далее — постановление Пленума Высшего Хозяйственного Суда № 21) [23] указано, что суды могут применять обычаи международного делового оборота, содержащиеся, в том числе, в Международных правилах толкования торговых терминов Инкотермс (далее — Инкотермс) и Принципах международных коммерческих договоров (далее — Принципы УНИДРУА). Отметим, что в своих решениях суды Республики Беларусь, рассматривающие экономические дела, не вычлениют, какие конкретно положения Инкотермс и Принципов УНИДРУА являются обычаями.

Из пункта 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами

некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [26] следует, что фиксация обычаев возможна, в том числе путем, их свидетельствования Торгово-промышленной палатой Российской Федерации. Данная функция возложена на нее подпунктом и пункта 3 статьи 15 Закона Российской Федерации от 7 июля 1993 г. «О торгово-промышленных палатах в Российской Федерации» [28]. Торгово-промышленная палата Украины также свидетельствует торговые и портовые обычаи, принятые в Украине, по обращениям субъектов хозяйственной деятельности и физических лиц (ст. 14 Закона Украины от 2 декабря 1997 г. № 671/97-ВР «О торгово-промышленных палатах в Украине») [33]. Представляется, что наделение Белорусской торгово-промышленной палаты полномочиями по свидетельствованию таких обычаев будет иметь положительный эффект, в частности способствовать повышению осведомленности сторон об этих обычаях, росту заинтересованности применения к их правоотношениям данного источника негосударственного регулирования, процессуальной экономии.

К условиям применения судами Республики Беларусь обычаев можно отнести:

— фактическую (стороны знали) или презюмируемую (должны были знать) осведомленность о них сторон (ч. 2 ст. 26 ХПК Республики Беларусь);

— широкую известность того или иного обычая в международной торговле (ч. 2 ст. 26 ХПК Республики Беларусь);

— постоянное соблюдение обычая сторонами в договорах данного рода в соответствующей области торговли (ч. 2 ст. 26 ХПК Республики Беларусь). Таким образом, ХПК Республики Беларусь допускает применение судами обычаев только к спорам, вытекающим из договорных отношений. Однако в силу норм ряда международных договоров Республики Беларусь, к которым относится, в частности, Парижская конвенция по охране промышленной собственности, они обязаны применять обычаи и к внедоговорным спорам. В данной связи, полагаем, указанное положение ХПК нуждается в корректировке;

— непротиворечие их обязательным для участников соответствующего отношения положениям законодательства или договору (ч. 2 ст. 26 ХПК Республики Беларусь, ч. 1 п. 29 постановления Пленума № 21). Онтологическая сущность обычаев международной торговли (это верно и в отношении обычаев международного делового оборота, о которых идет речь в ч. 1 п. 29 постановления Пленума Высшего Хозяйственного Суда № 21) заключается в том, что они являются источником регулирования, формирующимся помимо государственной воли [11, с. 130]. В этой связи такое условие применения соответствующего

обычая должно быть из части 2 статьи 26 ХПК Республики Беларусь и части 1 пункта 29 постановления Пленума Высшего Хозяйственного Суда № 21 исключено. В отношении же приоритета договора перед обычаем мы солидарны с А. И. Поротиковым, который считает, что он «...оправдан не только с формально-догматических, но даже и с социологических позиций...», если согласиться с тем, что наиболее частым случаем формирования обычая является совершение ряда сделок, однотипные условия которых и образуют, в конечном счете, новый стандарт поведения, то мы должны признать, что точно таким же способом эти стандарты могут изменяться...», то, что создано действиями участников оборота, этими же действиями может быть и отменено...», иное противоречило бы природе обычной нормы» [31, с. 174–175];

— наличие договоренности сторон о их применении (ч. 1 п. 29 (в этом положении речь идет о прямой договоренности), ч. 3 п. 30 постановления Пленума Высшего Хозяйственного Суда № 21). Отметим, что данные положения не согласуются с нормами части 2 статьи 26 ХПК Республики Беларусь, поскольку последняя рассматриваемого условия применения обычая не содержит. Заложенный в постановлении Пленума Высшего Хозяйственного Суда № 21 подход является традиционным для системы права Республики Беларусь: предшествующие данному постановлению постановления Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь «О практике рассмотрения хозяйственными судами Республики Беларусь дел с участием иностранных лиц» от 7 июня 2001 г. № 3 (п. 41) [24] и от 2 декабря 2005 г. № 31 (п. 40) [25] базировались на тех же подходах [39]. В том случае, если стороны не договорились о применении тех или иных обычаев, суды отказывают в удовлетворении соответствующих исковых требований (см., например, решение Экономического суда Гродненской области от 13 октября 2014 г. по делу № 164-8/12/2014 [36]).

Отметим, что первые три из указанных условия аналогичны отраженным в пункте 2 статьи 9 Венской конвенции. Очевидно, что упоминание в части 1 пункта 29 постановления Пленума Высшего Хозяйственного Суда № 21 Инкотермс и Принципов УНИДРУА означает, что они данным критериям отвечают, а значит, в целях соблюдения Республикой Беларусь своих обязательств по Венской конвенции должны применяться экономическими судами Республики Беларусь и в том случае, когда стороны не ссылаются на них в догово-

ре. В самой Преамбуле Принципов УНИДРУА (ред. 2016 г.) указывается, что они могут также использоваться в том случае, когда стороны не выбрали право, применимое к их договору, для толкования и восполнения международных унифицированных правовых документов национального законодательства [32]. Тем не менее, практика судов свидетельствует об обратном (см., например, дело, приведенное в статье С. Ч. Белявского [4]). Это не только не соответствует пункту 2 статьи 9 Венской конвенции, но и идет вразрез с современной практикой судебных и арбитражных учреждений западных стран, где обычаи международного делового оборота являются полноценным источником коммерческого права и могут применяться непосредственно [44]. В данной связи представляется, что часть 1 пункта 29 и часть 3 пункта 30 постановления Пленума Высшего Хозяйственного Суда № 21 нуждаются в изменении.

На основании изложенного в данной статье предлагается:

— исключить из части 2 статьи 26 ХПК Республики Беларусь такой признак обычая, как непредусмотренность его законодательством, а из данного положения и части 1 пункта 29 постановления Пленума Высшего Хозяйственного Суда № 21 такое условие его применения, как непротиворечие законодательству;

— дополнить часть 2 статьи 26 ХПК Республики Беларусь после слов «в соответствующей области торговли» словами «, а также иные обычаи, если это предусмотрено международными договорами Республики Беларусь»;

— закрепить в пункте 29 постановления Пленума Высшего Хозяйственного Суда № 21 необходимость указания судами, рассматривающими экономические дела, в мотивировочной части их решений доводов, по которым они отнесли то или иное правило поведения к обычаю, используемому в международной торговле;

— дополнить часть 1 пункта 29 и часть 3 пункта 30 указанного постановления после слов «прямо договорились об их применении» и «исходя из договоренности сторон о порядке их определения» соответственно словами «, если иное не предусмотрено международными договорами Республики Беларусь»;

— наделить в Законе Республики Беларусь от 16 июня 2003 г. «О торгово-промышленной палате» [27] Белорусскую торгово-промышленную палату функцией свидетельствования обычаев, сложившихся в сфере международной торговли.

Список использованных источников

1. Аблезгова, О. В. Обычаи международной торговли как основные источники *lex mercatoria* / О. В. Аблезгова // Журн. рос. права. — 2008. — № 4 (136). — С. 107–112.
2. Бандык, О. И. Обычай делового оборота как источник регулирования отношений субъектов предпринимательской деятельности (по сост. на 21.08.2017 г.) / О. И. Бандык [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2021.

3. Банковский кодекс Республики Беларусь от 3 окт. 2000 г. № 441-З: принят Палатой представителей 25 окт. 2000 г.: одобр. Советом Респ. 12 окт. 2000 г.: текст по сост. на 1 июня 2021 г. [Электронный ресурс] // Там же.
4. Белявский, С. Ч. Проценты по УНИДРУА могут быть взысканы при прямом соглашении об этом в договоре (по сост. на 14.10.2014 г.) / С. Ч. Белявский [Электронный ресурс] // Информационно-поисковая система «ЭТАЛОН-ONLINE» / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2021.
5. Боденхаузен, Г. Парижская конвенция по охране промышленной собственности. Комментарий / Г. Боденхаузен. — М.: Прогресс, 1977. — 308 с.
6. Бодров, Р. И. Обычай делового оборота как основание обязательств в гражданских и административных отношениях / Р. И. Бодров // Гражданское право. — 2009. — № 2 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». — М., 2021.
7. Гражданский кодекс Республики Беларусь от 7 дек. 1998 г. № 218-З: принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г.: одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г.: текст по сост. на 1 июня 2021 г. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2021.
8. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 нояб. 1994 № 51-ФЗ [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». — М., 2021.
9. Денисенко, М. А. Защита от недобросовестной конкуренции путем прямой дискредитации: международные договоры и законодательство Республики Беларусь (часть 1) / М. А. Денисенко, Н. Г. Маскаева [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2021.
10. Диковская, И. А. Применение правовых обычаев к международным частным договорным отношениям / И. А. Диковская // Вестн. Перм. ун-та. Юрид. науки. — 2014. — № 1 (23). — С. 305—312.
11. Дьяконова, А. А. Обычай международной торговли в системе регулирования внешнеэкономических сделок / А. А. Дьяконова. — Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2014. — 211 с.
12. Зыкин, И. С. Обычай и обыкновения в международной торговле: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / И. С. Зыкин; МГИМО МИД СССР. — М., 1979. — 193 л.
13. Кодекс торгового мореплавания Республики Беларусь от 15 нояб. 1999 г. № 321-З: принят Палатой представителей 13 окт. 1999 г.: одобр. Советом Респ. 28 окт. 1999 г.: текст по сост. на 1 июня 2021 г. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2021.
14. Козлова, В. Н. Вопросы, разрешаемые судами при применении обычаев делового оборота / В. Н. Козлова // Арбитражный и гражданский процесс. — 2008. — № 10 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». — М., 2021.
15. Козырева, Л. Применение обычаев международного делового оборота в судебной практике (по сост. на 05.04.2006 г.) / Л. Козырева [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2021.
16. Кокин, А. С. Международная морская перевозка груза: право и практика / А. С. Кокин. — 2-е изд. — М.: Инфотропик Медиа, 2012 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». — М., 2021.
17. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (часть первая) от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ (постатейный) / Н. А. Агешкина [и др.] [Электронный ресурс] // Там же.
18. Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров: [закл. в г. Вене 11 апр. 1980 г.] [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2021.
19. Леанович, Е. Б. Практика применения Принципов УНИДРУА. Ч. 1. Роль и значение Принципов УНИДРУА в современном праве (по сост. на 12.03.2013 г.) / Е. Б. Леанович [Электронный ресурс] // Там же.
20. Леанович, Е. Б. Практика применения Принципов УНИДРУА. Ч. 4. Вспомогательное применение Принципов УНИДРУА (по сост. на 12.03.2013 г.) / Е. Б. Леанович [Электронный ресурс] // Там же.
21. Манцевич, Т. И. Выбор применимого права сторонами внешнеторгового договора (контракта) и применение ими норм иностранного права, международных обычаев (по сост. на 21.04.2009 г.) / Т. И. Манцевич [Электронный ресурс] // Там же.
22. Миклашевская, Н. И. Классификация обычаев делового оборота / Н. И. Миклашевская // Антиномии. — 2003. — № 4. — С. 408—428.
23. О некоторых вопросах рассмотрения хозяйственными судами Республики Беларусь дел с участием иностранных лиц: постановление Пленума Высш. Хоз. Суда Респ. Беларусь от 31 окт. 2011 г. № 21 [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — Режим доступа: <<https://pravo.by/document/?guid=3871&ro=X21100021>>. — Дата доступа: 28.06.2021.
24. О практике рассмотрения хозяйственными судами Республики Беларусь дел с участием иностранных лиц: постановление Пленума Высш. Хоз. Суда Респ. Беларусь от 7 июня 2001 г. № 3 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2021.
25. О практике рассмотрения хозяйственными судами Республики Беларусь дел с участием иностранных лиц: постановление Пленума Высш. Хоз. Суда Респ. Беларусь от 2 дек. 2005 г. № 31 [Электронный ресурс] // Там же.
26. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». — М., 2021.
27. О торгово-промышленной палате: Закон Респ. Беларусь от 16 июня 2003 г. № 208-З [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — Режим доступа: <<https://pravo.by/document/?guid=3871&ro=N10300208>>. — Дата доступа: 28.06.2021.
28. О торгово-промышленных палатах в Российской Федерации: Закон Российской Федерации от 7 июля 1993 г. № 5340-1 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». — М., 2021.
29. Парижская конвенция по охране промышленной собственности: [закл. в г. Париже 20 марта 1883 г.] [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2021.
30. Подгруша, В. «Обычай», «обычное» как категории гражданского права: отдельные вопросы теории и практики (по сост. на 12.10.2007 г.) / В. Подгруша [Электронный ресурс] // Там же.
31. Поротиков, А. И. Обычай в гражданском праве Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / А. И. Поротиков; Ин-т государства и права РАН. — М., 2003. — 220 л.
32. Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА 2016 [Электронный ресурс] // UNIDROIT. — Режим доступа: <<https://www.unidroit.org/unidroit-principles-2016/other-languages/russian-black-letter>>. — Дата доступа: 28.06.2021.
33. Про торгово-промислові палати в Україні: Закон України від 2 груд. 1997 р. № 671/97-ВР [Электронный ресурс] // Законодавство України. — Режим доступа: <<https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/671/97-%D0%B2%D1%80#Text>>. — Дата доступа: 28.06.2021.

34. Решение судебной коллегии по делам интеллектуальной собственности Верховного Суда Республики Беларусь от 11 февр. 2013 г. [Электронный ресурс] // Информационно-поисковая система «ЭТАЛОН-ONLINE» / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2021.
35. Решение судебной коллегии по делам интеллектуальной собственности Верховного Суда Республики Беларусь от 5 февр. 2018 г. [Электронный ресурс] // Там же.
36. Решение экономического суда Гродненской области от 13 окт. 2014 г. по делу № 164-8/12/2014 [Электронный ресурс] // Там же.
37. Савченко, М. И. Международные обычаи делового оборота (по сост. на 21.07.2008 г.) / М. И. Савченко [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2021.
38. Сташевский, К. Ю. Сложности применения обычаев международного делового оборота в Республике Беларусь (по сост. на 13.11.2012 г.) / К. Ю. Сташевский [Электронный ресурс] // Там же.
39. Функ, Я. И. О возможности применения ИНКОТЕРМС 2020 для определения условий договора купли-продажи товаров между субъектами (по сост. на 06.02.2020 г.) / Я. И. Функ, А. Я. Чигилейчик-Функ [Электронный ресурс] // Информационно-поисковая система «ЭТАЛОН-ONLINE» / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2021.
40. Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь от 15 дек. 1998 г. № 219-З: принят Палатой представителей 1 нояб. 1998 г.: одобр. Советом Респ. 26 нояб. 1998 г.: текст по сост. на 1 июня 2021 г. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2021.
41. Царева, Л. В. Международный торговый обычай: значение и основания применения / Л. В. Царева // Актуальные вопросы совершенствования правовой системы на современном этапе: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию проф. С. Г. Дробязко, Минск, 11—12 окт. 2012 г. — Минск, 2012 [Электронный ресурс] // Электронная библиотека БГУ. — Режим доступа: <<http://elib.bsui.by/handle/123456789/29443>>. — Дата доступа: 28.06.2021.
42. Цивільний кодекс України від 16 січ. 2003 р. № 435-IV [Электронный ресурс] // Законодавство України. — Режим доступа: <<https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/435-15#Text>>. — Дата доступа: 28.06.2021.
43. Штыкова, Н. Н. Правовая природа обычаев делового оборота в гражданском обороте России / Н. Н. Штыкова // Российская юстиция. — 2013. — № 4 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». — М., 2021.
44. Юркевич, П. С. ИНКОТЕРМС и другие обычаи международного торгового оборота в практике Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь (по сост. на 23.11.2012 г.) / П. С. Юркевич, К. Ю. Сташевский [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2021.
45. Commentary on the Draft Convention on Contracts for the International Sale of Goods prepared by the Secretariat ('1978 Secretariat Commentary'): UN Doc. A/CONF.97/5 [Electronic resource] // CISG-online. — Mode of access: <<http://www.cisg-online.ch/index.cfm?pageID=644#Article%208>>. — Date of access: 28.06.2021.
46. Wadlow, C. The Law of Passing-Off: Unfair Competition by Misrepresentation / C. Wadlow. — London: Sweet & Maxwell, 2011. — 952 p.

Статья поступила в редакцию в июне 2021 г.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ «МЯГКОЙ СИЛЫ» В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Владимир Арчаков, Алексей Баньковский

В статье на основе комплексного анализа зарубежного опыта рассмотрены актуальные вопросы использования потенциала «мягкой силы» и направления применения ее инструментов ключевыми геополитическими игроками. Раскрыты формы и особенности данного воздействия на Республику Беларусь, степень их влияния на внутривнутриполитические процессы в обществе в контексте рисков национальной безопасности, что обуславливает целесообразность использования этих факторов при совершенствовании концептуальных документов стратегического планирования, прежде всего Концепции национальной безопасности.

Ключевые слова: инструменты «мягкой» силы; концепция национальной безопасности; «мягкая» сила; национальная безопасность; стратегия влияния; «умная» сила.

«Foreign Experience of Using «Soft Power» in the Context of Ensuring the National Security of the Republic of Belarus» (Vladimir Archakov, Alexey Bankovsky)

Based on a comprehensive analysis of foreign experience, the article considers topical issues of using the potential of «soft power» and the directions of using its tools by key geopolitical players. The forms and features of this impact on the Republic of Belarus, the degree of their influence on internal political processes in society in the context of national security risks have been revealed. It determines the expediency of using these factors in improving the conceptual documents of strategic planning, primarily the Concept of National Security.

Keywords: influence strategy; national security; national security concept; «smart» power; «soft» power; tools of «soft» power.

Современный мир переживает сложный переходный период трансформации к новой системе международных отношений, который характеризуется усилением противоречий, конкуренции и соперничества между ведущими мировыми державами. Наряду с этим изменяется и содержание классической категории современной геополитики — «мощь» или «сила государства». Военная сила по-прежнему остается важнейшим фактором международных отношений, но она более не является главным и единственным методом реализации внешнеполитических интересов. Все большее значение приобретают политические, экономические, дипломатические, интеллектуальные, информационные, идеологические, культурные и иные ресурсы, а также формы и методы их комплексного применения.

В результате изменений в международных отношениях все большую популярность приобретает концепция «мягкой силы», которая

стала одним из ведущих средств (стратегией), используемых государствами для реализации своих целей на международной арене [4, с. 59]. Технологии «мягкой силы» по своей сути предполагают использование нематериальных ресурсов, достижений культуры, методов убеждения и политических идеалов для оказания необходимого влияния на население зарубежных стран без применения традиционных приемов военно-силового давления. Наряду с этим инструменты «мягкой силы» могут применяться и для реализации на практике концепций «цветных революций», «управляемого хаоса» (инициирование народного гнева), «гражданского неповиновения», «контролируемой конфронтации» и т. д.

В данном контексте авторы поставили в качестве цели статьи изучить и проанализировать ключевые направления использования потенциала «мягкой силы» ведущими миро-

Авторы:

Арчаков Владимир Юрьевич — заместитель Государственного секретаря Совета Безопасности Республики Беларусь, кандидат юридических наук, e-mail: iau@sssc.gov.by

Баньковский Алексей Леонидович — начальник управления Государственного секретариата Совета Безопасности Республики Беларусь, кандидат юридических наук, e-mail: iau@sssc.gov.by
Государственный секретариат Совета Безопасности Республики Беларусь. Адрес: 38, ул. К. Маркса, Минск, 220016, БЕЛАРУСЬ

Authors:

Archakov Vladimir — Deputy State Secretary of the Security Council of the Republic of Belarus, Candidate of Law, e-mail: iau@sssc.gov.by

Bankovsky Alexey — Head of the Department of the State Secretariat of the Security Council of the Republic of Belarus, Candidate of Law, e-mail: iau@sssc.gov.by
The State Secretariat of the Security Council of the Republic of Belarus. Address: 38, Karl Marks str., Minsk, 220016, BELARUS

выми государствами, определить степень влияния указанных инструментов на Республику Беларусь в контексте рисков и вызовов национальной безопасности. Для достижения данной цели необходимо решить следующие задачи: выявить особенности применения усовершенствованных инструментов «умного» влияния на Республику Беларусь, выделить формируемые в связи с этим риски национальной безопасности для возможного учета при подготовке новой редакции Концепции национальной безопасности, иных документов стратегического характера.

В современных условиях трансформации глобальных рисков и вызовов, обострения вопросов мирового доминирования использованию государствами потенциала «мягкой силы» уделяется все большее внимание. Указанной проблематике посвящено значительное количество монографий, научных работ, трудов и статей, в том числе и в периодических изданиях. Теоретической и методологической основой статьи стали базовая концепция «мягкой силы» Дж. Наея и подготовленные на ее основе научные работы и аналитические публикации ученых, аналитиков, а также ежегодные периодические обзоры и издания специализированных организаций, определяющих соответствующие рейтинги [1; 4; 11; 13; 14; 16; 30; 34]. В процессе исследования также изучены нормативные правовые акты Республики Беларусь, регламентирующие основные направления внутренней и внешней политики, документы концептуально-доктринального характера.

Особенности использования и направления применения потенциала «мягкой силы» основными геополитическими игроками в мире. Термин «мягкая сила» («*soft power*») впервые обоснован и введен в оборот в конце 80-х гг. XX в. американским политологом, специалистом в области международных отношений Дж. Наем, который определил его как «способность государств добиваться желаемых внешнеполитических результатов на основе добровольного участия, симпатии и привлекательности» [16]. Данный феномен предусматривает привлечение, убеждение и противоположен понятию «грубой силы», когда результат достигается через «принуждение» (прямое политическое давление, угрозы, шантаж, использование вооруженных сил и т. д.). В результате через свою «мягкую силу», т. е. через свою привлекательность, а не через «демонстрацию своих мускулов» государства оказывают влияние на действия других стран.

Феномен «мягкой силы» любого государства основывается на трех основных составляющих: культуре (когда она привлекательна для других стран), политических ценностях (когда государство им следует) и внешней политике (когда другие страны признают ее легитимной) [11, с. 57].

Воздействие инструментов «мягкой силы» зачастую осуществляется по следующим направлениям:

- политическое, связанное с международной популярностью и влиянием политических институтов конкретного государства;

- экономическое, обусловленное инвестиционной и финансовой привлекательностью, высоким экономическим потенциалом государства-субъекта;

- дипломатическое, обеспечиваемое способностью государства выполнять функции эффективного международного посредника, организатора переговорного процесса по актуальным вопросам международной повестки;

- гуманитарное, связанное с авторитетом образовательной системы, научной и технологической деятельности, международным признанием богатого культурного наследия;

- информационное, связанное с влиянием национальных масс-медиа, популярностью и объемом медиаконтента, производимого государством-субъектом [см.: 6, с. 949].

После терактов в США в 2001 г. и последующей «войны с терроризмом» концепция «мягкосилового» влияния была дополнена новым элементом — «умной силой» (*smart power*), которая рассматривалась как способность государства сочетать «мягкую» и «грубую» силу для формирования выигрышной стратегии [см.: 26]. Использование возможностей «умной силы» позволяло применяющим ее сторонам сохранять большую свободу действий в отношениях со странами — объектами воздействия, гибко дополнять несилевое влияние методами дипломатического либо военного давления.

Кроме того, в последнее время с учетом появления новых и трансформации традиционных рисков и вызовов все большую актуальность приобретают еще несколько самостоятельных направлений реализации концепции «умной силы». Среди них целесообразно выделить два основных.

Первое направление — глобальная трансформация гуманитарного сотрудничества в сфере противодействия коронавирусной пандемии в новое направление зачастую избирательного двух- и многостороннего геополитического воздействия, несмотря на усилия международного сообщества и отдельных стран по формированию возможностей по предоставлению странам равного доступа к вакцине и иным эффективным средствам противодействия COVID-19. В данном контексте показательно появление и активное использование в повседневной политико-дипломатической практике новых терминов «масочная дипломатия», «вакцинная дипломатия» [8; 29], которые сами по себе наиболее наглядно демонстрируют содержание этого феномена современной *Realpolitik* (с нем. реальная политика — термин, используемый для обозна-

чения политики, основанной на реальности, относится к стремлению реалистов воспринимать политику такой, какая она есть в действительности, а не такой, какой хотели бы ее видеть идеалисты. Чаще всего используется в связи с внешней политикой).

Второе направление — активное использование интеллектуального потенциала государствами для достижения своих целей, прежде всего различных организационно-правовых форм реализации информационно-аналитической деятельности в целях толкования, в том числе «мягкого» навязывания, новых нарративов в сознании не только отдельных индивидов, но и социума страны — мишени такого воздействия в целом. В данном контексте широкое распространение получают различного рода, как правило, негосударственные «фабрики мысли», продукция которых зачастую относится к псевдоаналитике и носит ярко выраженный заказной характер.

Применительно к внешнеполитической деятельности можно констатировать развитие относительно нового явления — «аналитической дипломатии», направленной прежде всего на финансирование государствами и формирование ими условий для продвижения заданных оценок и трактовок происходящих событий и парадигмы будущего в выгодном им «окне возможностей».

Согласно данным глобального рейтинга государств (составляется международной консалтинговой компанией «Portland» (США) на основании оценки различных категорий показателей, а также в ходе опросов общественного мнения), наиболее эффективно использующих инструменты «мягкой силы» для достижения своих внешнеполитических целей, лидирующие позиции в мире на протяжении последних пяти лет занимают Франция, Великобритания, Германия, Швеция, США (см. рисунок).

США как разработчик стратегии «мягкой силы» активно используют ее инструменты. Американская концепция «мягкосилового» влияния основывается на привлекательности американской культуры и образа жизни (так называемая американская мечта), либеральной политической идеологии и значительных финансовых активах (в 2000-х гг. Вашингтон вкладывал в продвижение «мягкой силы» объем средств, сравнимый с расходами на оборонную отрасль) [2]. Ключевым институтом «мягкой силы» в США является Агентство по международному развитию (*USAID*). Основными задачами организации являются поддержка торговли, сельского хозяйства, экономического роста, здравоохранения, экстренной гуманитарной помощи, а также содействие предотвращению конфликтов и поддержке демократии более чем в 100 странах мира. Свою работу *USAID* проводит в странах Африки, Азии и Ближнего Востока, Латинской Америки и Карибского бассейна, Евразийско-

го континента, а на финансирование программ организации ежегодно выделяется около 1 % Федерального бюджета США.

Наиболее эффективным инструментом «мягкой силы» США остается публичная дипломатия. Для поддержания доверия к собственным международным инициативам американское руководство подробно освещает все реализуемые внешнеполитические шаги, фокусируется на наиболее важных темах, постоянно и плотно контактирует с иностранными интеллектуальными элитами.

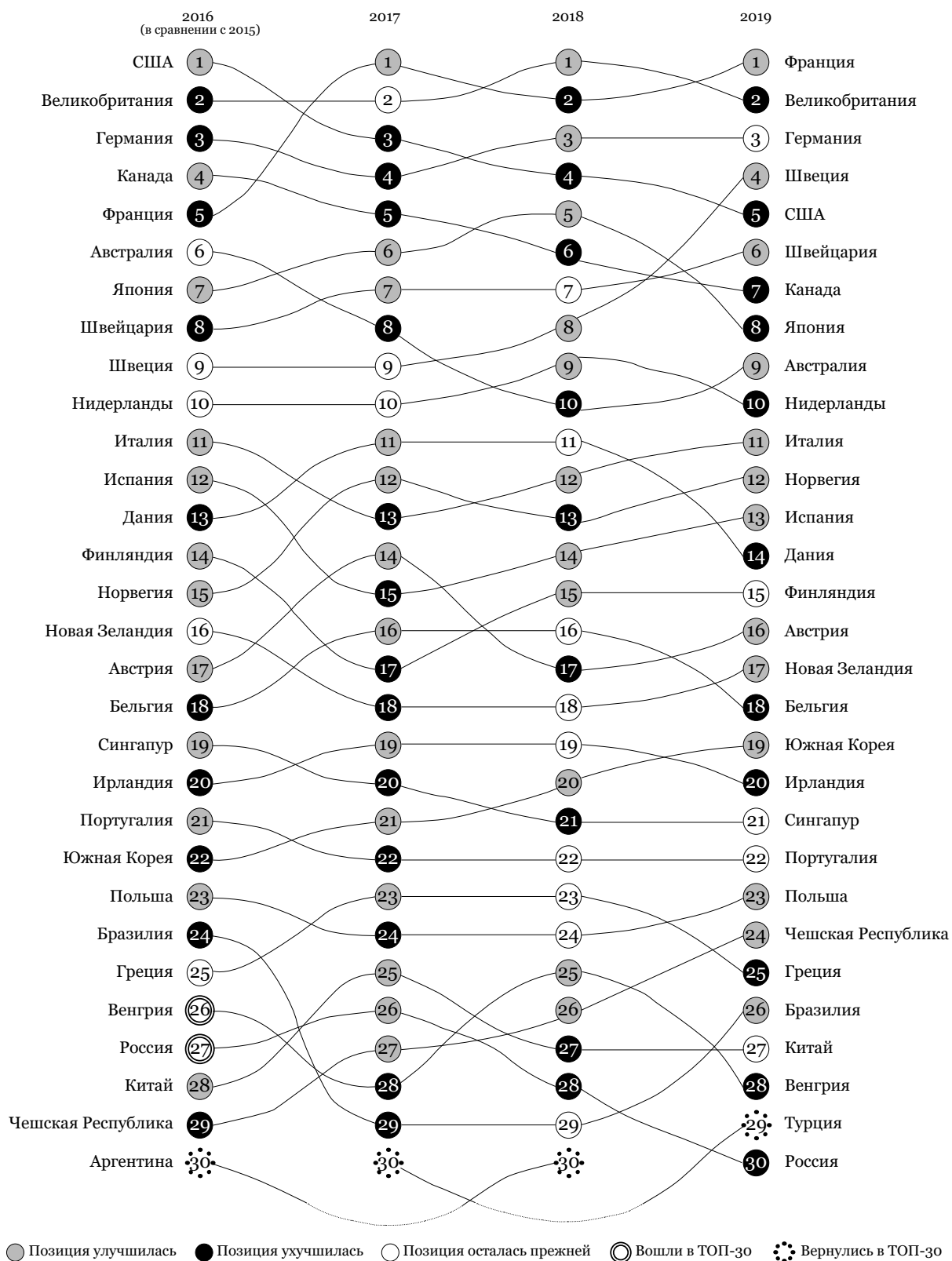
Ключевое значение для США имеет стратегия международного образования (обучение иностранных граждан в американских вузах, программы обмена студентами, предоставление научных стипендий, премий и т. д.). Работа в данном направлении формирует положительный образ Америки у студентов по всему миру и создает так называемые центры притяжения для лидеров мнений в других государствах [см.: 5]. В последующем иностранные выпускники американских образовательных программ, которые становятся политическими и культурными лидерами, формируют среди населения своих стран положительное отношение к США. Подобную подготовку и обучение прошли занявшие впоследствии высокие государственные должности в своих странах М. Тэтчер, М. Саакашвили, В. Ющенко и др.

Значительный вклад в продвижение влияния и притягательности США вносит распространение «американских ценностей» через средства массовой информации (СМИ) и сферу культуры (шоу-бизнес, кинематограф и т. д.) [9]. Заметным нововведением во внешней политике США при президенте Б. Обаме стало появление так называемой цифровой дипломатии, в которой социальные сети стали эффективным инструментом взаимодействия администрации Белого Дома с миллионами граждан. Одна из инициаторов данной «цифровой реформы», экс-госсекретарь Х. Клинтон сравнивала цифровую дипломатию с «умной силой», посредством которой США укрепляли союзнические отношения со странами Европы, Азиатско-Тихоокеанского региона.

В настоящее время публичная дипломатия США представляет собой отлаженный механизм, эффективно влияющий на зарубежную аудиторию через радио, телевидение, сеть Интернет.

Евросоюз как объединение государств активно использует инструментальный «мягкой силы» входящих в его состав стран для обеспечения своего влияния во внешнеполитической сфере. При этом наибольшим потенциалом обладают Германия, Франция и Великобритания (до момента выхода из ЕС).

Так, **Германия** свой достаточный опыт «мягкосилового» воздействия активно использует для решения важных внешнеполитических задач (послевоенное «экономическое

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Мировой рейтинг государств по использованию инструментов «мягкой силы»

Источник: [31, p. 40].

чудо», воссоединение Восточной и Западной Германии в 1990 г., удержание лидерских позиций в Европе и т. д.). К основным ее ресурсам относят культуру, немецкий язык, образование и науку, внешнюю политику.

Немецкая «мягкая сила» играет важную роль в экспортно ориентированном характере немецкой экономики и способствует продвижению своей продукции на зарубежные рынки. Ключевым фактором при этом выступает широко известное высокое качество товаров и услуг Германии, а также деловой имидж и репутация немецких партнеров как надежных, ответственных и пунктуальных.

Создание привлекательного образа благодаря высокому качеству образования, а также тому, что Германия входит в число мировых лидеров в научной области, позволяет стране обеспечивать приток интеллектуальных ресурсов и способствует долгосрочному инновационному росту.

Важную роль в продвижении немецкого языка и осуществлении культурно-информационной работы за рубежом в рамках внешней культурной политики Германии играет Институт имени Гёте, финансируемый правительством Германии (его представительства действуют более чем в 90 странах мира, включая Беларусь с 1993 г.) [32]. Расширению международных контактов ФРГ в области образования способствует также функционирование Германской службы академических обменов (ДААД), специализирующейся на развитии связей в сфере высшего образования и науки с помощью программ обмена, предоставления стипендий и консультационных услуг. Организация насчитывает 18 региональных офисов по всему миру и 55 исследовательских и информационных центров и пунктов, в том числе в Беларуси (действует с 2003 г.) [35].

В **Великобритании** приоритетное влияние в реализации «мягкосиловой» политики имеют английский язык, культура и искусство, спорт, образование, наука, международное развитие, внешняя политика и оборона. «Целевой аудиторией» для распространения британской «мягкой силы» являются высокопоставленные лица государств, принимающие важные управленческие решения и обладающие влиянием (лидеры организаций, групп, сообществ и сетей, разрабатывающие и реализующие определенную политику или имеющие значительное влияние на жизнь и мнение других социальных групп), а также перспективные будущие лидеры (молодые люди в возрасте до 35 лет).

Последовательная реализация страной своей внешней политики позволила достичь значительных успехов в применении «мягкой силы». Согласно экспертным оценкам, Великобритания — одна из наиболее привлекательных стран для получения образования, иммиграции и туризма. Страна сохраняет свои позиции и влияние в международных органи-

зациях, обладает авторитетом в области науки, культуры и искусства, является одним из крупнейших доноров программ содействия развитию. Кроме того, Лондон — крупнейший финансовый и деловой центр мира. В совокупности это позволяет государству активно распространять идеи и ценности, влиять на глобальную внешнеполитическую повестку дня, задавать стандарты в области международного развития. Подобный подход также создает широкие возможности для деятельности британских компаний за рубежом и повышает привлекательность производимых в Великобритании товаров и услуг, что способствует росту экономики и благосостояния британских граждан. Выход из ЕС также содействует формированию нового отношения к Великобритании как к самостоятельному игроку в мире [см.: 28].

Значительным набором ресурсов для развития глобального сотрудничества на международной арене обладает **Франция**, лидирующая в рейтинге государств по использованию «мягкой силы». Одним из ключевых принципов французской дипломатической политики является борьба с нарушениями прав человека, и страна активно продвигает его на многосторонних форумах и реализует в двусторонних отношениях. Продвижение французских ценностей и культуры за рубежом осуществляется, как правило, через некоммерческие организации и академическое сообщество. При этом на бюджет МИД как ключевого ведомства в продвижении французской «мягкой силы» приходится половина всего финансирования внешнего воздействия по всем направлениям. На установление международных культурных контактов Франция направляет значительные средства, размер которых сопоставим с расходами США [см.: 15].

Для продвижения французских ценностей и культуры за рубеж используется широкая дипломатическая сеть (вторая по размеру в мире после США). Фундаментом политики «мягкой силы» Франции считается культурная дипломатия, особенность которой состоит в использовании статуса французского языка и культуры, что отражается в феномене Франкофонии. При этом работу по продвижению французского языка осуществляет значительное количество децентрализованных организаций (Агентство по преподаванию французского языка за рубежом, Агентство по распространению технической информации, холдинг «Внешнее аудиовизуальное агентство Франции» и др.) [12, с. 122]. Позитивному имиджу Франции за рубежом также содействуют Французское агентство по иностранным инвестициям, Французское агентство развития международного бизнеса и др.

В целом, несмотря на децентрализованный характер французской политики «мягкой силы», общая система взаимодействия

основных французских организаций, ответственных за международное культурное, научное и техническое сотрудничество, отличается полнотой и системностью в реализации ключевых направлений стратегии «мягкого» влияния. Особое внимание Франция уделяет развитию общественной дипломатии, активно использует инструменты Франкофонии, а развитая система выставок и специальных приемов посольств позволяет организовать поддержку французских предприятий для выхода на рынки зарубежных стран.

Китай также активно использует потенциал «мягкой силы» в реализации своих внешнеполитических интересов. При этом основной упор делается на экономический (предоставление странам-партнерам торговых преференций, кредитование конкретных проектов и др.) и гуманитарный (сотрудничество в сфере социальной политики, здравоохранения, предоставление гуманитарной помощи и др.) аспекты взаимодействия. Важным средством китайского «мягкого» влияния является дипломатия, посредством которой осуществляется поддержка благоприятного имиджа страны за рубежом, а также различных международных инициатив Пекина по обеспечению всеобщей безопасности, укреплению глобальной политической и экономической стабильности [см.: 10]. В частности, реализация КНР концепции «гармоничного мира» на основе «пяти принципов мирного сосуществования» пользуется поддержкой на международной арене, прежде всего среди развивающихся стран. Значительное внимание уделяется популяризации в мире духовной и материальной культуры Китая.

Важным элементом проецирования «мягкой силы» КНР выступают СМИ. Пекин не только вкладывает значительные средства в развитие собственного медиасектора, но и спонсирует расширение присутствия китайских тем в СМИ за рубежом, тем самым подорывая монополию западных масс-медиа на «предвзятое» освещение и трактовку важнейших событий мировой повестки.

В **Российской Федерации** понятие «мягкая сила» длительное время отсутствовало. Однако его отдельные аспекты, касающиеся популяризации русского языка и «русского мира», были закреплены в нормативных правовых актах, регламентировавших ключевые направления внешней политики страны (термины «русский мир» и «публичная дипломатия» впервые введены в Концепцию внешней политики Российской Федерации 15 июля 2008 г.). В. В. Путин охарактеризовал «мягкую силу» как «комплекс инструментов и методов достижения внешнеполитических целей без применения оружия, а за счет информационных и других рычагов воздействия» [цит. по: 6, с. 950].

Позднее, в утвержденной 30 ноября 2016 г. Концепции внешней политики Российской Федерации (действует до настоящего времени), применение «мягкой силы» признано «неотъемлемой составляющей российской внешнеполитической деятельности» [17]. Реализация основных направлений политики «мягкой силы» России осуществляется, как правило, через Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, международное гуманитарное сотрудничество («Россотрудничество»), Фонд «Русский мир», Фонд поддержки публичной дипломатии имени А. М. Горчакова, Российское военно-историческое общество, учредителями которых являются преимущественно профильные министерства и госорганизации. Многие из таких структур имеют разветвленную сеть своих отделений за рубежом, например агентство «Россотрудничество» представлено 97 представительствами более чем в 80 странах мира: 73 российских центра науки и культуры в 62 странах, 24 представителя в составе посольств в 21 зарубежном государстве [7].

Применение основных инструментов «мягкосилового» воздействия на территории Республики Беларусь, риски и вызовы для национальной безопасности. Исторически Республика Беларусь всегда находилась на межцивилизационном разломе. С момента обретения суверенитета и независимости страна находится в зоне пересекающихся интересов и «мягкого влияния».

Например, активные попытки оказать влияние в белорусском направлении предпринимает **Польша**, «мягкая сила» которой носит весьма интенсивный и специфический характер, особенно после прихода в 2015 г. к власти партии «Право и справедливость». В принятой 12 мая 2020 г. Стратегии национальной безопасности Польши проблематика формирования позитивного имиджа страны на международной арене предполагает усиление позиций польского государства через публичную и культурную дипломатию, а также технологии социальных коммуникаций, создание положительного имиджа страны посредством продвижения польского языка, культуры, науки и истории, а также христианского наследия польской нации, укрепление бренда польской экономики и поддержку польских компаний [см.: 33].

Ключевой вектор польской «мягкой силы» в белорусском направлении — максимальное отдаление Беларуси от России, особенно после создания Беларусью и Россией Союзного государства. С точки зрения польской геополитики, Прибалтика, Беларусь и Украина должны обеспечивать роль «санитарного кордона» между Польшей и Россией и, как следствие, быть сторонниками Запада или как минимум оставаться нейтральными государствами.

Наряду с этим Варшава продолжает рассматривать Беларусь как часть региона Центральной и Восточной Европы, где Польша считает себя главным действующим лицом, а также элементом своего исторического пространства, утраченного после 1939 г. С учетом этого политика «мягкой силы» Польши также нацелена на возвращение так называемых Крес Восточных в сферу своего влияния.

Важную роль в польской «мягкой силе» играет программа «Польская помощь» [20], координируемая МИД Польши, которая декларирует оказание содействия иностранным государствам по различным направлениям. Среди ключевых из них в белорусском направлении выделяют:

- деятельность непризнанной общественной организации «Союз поляков Беларуси» (по оценкам экспертов, ее деятельность превратилась из культурного центра в «мягкое» политическое лобби, направленное на поддержку и продвижение польскоцентричных ценностей);

- обеспечение вещания на территорию Беларуси белорусскоязычного телеканала «Белсат» при финансовой поддержке польского правительства [3];

- принятый в 2008 г. закон «О карте поляка» [22], являющийся фактически инструментом этнической экспансии и позволяющий белорусам с польскими корнями получить значительное число привилегий в Польше.

После вступления в ЕС в 2004 г. польская сторона потратила около 140 млн евро на участие своей «мягкой силы» в Республике Беларусь, обеспечив финансирование через правительственные программы (в основном по линии МИД Польши) различных некоммерческих структур и организаций в Беларуси. Активную поддержку со стороны польского руководства получают организации националистического толка, а также пропольски настроенные деструктивные силы. Созданы благоприятные условия для притока молодежи из республики, например через стипендиальную программу имени Константина Калиновского (бесплатное обучение белорусских студентов в польских вузах). Польша стала одним из популярных мест для обучения белорусских студентов, количество которых с 2012 по 2018 г. выросло с 2 до 8 тыс. человек [19].

Одновременно увеличивается и число уехавших в Польшу трудовых мигрантов из Беларуси, чему во многом способствует карта поляка. В частности, количество приглашений от польских работодателей для белорусов по упрощенной схеме трудоустройства за последние пять лет выросло почти в 12 раз, занимая второе место после Украины [19].

Попытки Польши оказать влияние на происходящие в Беларуси события в рамках «мягкосилового» воздействия значительно усилились после проведения президентских

выборов в августе 2020 г. Ключевым аспектом стало предоставление площадки отдельным деструктивным блогерам для организации и координации акций протеста, забастовок, бойкотов и других инструментов внешнего давления на страну. Кроме того, официальная Варшава фактически солидаризировалась с представителями антибелорусских сил, а премьер-министр М. Моравецкий отметил, что Польша будет продвигать на уровне ЕС принятие «плана Маршалла» для Беларуси, благодаря которому новая демократическая власть может получить помощь от Запада на проведение реформ (14 августа 2020 г. премьер-министр Польши М. Моравецкий представил основные положения так называемого плана солидарности с Беларусью, в рамках которого заявил, что Варшава выделит более 13 млн дол. США на различные программы, связанные с Беларусью [23]). Тем самым обеспечиваются реализация Польшей собственных узконациональных интересов, прежде всего по привлечению новых трудовых мигрантов, а также повышение имиджа в регионе.

Немаловажным инструментом «мягкой силы» Польши является постоянное смягчение национального законодательства страны в целях расширения возможностей по трудоустройству иностранцев (в первую очередь белорусов), его адаптации под социально-экономические потребности польского государства. В частности, в соответствии с решением Министерства развития, работы и технологий Польши с 1 декабря 2020 г. белорусские врачи и IT-специалисты могут трудоустроиваться в Польше при наличии гуманитарной визы, не обращаясь за разрешением на работу [25].

Важным инструментом «мягкой силы» Польши по усилению своего влияния в Беларуси остается религиозный фактор. Католическая церковь (вторая по значению после православной) уже фактически превратилась в институт, выполняющий не только религиозно-просветительские, но и политико-идеологические функции. Целью действующих при некоторых костелах всевозможных организаций зачастую является усиление польского влияния в Беларуси.

На этом фоне **литовское** «мягкое» влияние в Республике Беларусь также набирает все большую динамику. Важной составляющей выступает поддержка в республике литовских национальных меньшинств и католицизма.

Серьезный миграционный кризис в стране актуализировал необходимость популяризации и укрепления имиджа Литвы за рубежом. В феврале 2020 г. президент Литвы Г. Науседа обозначил распространение «мягкой силы» и укрепление позитивного имиджа страны в качестве безотлагательной задачи ее внешней политики, которая была возложена на правительство, министерства иностранных дел, экономики и инноваций, культуры, а также

Литовский институт культуры и публичные учреждения «Бизнес в Литве», «Инвестируй в Литву» и «Путешествуй в Литве» [21].

Наряду с этим отмечаются факты использования Литвой инструментария «мягкой силы» в деструктивных целях. Об этом свидетельствуют многолетние усилия литовской стороны по намеренному формированию недружественного, абсолютно ничем не обоснованного негативного общественного мнения, связанного со строительством БелАЭС, неоднократные попытки инициировать введение санкций, а также демонстративное оказание помощи антибелорусским силам.

В то же время потенциал использования **Беларусью** своей «мягкой силы» лежит в плоскости проведения сбалансированной многовекторной политики, продвижения интересов путем участия в деятельности международных организаций, двух- и многосторонних контактов, интеграционных проектов. Одновременно республика защищает свои национальные интересы путем наращивания международного авторитета и влияния. Для этого Беларусь активно использует дипломатию и задействует отдельные механизмы «мягкой силы» по следующим направлениям [см.: 24]:

1) создание положительного образа страны и его продвижение в мировом информационном пространстве посредством донорства, инициативности, тематического лидерства.

Случаи донорства Республики Беларусь в международных организациях за последние два десятилетия связаны, как правило, с деятельностью по борьбе с торговлей людьми. Наибольшую успешность в реализации тематических предложений Беларусь приобрела с 2005 г., выступив с инициативой по борьбе с торговлей людьми. Это позволило занять лидирующие позиции по обсуждению данной проблематики, в том числе и благодаря получению универсальной поддержки предложений Беларуси на различных международных площадках (глобальный план действий ООН по борьбе с торговлей людьми, многочисленные резолюции и т. д.);

2) повышение авторитета и роли Беларуси путем реализации посреднических миссий в разрешении конфликтов. Росту узнаваемости белорусского государства способствовали организация и участие в переговорах в Минске в отношении Украины, когда Беларусь не только выступила инициатором процесса, но и обеспечила его дипломатическое и организационное сопровождение. Кроме того, Минск стал местом регулярных встреч контактной группы, а выражение «минские соглашения» в мировом информационном пространстве стало нарицательным [см.: 27];

3) формирование сообществ, продвигающих интересы Беларуси в других странах. Важную роль в этом направлении играют организация и развитие контактов с диаспорами,

гражданами и выходцами из Беларуси, постоянно проживающими за границей, которые являются важным механизмом защиты и продвижения интересов белорусского государства на международной арене.

Наряду с этим представляется целесообразным выделить следующие актуальные риски и вызовы национальной безопасности страны от применения механизмов «мягкого» воздействия, которые в целом могут быть учтены в рамках работы по совершенствованию положений Концепции национальной безопасности, а также Концепции внешней политики Республики Беларусь.

1. Использование влиятельными странами (блоками и союзами) инструментов «мягкой силы» для ослабления посредством невоенного или гибридного воздействия системы государственного управления Беларуси и обеспечения контроля внешней и внутренней политики государства.

2. Дальнейший интенсивный поиск антибелорусскими силами механизмов и точек приложения в Беларуси инструментов «мягкого» воздействия, обеспечивающих гарантированное малозатратное изменение провозглашенного народом Беларуси курса социально-экономического развития и геополитического позиционирования.

3. Использование США и странами Запада всего комплекса имеющихся ресурсов «мягкой силы», в том числе гуманитарных программ, в целях дальнейшего расширения деструктивного влияния среди белорусского населения.

Таким образом, политика «мягкой силы» представляет собой достаточно эффективный инструмент долгосрочного воздействия на страны-мишени, направленный на глубинные изменения мировоззренческих установок, формирование привлекательности страны — субъекта «мягкого» воздействия. В современных условиях «мягкая сила» — это эффективное средство повышения и укрепления международного имиджа государств, а также объективная реальность и важный фактор, который оказывает непосредственное влияние на политику стран — объектов данного воздействия. Ее главными субъектами являются мировые державы, обладающие наибольшим потенциалом и стремящиеся к дальнейшему расширению своего влияния. Лидирующие позиции в сфере применения инструментов «мягкой силы» сохраняют США, Великобритания, Франция и Германия.

Важную роль в реализации потенциала «мягкой силы» играет создание специализированной инфраструктуры воздействия, представляющей собой сеть различных некоммерческих структур, фондов и организаций, как правило, финансируемых из бюджета государств-субъектов и обеспечивающих координацию работы по достижению поставленных целей.

Особенность применения «мягкой силы» состоит в значительных временных затратах, а ее стратегия ориентирована на достаточно долгосрочную перспективу. Вследствие этого инструменты «мягкого» воздействия не могут быть применены оперативно, они нацелены на постепенное и долговременное вовлечение государств-объектов в зону своего влияния. «Мягкая сила» генерируется и проецируется годами и приносит результат в отдаленном будущем. При этом гарантированный результат «мягкого» влияния объективно ниже, чем в случае применения «жесткой силы», однако в случае успеха он носит более долгосрочный характер. Кроме этого, задействование возможностей «мягкой силы» требует значительных материальных ресурсов, обусловленных необходимостью финансирования различных программ и проектов с заранее неочевидным результатом.

В современных условиях новым вызовом, получившим огромный и до конца пока не изученный трансформационный потенциал, является глобальное распространение COVID-19. Данный процесс оказал активное влияние на взаимодействие государств в мире. В этом контексте феномен «мягкой силы» получил новый инструмент воздействия на страны-мишени в виде доступа к вакцине и передовым технологиям ее изготовления, что еще больше обострило борьбу за мировое и региональное доминирование.

В силу своего геополитического положения Республика Беларусь является объектом влияния «мягкой силы» ряда ведущих государств мира. При этом в отношении республики применяется разнонаправленный арсенал средств воздействия, вплоть до санкционных мер и попыток изменения существующего конституционного строя.

В современных условиях формирование белорусским государством внешнеполитических векторов, регулирование внутривнутриполитических, социально-экономических процессов, а также развитие системы национальной безопасности (в том числе путем совершенствования основополагающих концептуальных документов стратегического характера) должны осуществляться с учетом новейших реалий «мягкой силы». При этом инструментарий «мягкой силы» должен иметь практическое применение в контексте продвижения национальных интересов в рамках международной повестки дня как в двух-, так и в многосторонних форматах.

Республика Беларусь, как и любое другое государство, заинтересована в продвижении своего позитивного международного имиджа. Ее внешняя политика строится на признании единых подходов к развитию отношений со всеми зарубежными партнерами, а основным механизмом выступает многосторонняя дипломатия. Несмотря на отсутствие в Законе «Об утверждении Основных направлений внутренней и внешней политики Республики Беларусь» [18] прямого упоминания механизма «мягкой силы», Беларусь в своей практической внешнеполитической деятельности активно популяризирует историю и культуру белорусского народа и государства, традиционные национальные ценности, тем самым формируя положительный имидж страны на международной арене.

Указанные трансформационные процессы целесообразно учитывать при подготовке новой редакции Концепции национальной безопасности, а также в процессе разработки новой Концепции внешней политики Республики Беларусь.

Список использованных источников

1. Агеева, А. Инструменты «мягкой силы» во внешней политике России: проблемы и перспективные решения / А. В. Агеева // Власть. — 2020. — № 1. — С. 190—193. (<<https://doi.org/10.31171/vlast.v28i1.7074>>)
2. Александров, Д. Внешнее влияние на стабильность Центральной Азии (на примере воздействия «мягкой силы» США) / Д. Александров // ОДКБ и стабильность в Центральной Азии: сб. материалов междунар. «круглого стола» 02.07.2013 (г. Алматы). — Алматы, 2013. — С. 64—72.
3. Белсат [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <<https://belsat.eu/ru/>>. — Дата доступа: 26.06.2021.
4. Бочарников, И. В. «Мягкая сила» как феномен современной мировой политики / И. В. Бочарников // Дипломат. служба. — 2018. — № 2. — С. 58—66.
5. Братерский, М. В. Концепция «мягкой силы» во внешнеполитической стратегии США / М. В. Братерский, А. С. Скриба // Вестн. междунар. организаций: образование, наука, новая экономика. — 2014. — Т. 9, № 2. — С. 130—143.
6. Будаев, А. В. Сравнительный анализ «мягкой силы» во внешней политике России и Китая / А. В. Будаев // Политика и общество. — 2016. — № 7. — С. 948—959. (<<https://doi.org/10.7256/1812-8696.2016.7.15644>>)
7. Гастроли зарубежных театров в Новосибирске и «Технопром» в Берлине: губернатор подписал соглашение с Росотрудничеством [Электронный ресурс] // Правительство Новосибирской области. — 03.06.2021. — Режим доступа: <<https://www.nso.ru/news/47193>>. — Дата доступа: 16.06.2021.
8. Гейвен, М. Д. «Масочная» дипломатия / М. Д. Гейвен [Электронный ресурс] // IPG. — 21.04.2020. — Режим доступа: <<https://www.ipg-journal.io/regiony/mir/masochnaja-diplomatija-1045/>>. — Дата доступа: 12.06.2021.
9. Данилина, Н. В. Внешнеполитический инструментарий США: «мягкая сила» и санкции / Н. В. Данилина, С. С. Костяев // США & Канада: экономика, политика, культура. — 2018. — № 1. — С. 86—100.
10. Ковба, Д. М. «Мягкая сила» в китайской политической науке и практике / Д. М. Ковба // XX Международная конференция памяти профессора Л. Н. Когана «Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования», Екатеринбург, 16—18 марта 2017 г. — Екатеринбург: УрФУ, 2017. — С. 2002—2010.
11. Козикова, Н. В. Зарубежный опыт реализации политики «мягкой силы» / Н. В. Козикова // Дипломат. служба. — 2017. — № 4. — С. 54—61.

12. Косенко, С. «Мягкая сила» как фактор культурной дипломатии Франции / С. И. Косенко // Знание. Понимание. Умение. — 2014. — № 1. — С. 114—125.
13. Кошкар-оол, А. А. «Мягкая сила» в международной политической коммуникации: подходы к интерпретации концепции / А. А. Кошкар-оол [Электронный ресурс] // Информационно-коммуникационные технологии. — 2019. — № 1 (10). — Режим доступа: <<https://intcom-mgimo.ru/2019/2019-10/soft-power-in-int-political-communication/>>. — Дата доступа: 16.06.2021.
14. Леонова, О. Г. Интерпретация понятия «мягкая сила» в науке / О. Г. Леонова // Обозреватель = Observer. — 2015. — № 2. — С. 80—89.
15. Нагорнов, В. А. «Мягкая сила» по-французски / В. А. Нагорнов // Вестн. междунар. организаций: образование, наука, новая экономика. — 2014. — Т. 9, № 2. — С. 167—186.
16. Най, Дж. «Мягкая сила» и американо-европейские отношения / Дж. Най [Электронный ресурс] // Smart Power Journal. — 07.04.2013. — Режим доступа: <<http://smartpowerjournal.ru/soft-power/>>. — Дата доступа: 16.06.2021.
17. Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 30 нояб. 2016 г. № 640 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». — М., 2021.
18. Об утверждении Основных направлений внутренней и внешней политики Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь от 14 нояб. 2005 г. № 60-З [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — Режим доступа: <<http://www.pravo.by/document/?guid=3871&po=h10500060>>. — Дата доступа: 04.12.2020.
19. Озимко, К. Интересы Польши в Белоруссии: геополитика, экономика, «мягкая сила» / К. Озимко [Электронный ресурс] // Украина.ру. — 19.11.2020. — Режим доступа: <<https://ukraina.ru/exclusive/20201119/1029669041.html>>. — Дата доступа: 14.12.2020.
20. Польская помощь [Электронный ресурс] // Польская поддержка — поддержка развития предпринимательства в Беларуси. — Режим доступа: <<https://plby.pfgr.pl/ru/partneru/polskaaya-pomoshch>>. — Дата доступа: 26.06.2021.
21. Президент встретился с аккредитованными в Литве послами иностранных государств [Электронный ресурс] // Президент Литовской Республики. — 17.02.2020. — Режим доступа: <<https://www.lrp.lt/ru/press-centr/povosti/33793>>. — Дата доступа: 26.06.2021.
22. Президент Польши подписал изменения к Закону о карте поляка [Электронный ресурс] // vsetutpl. — 06.06.2019. — Режим доступа: <<http://vsetutpl.com/ru/prezydent-polshy-podpysal-uzmenenyya-k-zakonu-o-karte-polyaka>>. — Дата доступа: 26.06.2021.
23. Премьер-министр Польши Моравецкий: Польша выделит 50 млн злотых на помощь Беларуси [Электронный ресурс] // Белсат. — 14.08.2020. — Режим доступа: <<https://belsat.eu/ru/news/premer-ministr-polshi-moravetskij-polsha-vydelit-50-mln-zlotyh-na-pomoshh-belarusi>>. — Дата доступа: 16.06.2021.
24. Слуцкая, Л. «Мягкая сила» во внешней политике Республики Беларусь на современном этапе / Л. Слуцкая, О. Побережная // Дипломатия Беларуси: прошлое и настоящее: сб. материалов науч. семинара, Минск, 6 марта 2015 г. / под ред. А. В. Русаковича. — Минск: БГУ, 2015. — С. 41—47.
25. С 1 декабря белорусские врачи и IT-специалисты смогут работать в Польше без разрешения [Электронный ресурс] // Бизнес-новости: информационно-аналитическое агентство. — 16.11.2020. — Режим доступа: <<http://doingbusiness.by/s-1-dekabrja-belorusskie-vrachi-i-it-specialisti-smogut-rabotat-v-polshe-bez-razresheniya>>. — Дата доступа: 16.06.2021.
26. Суркова, Е. А. Теоретические основы понятия «умной» силы / Е. А. Суркова // Политика и общество. — 2016. — № 9. — С. 1202—1207. (<<https://doi.org/10.7256/1812-8696.2016.9.20332>>)
27. Сухаревич, О. Концепция «мягкой силы» Республики Беларусь / О. В. Сухаревич // Историческая наука: достижения, проблемы, перспективы: сб. материалов XI Респ. науч.-практ. конф. студентов и магистрантов, посвящ. 100-летию г. Бреста, Брест, 18—19 апр. 2019 г. — Брест: БрГУ имени А. С. Пушкина, 2019. — С. 216—223.
28. Харитонова, Е. М. «Мягкая сила» бывших империй: сравнительный опыт Великобритании и Испании / Е. М. Харитонова, И. Л. Прохоренко // Мировая экономика и междунар. отношения. — 2018. — Т. 62, № 3. — С. 39—49. (<<https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-3-39-49>>)
29. Ченуша, Д. «Вакцинная» дипломатия / Д. Ченуша [Электронный ресурс] // IPG. — 18.01.2021. — Режим доступа: <<https://www.ipg-journal.io/regiony/евгора/vakcinnaja-diplomatija-1223/>>. — Дата доступа: 12.06.2021.
30. Юдин, Н. В. Жесткий взгляд на «мягкую силу»: критический анализ монографии Дж. Ная «Будущее власти» / Н. В. Юдин // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 25. Междунар. отношения и мировая политика. — 2013. — № 4. — С. 134—163.
31. A Global Ranking of Soft Power 2019 [Electronic resource] // The soft power 30. — Mode of access: <<https://softpower30.com/wp-content/uploads/2019/10/The-Soft-Power-30-Report-2019-1.pdf>>. — Date of access: 26.06.2021.
32. Goethe-Institut Belarus [Electronic resource]. — Mode of access: <<https://goethe.de/ins/by/be/index.html>>. — Date of access: 26.06.2021.
33. National Security Strategy of The Republic of Poland 2020 [Electronic resource] // Biuro Bezpieczeństwa Narodowego. — Mode of access: <https://www.bbn.gov.pl/ftp/dokumenty/National_Security_Strategy_of_the_Republic_of_Poland_2020.pdf>. — Date of access: 16.06.2021.
34. Nye, J. S. Jr. Think Again: Soft Power / J. S. Nye Jr. [Electronic resource] // Foreign Policy. — 23.02.2006. — Mode of access: <<https://foreignpolicy.com/2006/02/23/think-again-soft-power/>>. — Date of access: 16.06.2021.
35. 2020 DAAD Annual Report [Electronic resource] // DAAD. — Mode of access: <https://static.daad.de/media/daad_de/pdfs_nicht_barrierefrei/der-daad/daad_annual_report_2020.pdf>. — Date of access: 15.06.2021.

Статья поступила в редакцию в июне 2021 г.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ МЕЖДУ США И КИТАЕМ (2016—2020 гг.): КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Иван Варивончик

В статье исследуется американская интерпретация основных экономических противоречий между США и Китаем в период правления администрации Д. Трампа. Круг рассматриваемых проблем включает дефицит в торговле, инвестиционную политику, государственное регулирование, нарушение правил ВТО, экономический шпионаж и нарушения прав интеллектуальной собственности. Суть противоречий и эволюция их интерпретаций анализируются на основе документов конгресса, докладов министерств торговли, обороны, разведслужб, частных аналитических центров, выступлений ключевых фигур администрации, результатов социологических опросов, релевантной статистики, материалов СМИ, отдельных документов правительства Китая, МВФ, ВТО.

Автор приходит к выводу о том, что постепенное нарастание критики действий Китая привело к качественным изменениям: в политическом истеблишменте, как и в общественном мнении, окончательно сложился консенсус относительно негативной оценки развития событий в Китае и последствий роста его мощи для США. В то же время реально имевшиеся противоречия в ряде случаев трактовались американской стороной односторонне или предвзято. Основной причиной ухудшения отношений двух стран стали не отдельные экономические противоречия, а ожидание трансформации внутривнутриполитического устройства Китая и сохранения его в качестве элемента контролируемого США миропорядка.

Ключевые слова: американо-китайские торгово-экономические отношения; Китай; США; торговая война; торговый дефицит.

«U.S. — China Economic Contradictions (2016—2020): Critical Analysis» (Ivan Varivonchik)

The article deals with American interpretations of several economic contradictions between China and the United States under the Trump administration. Addressed issues included trade deficits, investment policies, government regulation, economic espionage, violations of WTO rules and intellectual property rights. The essence of the contradictions and the evolution of its interpretations are considered on the basis of an analysis of wide range of sources — annual reports of the U.S. — China Economic and Security Review Commission, materials of congressional hearings, the White House and the State Department's documents, reports and materials from departments of trade, defence, intelligence services, private think tanks, speeches of key figures of the ruling administration, relevant sociological surveys, statistics, mass media materials, single documents of the Chinese government, the IMF, and the WTO.

The author concludes that growing criticism of China's actions has led to qualitative changes. In the political establishment, as well as in public opinion, there has been finally formed a negative consensus concerning China and the consequences of its growing power for the United States. Nevertheless, American interpretations of some contradictions were intentionally preconceived and biased. Main reasons of the deterioration of bilateral relations were not exclusively economic they should be attributed to the failure to transform Chinese internal political structure and preserve China as an element of the US-controlled world order.

Keywords: China; trade deficit; trade war; USA; U.S. — Chinese trade relations.

Политика реформ в Китае, установление в условиях прекращения «холодной войны» партнерских отношений с США, расширение мировой торговли сделали экономический рост двух стран главным двигателем миро-

вой экономики начала XXI в. Долгое время это происходило в условиях глобального доминирования США. Положение кардинально изменилось, так как при сохранении текущей динамики в течение десятилетия ВВП Китая

Автор:

Варивончик Иван Васильевич — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и методики преподавания истории исторического факультета Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка, e-mail: ivanvar@mail.ru

Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка. Адрес: 18, ул. Советская, Минск, 220030, БЕЛАРУСЬ

Author:

Varivonchik Ivan — Doctor of History, Professor of the Department of World History and Methods of Teaching History of the Faculty of History, Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, e-mail: ivanvar@mail.ru
Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank. Address: 18, Sovetskaya str., Minsk, 220030, BELARUS

превысит ВВП США. С приходом пятого поколения китайского руководства во главе с Си Цзиньпином в Китае продолжился постепенный отход от стратегии Дэн Сяопина конца 1970-х гг. «скрывать свои возможности и выжидать». Экономические успехи Китая трансформировались в укрепление его позиций на международной арене. Руководство КНР утверждает, что его экономическая политика нацелена на рост благосостояния народа и всеобщее процветание мировой экономики. Прочно утвердившиеся представления американского правящего класса прямо противоположны: Китай является агрессивной державой, использующей свою экономическую мощь для установления гегемонии сначала в Азии, а затем и во всем мире. Америко-китайские отношения в период администрации Д. Трампа претерпели существенные изменения, итогом которых стали торговая война, жесткая конфронтация и противостояние двух сверхдержав.

Цель статьи — представить и оценить состоятельность позиции американской стороны по ключевым вопросам экономических отношений США и КНР.

Достижение поставленной цели возможно благодаря наличию широкого круга релевантных источников. В 2000 г. в конгрессе США была создана специальная комиссия, в задачи которой входит составление ежегодных докладов и проведение слушаний по вопросам экономического, социального и военного строительства в Китае. Содержание данных докладов, материалы слушаний с участием представителей экономических, военных ведомств, материалы спецслужб позволяют судить о сути американо-китайских противоречий в их американской интерпретации. Не менее информативны материалы частных аналитических центров, документы расследований и выводы которых использовались во внутриполитическом дискурсе. Для характеристики позиции администрации привлекались материалы Белого дома, Государственного департамента, выступления ключевых фигур правившей администрации. Использовались результаты социологических опросов, релевантная статистика, материалы СМИ, отдельные документы правительства Китая, Международного валютного фонда (МВФ), Всемирной торговой организации (ВТО). Для анализа американо-китайского диалога в его динамике применялись историко-генетический и историко-сравнительный методы.

Американо-китайские отношения являются предметом пристального внимания ученых и политиков. В научной литературе присутствует значительный объем релевантных тематических материалов. Большой фактический материал содержится в специальных докладах исследовательских центров — Центра Карнеги [11], Атлантического совета [15], Института Гувера

[18], Американо-китайского совета по деловому сотрудничеству [50] и др. Тема нашла отражение в ряде монографий и статьях американских, китайских и российских ученых [1; 2; 3; 5—11; 13; 26; 30; 32; 33; 44].

Перечень вопросов, вызывавших недовольство США, чрезвычайно широк и включал дефицит в торговле, инвестиционную политику, нарушение правил ВТО, экономический шпионаж и нарушения прав интеллектуальной собственности, реализацию международных инфраструктурных проектов и др.

Торговый дефицит, инвестиции. В 2017 г. дефицит в торговле с Китаем составил 375 млрд дол. США [53] (43 % всего дефицита внешней торговли США) и продолжал расти. Наличие дефицита и вывоз рабочих мест в Китай неоднократно приводились Д. Трампом как пример провала политики предыдущих администраций, как «крупнейшее ограбление в мировой истории». Требование сокращения дефицита послужило началом торговой войны с Китаем. Однако неправомерно связывать проблему дефицита внешней торговли США исключительно с Китаем. Во-первых, рост дефицита внешней торговли на протяжении 1990—2000-х гг. отмечался в торговле с большинством торговых партнеров США. Во-вторых, быстрый рост дефицита имел место в 2003—2005 гг., но в это время доля Китая в нем была не столь значительна. Обвинения Д. Трампа в адрес предыдущей администрации недостаточно обоснованы. Торговый дефицит в послекризисный период с 2010 по 2016 г. был существенно ниже, чем в период 2005—2008 гг. [51]. Основу долговременной тенденции роста дефицита внешней торговли составили отмена Бреттон-Вудской системы, утверждение доллара в качестве международной резервной валюты и расширенные возможности финансировать внутреннее потребление импортируемых товаров. На протяжении первого десятилетия XXI в. действительно имели место устойчивая тенденция снижения занятости в промышленности и постоянный рост занятости в сфере услуг. После кризиса отмечался процесс восстановления занятости в промышленности. Однако уровень первого десятилетия XXI в. не был достигнут [31]. Определяющее значение для сокращения занятости в промышленности имели рост производительности труда и автоматизация производственных процессов [40].

Весьма показательным для объективной оценки торгово-экономических отношений США и Китая является пример одного из лидеров в производстве электронных гаджетов, американской компании *Apple*. Почти все компоненты для сборки смартфонов — сенсорный экран, микросхемы памяти, микропроцессоры и др. — производились американскими, японскими, корейскими и тайваньскими компаниями (*Intel, Sony, Samsung, Foxconn*). *Apple* по-

купала компоненты и отправляла их в Китай. Из себестоимости 237,45 дол. США для телефона *iPhone 7* на момент его выпуска в конце 2016 г. вклад Китая составлял 8,46 дол. (за батарею и рабочую силу), или 3,6 % от общей суммы. Поставщики из США и Японии получали по 68 дол., из Тайваня — 48 дол., из Южной Кореи — 17 дол. Прибыль компании *Apple* от продажи одного телефона по розничной цене 649 дол. составляла 283 дол. США [23]. Аналогичная картина была характерна и для других производств с участием иностранного капитала на территории Китая. Учет доходов американских компаний привел бы к снижению официальных цифр дефицита торгового баланса на $\frac{1}{3}$ [см.: 29]. Бенефициарами от производственной кооперации и расширения торговли с Китаем были не только успешно освоившие самый большой в мире рынок товаров и услуг американские корпорации. Производство широкого спектра товаров в Китае привело к снижению цен для американских потребителей. Китайские капиталовложения и поставки комплектующих способствовали развитию производств и созданию рабочих мест в самих США.

Д. Трамп неоднократно утверждал, что экономический подъем Китая был осуществлен на американские деньги. Реальные данные о зарубежных инвестициях не столь однозначны. По данным МВФ, с 1979 по 2017 г. доля официальных американских инвестиций в Китай была равна доле Южной Кореи и составляла 2,7 % их общего объема. Основными инвесторами были Гонконг (46,2 %), Япония (6,1 %), Сингапур (3,2 %) [19]. В 2018 г. США занимали 12-е место по объему прямых инвестиций в экономику Китая (116,5 млрд дол.), уступая лидерам в этом списке — Нидерландам (866,3 млрд), Великобритании (757,8 млрд), Ирландии (442,2 млрд), Канаде (401,8 млрд), Швейцарии (278 млрд), Сингапуру (218 млрд), Австралии (163 млрд), Германии (140 млрд), Японии (125 млрд) [20]. Понятно, что эти данные не дают полное представление об американских инвестициях ввиду их широкого присутствия в мировой финансовой системе. Но, во-первых, Китай смог использовать в своих интересах систему, созданную и контролирующую США. Во-вторых, данные инвестиции приносили прибыли тем, кто их делал, т. е. самим американцам.

Действительно важной проблемой для американской стороны и мотивом для противодействия Китаю стала реальная угроза утраты технологического лидерства, доминирующего положения в промышленном производстве, на рынке товаров и услуг. В 2015 г. на Китай уже приходилось 28 % мирового производства автомобилей, 41 % мирового судостроения, более 50 % мирового производства холодильников, более 60 % телевизоров, более 80 % кондиционеров и компьютеров [17, р. 2]. Принятая

в 2015 г. программа «Сделано в Китае 2025» поставила амбициозные задачи: к 2025 г. производить 43 % мобильных электронных гаджетов, 20 % процессоров, 40 % высокопроизводительных компьютеров и серверов, осуществлять 40 % авиаперевозок, обеспечить переход китайской экономики на качественно новый технологический уровень, превратив страну в инновационную сверхдержаву [35, р. 22–27; 45, р. 4].

Государственное регулирование. Возражения американской стороны вызывали государственное регулирование экономики Китая и, как следствие, нарушение правил ВТО. В докладе Министерства внешних экономических связей США 2017 г. отмечалось, что иностранные компании, желавшие начать свою работу в Китае, должны были пройти сложные административные процедуры. Они включали одобрение центральными и местными властями проектов и их финансовой части, лицензирование, патентные ограничения, проверку на соответствие местному законодательству, решение вопроса о приеме на работу китайских специалистов. На каждом этапе китайские регулирующие органы практиковали уступки в обмен на передачу технологий. Американские компании сталкивались с требованиями создания совместных предприятий или партнерства с миноритарными пакетами в обмен на доступ к китайскому рынку. Присутствовали запреты на ряд производств в том случае, если инвестор не вступал в партнерские отношения с китайской стороной или она не получала контрольный пакет акций [47, р. 1, 7, 12, 18–19]. По мнению не только американских экспертов, но и их коллег из Евросоюза, политика протекционизма ставила своей целью замещение и вытеснение иностранных товаров. Для этого использовалось государственное субсидирование китайских компаний в отношении иностранного бизнеса, применялись ограничения и технические стандарты на общегосударственном и местном уровне [18, р. 16–17]. Действовали разного рода ограничения. Производство электромобилей было возможно при условии передачи контрольного пакета акций и одной из трех ключевых технологий (батареи, системы управления или электронного контроля) китайской стороне [34, р. 21, 37]. Правила производства интегральных схем 2014 г. требовали ведения научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок на территории Китая. Принятый в январе 2016 г. закон об услугах в области телекоммуникаций расширил перечень лицензируемых видов деятельности [47, р. 34–36]. Только иностранная компания, участвовавшая в совместном предприятии с китайской стороной, могла получить лицензию [38]. В докладах Министерства торговли США и Европейской торговой палаты отмечалось, что принятый в Китае в 2017 г. закон о кибербезопасности требовал

от иностранных компаний раскрывать важные данные, включая исходный код, полные базы данных проектирования, физические схемы центральных процессоров [см.: 18; 22; 47]. Результаты опроса 2017 г. среди американских членов Американско-китайского совета по деловому сотрудничеству показали, что в течение трех предшествовавших лет 20 % респондентов сталкивались с требованиями передачи технологий в обмен на доступ на рынок, 94 % считали реальной угрозой их интеллектуальной собственности со стороны китайских партнеров [46, р. 2].

Не меньшее недовольство американцев вызывала особая роль в экономической жизни компартии Китая. Помимо государственного сектора, который всецело контролировался компартией, присутствовал ряд факторов, определявших ее мощное влияние на частный бизнес. Во-первых, многие предприятия в Китае непосредственно финансировались государством и имели разного рода льготы. Во-вторых, констатировались создание партийных комитетов в частных и совместных предприятиях и их определяющая роль в принятии стратегических решений [27, р. 11, 17–19; 37]. В-третьих, в руководстве компаний были широко представлены бывшие чиновники и партийные функционеры, которые основали и возглавляли 95 из 100 наиболее прибыльных корпораций, 8 из 10 крупнейших интернет-фирм. Примером определяющей роли компартии Китая являлся ее контроль китайского сегмента сети Интернет. Центральный комитет КПК координировал корпоративную деятельность ведущего провайдера сети Интернет частной компании *Baidu* [24; 51, р. 54–56]. В-четвертых, компартия ограничивала присутствие иностранного капитала в финансовой сфере и покупку недвижимости [15, р. 6–7, 17]. Партия и подконтрольное ей государство играли ведущую роль в развитии частного бизнеса. В докладе Института Меркатора, ведущего европейского центра китайских исследований, отмечалось, что «хотя частные фонды и их руководство заявляют себя как частные предприятия, активная роль государства скрывается за непрозрачной сетью структур собственности и финансирования» [36, р. 53].

Вместе с тем претензии к Китаю не вполне обоснованы. Во-первых, конкурентные преимущества централизованного управления были известны американской стороне, но не препятствовали взаимодействию с Китаем в прошлом. Более того, всегда указывалось, что недостатки такой системы неизбежно приведут к отказу от нее, чего не произошло. Во-вторых, государственное субсидирование передовых технологий, создание льготных условий для развития национального бизнеса как на федеральном уровне, так и на уровне отдельных штатов является постоянной практикой в США. Местные власти в Китае просто не

имели финансовых ресурсов, аналогичных налоговым поступлениям в казну штатов, которые могли бы быть использованы для привлечения и стимулирования бизнеса. В-третьих, условием сотрудничества американских фирм с их партнерами, целью постоянного процесса слияний корпораций является получение доступа к ноу-хау друг друга и их совместное использование.

Китай обладает значительной долей сырьевых ресурсов, необходимых для глобальной цепочки поставок и производства высокотехнологичной продукции с высокой добавленной стоимостью. Страна является крупнейшим в мире производителем редкоземельных металлов [21]. Последние составляют более 50 % стоимости компонентов ветряных турбин и от 50 до 60 % стоимости ЖК-дисплеев. Ограничения на экспорт этого вида сырья влияли на производство и цены широкого спектра товаров — стали, химикатов, гибридных и электрических автомобилей, энергосберегающих лампочек, ветряных турбин, жестких дисков, лазеров, полупроводников, хладагентов, различных видов медицинского оборудования, самолетов, оптоволоконных кабелей и каталитических нейтрализаторов. Экспортные ограничения и более низкие цены для своих производителей давали последним ощутимое конкурентное преимущество. Одновременно такая политика создавала стимулы для перемещения производства в Китай. ВТО признала введенные Китаем в 2014 г. ограничения на продажу редкоземельных металлов нарушением правил международной торговли [52]. Недовольство США и их западных партнеров выглядит обоснованным, но данными преимуществами Китая либо обладал изначально, либо приобрел в процессе конкурентной борьбы на релевантных рынках. Аналогичные претензии могли быть адресованы членам Организации стран — экспортеров нефти (ОПЕК), отдельным странам, самостоятельно определяющим политику цен на имеющееся в их распоряжении сырье.

Проблемы информационной безопасности. Предметом особой обеспокоенности США было успешное развитие информационных технологий в Китае и потенциальная угроза потери лидерства в этой сфере. Успехи Китая объяснялись проникновением китайского капитала на рынок высоких технологий в США, промышленным шпионажем и утечкой критически важной информации из образовательных и исследовательских центров. В 2011 г. директор Национальной разведки в своем докладе конгрессу отмечал Китай как страну, агенты которой наиболее интенсивно практикуют промышленный шпионаж [см.: 25]. В 2013 г. американская компания *Mandiant* опубликовала материалы расследования кибератак специального базировавшегося в Шанхае подразделения Народной освободительной армии Китая против 141 частной

и государственной организации в США и других странах с 2006 г. [12, р. 59]. Масштабное исследование за 2004—2013 г., обобщившее данные 19 западных компаний, занятых изучением проблем информационной безопасности, констатировало, что из всех зафиксированных кибератак 96 % исходили из Китая. Одновременно делалась оговорка, что другие инциденты могли быть не обнаружены и не идентифицированы ввиду большей изоционности и скрытности тех, кто к ним был причастен [49, р. 21]. Материалы расследований стали предметом специальных слушаний в конгрессе [см.: 43].

Во время официального визита правительственной делегации Китая в США осенью 2015 г. лидеры двух стран заявили о том, что не будут поддерживать деятельность, направленную на получение конфиденциальной информации, коммерческих секретов или другой информации в киберпространстве в целях предоставления конкурентных преимуществ компаниям или коммерческому сектору [39]. Очередной доклад Комиссии конгресса по вопросам экономического развития Китая и безопасности 2016 г. констатировал снижение числа релевантных инцидентов, но расценивал это как переход к более изоционным и профессиональным действиям [48, р. 17, 289—303]. Специальный доклад Пентагона 2018 г. по вопросам кибербезопасности и промышленного шпионажа содержал однозначный вывод о расширении масштабов китайского экономического шпионажа [14, р. 3—4]. На слушаниях в конгрессе 2018 г. представители американских спецслужб подчеркивали, что открытый характер научного процесса, обмен идеями и информацией в научных и учебных заведениях привели к тому, что китайские студенты и аспиранты имели доступ к важным для ключевых военных систем технологиям [28]. Китайские ученые работали в центрах исследований в области противоракетной обороны и гиперзвукового оружия в Лос-Аламосе в Нью-Мексико и Ливерморе в Калифорнии [16]. Крупнейшая основанная бывшим офицером китайской армии компания *Huawei* сотрудничала с Калифорнийским университетом в Беркли в области исследований, посвященных искусственному интеллекту и 120 смежным направлениям. Интернет-фирма *Baidu* создала Институт фундаментальных исследований в Силиконовой долине и стала прямым конкурентом *Google*, *Apple*, *Facebook* в области искусственного интеллекта [14, р. 9].

В докладе Министерства обороны США 2018 г. отмечалось, что ведущей тенденцией предшествовавших пяти лет был рост числа и объема инвестиций в венчурные стартапы. Доля китайских инвестиций в венчурный бизнес США возросла с 6 % в 2010—2015 гг. до 16 % в 2016—2017 гг. от их общего объема [14, р. 6]. Общий объем китайских инвестиций в

2015—2017 гг. составил 24 млрд дол. США. Китай являлся самым крупным иностранным инвестором венчурного бизнеса в США [45]. Венчурное финансирование позволяло получить доступ к наиболее передовым технологиям (искусственный интеллект, автономные транспортные средства, дополненная/виртуальная реальность, робототехника, технология блокчейна, геномная инженерия и др.). Некоторые из этих технологий, как отмечалось в докладе, были важны для сохранения технологического превосходства вооруженных сил США. По мнению Пентагона, угрозу безопасности страны представляли отсутствие понимания масштабов технологического шпионажа и присутствия Китая в производственных цепочках военного комплекса, ограниченная юрисдикция контрольных органов по иностранным инвестициям, отсутствие ограничивавших доступ к критически важным для безопасности технологиям регламентов и процедур [14, р. 3—4].

Китай действительно проводил продуманную политику подготовки кадров и использования интеллектуального потенциала китайской диаспоры. В 2016 г. 326 000 китайцев обучались в американских университетах и работали в научно-исследовательских центрах. Граждане Китая составляли более $\frac{1}{3}$ иностранных студентов университетов и колледжей США и $\frac{1}{4}$ аспирантов, специализировавшихся в области науки, техники и математики (*STEM*) [14, р. 3]. Правительство Китая финансировало 12 программ по привлечению к сотрудничеству представителей китайской диаспоры. С 2009 по 2017 г. в страну вернулись более 40 000 китайских ученых, ранее живших и работавших в других странах [54]. Но, следует отметить, что китайские инвестиции способствовали развитию американских исследовательских центров. Открытый характер образовательного и научного процесса в США был выгоден им самим. И дело не в прямой финансовой выгоде. «Утечка умов» в США составляла их конкурентное преимущество десятилетиями. Десятки тысяч ученых и студентов, приехавших в США, оставались там навсегда. В то же время промышленный шпионаж не являлся изобретением Китая, но был и остается постоянным атрибутом экономической жизни самих США. Американские возможности в этом отношении превышали китайские по своим масштабам и технологической оснащенности.

«Два тигра не могут ужиться на одной горе». Проблемы во взаимоотношениях двух стран не исчерпывались рассмотренными вопросами. Жесткой критике подвергалась внешнеэкономическая политика Китая, инициатива «Один пояс, один путь», ускоренные темпы военного строительства и расширение присутствия Китая в Южно-Китайском море, отказ от участия в переговорах об ограничении ядерных вооружений, несоблюдение демократических норм в Гонконге и самом Китае.

С течением времени прибавились обвинения Китаю за несвоевременное информирование о появлении вируса COVID-19.

Результатом широкого обсуждения американо-китайских отношений, антикитайской пропаганды, очевидных на фоне собственных трудностей успехов Китая, стали изменения общественного мнения. Устойчивая поддержка реформ в Китае осталась в прошлом. С 2018 по 2021 г. доля американцев, негативно воспринимающих Китай, увеличилась с 46 до 67 %, с 32 до 48 % возросло число тех, кто считает ограничение мощи и влияния Китая основным приоритетом внешней политики США в долгосрочной перспективе. 64 % американцев описывают экономические отношения между двумя сверхдержавами как плохие или очень плохие, 53 % выступают за ужесточение позиции США по экономическим вопросам, 55 % готовы поддержать запрет на обучение китайских студентов в США [42]. В политическом дискурсе в США почти не слышны альтернативные точки зрения.

Отмеченные противоречия существуют, но трактуются американской стороной односторонне. Их разрешение возможно в процессе

диалога, а не конфронтации. В ближайшем будущем Китаю предстоит решать сложные задачи социального и экономического развития и в его планы не входит прямое противостояние с США и их западными партнерами. Такое противостояние невыгодно ни одной из сторон. Тем не менее, конфликт, чем дальше, тем больше приобретает идеологическую окраску. Первые шаги администрации Дж. Байдена в США стали продолжением прошлой риторики и политики, что встречает решительный отпор со стороны Китая. Обе стороны хотят добиться доминирующего положения, так как полагают, что в заданной парадигме развития это единственный или, во всяком случае, предпочтительный способ самосохранения, выживания, создания наиболее благоприятных условий дальнейшего развития. Несмотря на наличие оснований для продуктивного взаимодействия в виде тесных экономических связей, заинтересованности в решении глобальных проблем, сохранении стабильности в международных отношениях и предотвращении военной катастрофы, отношения двух стран ухудшаются, а конфронтация двух сверхдержав приобретает опасный характер.

Список использованных источников

1. Виноградов, А. О. США, Китай и ВТО: последствия американо-китайского торгового конфликта для мировой торговли / А. О. Виноградов, А. Ю. Заклепенко, Е. И. Сафронова // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XXIV. — М.: ИДВ РАН, 2019. — С. 187—206. (<<https://doi.org/10.24411/2618-6888-2019-10011>>)
2. Киссинджер, Г. О Китае / Г. Киссинджер. — М.: АСТ, 2014. — 635 с.
3. Лексютина, Я. Американо-китайские отношения в 2018—2019 гг.: торговая война и процесс декаплинга / Я. Лексютина // Мировая экономика и междунар. отношения. — 2020. — Т. 64, № 6. — С. 85—93. (<<https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-6-85-93>>)
4. Ломанов, А. Китайские дискуссии об отношениях с США и торговой войне / А. Ломанов // Там же. — 2019. — Т. 63, № 10. — С. 17—29. (<<https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-10-17-29>>)
5. Михеев, В. Китай — США: многовекторность «торговой войны» / В. Михеев, С. Луконин // Там же. — № 5. — С. 57—66. (<<https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-5-57-66>>)
6. Погодин, С. Н. О развитии торговых американо-китайских отношений / С. Н. Погодин, Т. С. Ягья // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. — 2020. — № 3. — С. 26—38. (<<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2020-3-26-38>>)
7. Сулян, В. Б. Америко-китайские торгово-экономические отношения: причины кризиса и его перспективы / В. Б. Сулян // Рос. внешнеэкон. вестн. — 2019. — № 9. — С. 23—32.
8. Тимофеев, О. А. Китайско-американский торговый конфликт 2019 года и его перспективы: между пессимизмом и неизвестностью / О. А. Тимофеев // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XXIV. — М.: ИДВ РАН, 2019. — С. 173—186. (<<https://doi.org/10.24411/2618-6888-2019-10010>>)
9. Труш, С. М. Отношения КНР и США в экономической сфере: двусторонние связи и многосторонние экономические проекты / С. М. Труш // Сравнительная политика. — 2017. — Т. 8, № 3. — С. 52—71. (<<https://doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-3-52-71>>)
10. Труш, С. М. Торговая война Д. Трампа против КНР: события, мотивации, внутренний контекст / С. М. Труш [Электронный ресурс] // Россия и Америка в XXI веке. — 2018. — № 3. — Режим доступа: <<https://rusus.jes.su/s20705476000047-8-1>>. — Дата доступа: 16.01.2020. (<<https://doi.org/10.18254/S0000047-8-1>>)
11. Ферчен, М. Китай, экономическое развитие и международная безопасность: заполнение пробелов: февраль 2021 г. / М. Ферчен [Электронный ресурс] // Московский центр Карнеги. — Режим доступа: <<https://carnegie.ru/2017/02/03/ru-pub-67834>>. — Дата доступа: 25.03.2021.
12. APT1: Exposing One of China's Cyber Espionage Units / Mandiant [Electronic resource] // FireEye. — Mode of access: <<https://www.fireeye.com/content/dam/fireeye-www/services/pdfs/mandiant-apt1-report.pdf>>. — Date of access: 20.06.2020.
13. Blustein, P. Schism: China, America, and the Fracturing of the Global Trading System / P. Blustein [Electronic resource] // Centre for International Governance Innovation. — 10.09.2019. — Mode of access: <<https://www.cigionline.org/publications/schism-china-america-and-fracturing-global-trading-system/>>. — Date of access: 20.03.2020.
14. Brown, M. China's Technology Transfer Strategy: How Chinese Investments in Emerging Technology Enable a Strategic Competitor to Access the Crown Jewels of U.S. Innovation: January 2018 / M. Brown, P. Singh [Electronic resource] // Government Executive. — Mode of access: <[https://admin.govexec.com/media/diux_chinatechnologytransferstudy_jan_2018_\(1\).pdf](https://admin.govexec.com/media/diux_chinatechnologytransferstudy_jan_2018_(1).pdf)>. — Date of access: 20.03.2020.
15. Burrows, M. Prospects for the COVID-19 Pandemic / M. Burrows, P. Engelke [Electronic resource] // Atlantic Council. — 07.07.2020. — Mode of access: <<https://www.atlanticcouncil.org/content-series/shaping-post-covid-world-together/prospects-for-the-covid-19-pandemic/>>. — Date of access: 12.10.2020.
16. Chen, St. America's Hidden Role in Chinese Weapons Research / St. Chen [Electronic resource] // South China Morning Post. — 29.03.2017. — Mode of access: <<https://www.scmp.com/news/china/diplomacy-defence/article/2082738/americas-hidden-role-chinese-weapons-research>>. — Date of access: 12.10.2020.

17. China Manufacturing 2025: February 2017 / European Chamber of Commerce in China [Electronic resource] // dpaq. — Mode of access: <http://docs.dpaq.de/12007-european_chamber_cm2025-en.pdf>. — Date of access: 03.11.2020.
18. China's Influence & American Interests: Promoting Constructive Vigilance [Electronic resource] // Hoover Institution. — 29.11.2018. — Mode of access: <<https://www.hoover.org/research/chinas-influence-american-interests-promoting-constructive-vigilance>>. — Date of access: 03.11.2020.
19. Coordinated Direct Investment Survey [Electronic resource] // International Monetary Fund. — Mode of access: <<http://data.imf.org/?sk=40313609-F037-48C1-84B1-E1F1CE54D6D5>>. — Date of access: 10.05.2020.
20. Countries with Highest Direct Investment Position Received from the United States in 2018 [Electronic resource] // Statista. — Mode of access: <<https://www.statista.com/statistics/188806/top-15-countries-for-united-states-direct-investments/>>. — Date of access: 10.05.2021.
21. Critical Raw Materials [Electronic resource] // European Commission. — Mode of access: <https://ec.europa.eu/growth/sectors/raw-materials/specific-interest/critical_en>. — Date of access: 12.10.2020.
22. Cybersecurity Law of People's Republic of China [Electronic resource] // China Copyright and Media. — Mode of access: <<https://chinacopyrightandmedia.wordpress.com/2016/11/07/cybersecurity-law-of-the-peoples-republic-of-china/>>. — Date of access: 12.10.2020.
23. Dedrick, J. China Makes \$8.46 from an iPhone. That's Why a U.S. Trade War is Futile / J. Dedrick, G. Linden, K. L. Kraemer [Electronic resource] // CBS News. — 09.07.2018. — Mode of access: <<https://www.cbsnews.com/news/china-makes-8-46-from-an-iphone-and-thats-why-u-s-trade-war-is-futile/?ftag=CNM-00-10aac3a>>. — Date of access: 10.05.2020.
24. Feng, E. Chinese Tech Giants Like Baidu and Sina Set Up Communist Party Committees / E. Feng [Electronic resource] // Financial Review. — 11.10.2017. — Mode of access: <<https://www.afr.com/world/asia/chinese-tech-giants-like-baidu-and-sina-set-up-communist-party-committees-20171011-gyyh5u>>. — Date of access: 10.05.2020.
25. Foreign Spies Stealing U.S. Economic Secrets in Cyberspace. Report to Congress on Foreign Economic Collection and Industrial Espionage, 2009–2011 [Electronic resource] // Homeland Security Digital Library. — Mode of access: <<https://www.hsdl.org/?abstract&did=785681>>. — Date of access: 10.05.2021.
26. Glaser, B. U.S. — China Relations: Tit-for-Tat Tariffs / B. Glaser, K. Flaherthy [Electronic resource] // Comparative Connection. — 2018. — Vol. 20, N 2. — Mode of access: <<http://cc.pacforum.org/2018/09/tit-for-tat-tariffs/>>. — Date of access: 12.05.2020.
27. How China's Economic Aggression Threatens the Technologies and Intellectual Property of the United States and the World: June 2018 / White House Office of Trade and Manufacturing Policy [Electronic resource] // The White House. — Mode of access: <<https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2018/06/FINAL-China-Technology-Report-6.18.18-PDF.pdf>>. — Date of access: 12.10.2020.
28. Intelligence Chiefs take Questions from Senate Intelligence Committee [Electronic resource] // CNN Transcript. — 13.02.2018. — Mode of access: <<http://transcripts.cnn.com/TRANSCRIPTS/180213/cnr.04.html>>. — Date of access: 12.10.2020.
29. Johnson, R. Accounting for Intermediates: Production Sharing and Trade in Value Added / R. Johnson, G. Noguera // Journal of International Economics. — 2012. — Vol. 86, N 2. — P. 224–236. (<https://doi.org/10.1016/j.jinteco.2011.10.003>)
30. Kissinger, H. The Future of U.S. — Chinese Relations: Conflict Is a Choice, Not a Necessity / H. Kissinger // Foreign Affairs. — 2012. — Vol. 91, N 2. — P. 44–55.
31. Labor Force Statistics from the Current Population Survey. Employment Level — Production Occupations [Electronic resource] // United States Department of Labor. Bureau of Labor Statistics. — Mode of access: <<https://www.bls.gov/webapps/legacy/cpsatab13.htm>>. — Date of access: 13.01.2021.
32. Lee, J. The Free and Open Indo-Pacific Beyond 2020: Similarities and Differences between the Trump Administration and a Democrat White House: ISEAS — Yusof Ishak Institute. — 2020. — N 6 / J. Lee [Electronic resource] // ISEAS — Yusof Ishak Institute. — Mode of access: <<https://www.iseas.edu.sg/articles-commentaries/trends-in-southeast-asia/trends-in-southeast-asia-2020/the-free-and-open-indo-pacific-beyond-2020-similarities-and-differences-between-the-trump-administration-and-a-democrat-white-house-by-john-lee/>>. — Date of access: 20.03.2020. (<https://doi.org/10.1355/9789814881708>)
33. Lim, D. Conscious Decoupling: The Technology Security Dilemma / D. Lim, D. Ferguson [Electronic resource] // SSRN. — 31.10.2019. — Mode of access: <https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3484171>. — Date of access: 20.03.2020. (<http://doi.org/10.22459/CSY.2020.04>)
34. Made in China 2025: Global Ambitions Built on Local Protections [Electronic resource] // US Chamber of Commerce. — Mode of access: <https://www.uschamber.com/sites/default/files/final_made_in_china_2025_report_full.pdf>. — Date of access: 13.01.2021.
35. Made in China 2025: July 7, 2015 / State Council [Electronic resource] // Citta della Scienza. — Mode of access: <<http://www.cittadellascienza.it/cina/wp-content/uploads/2017/02/1oT-ONE-Made-in-China-2025.pdf>>. — Date of access: 20.03.2020.
36. Made in China 2025: the making of a high-tech superpower and consequences for industrial countries: MERICS papers of China: N 2, December 2016 / J. Wubbeke [et al.] [Electronic resource] // Mercator Institute for China Studies. — Mode of access: <https://www.merics.org/sites/default/files/2017-09/MPOC_No.2_MadeinChina2025.pdf>. — Date of access: 12.10.2020.
37. Martina, M. Exclusive: In China, the Party's Push for Influence inside Foreign Firms Stirs Fears / M. Martina [Electronic resource] // Reuters. — 2017. — August, 24. — Mode of access: <<https://www.reuters.com/article/us-china-congresscompanies/exclusive-in-china-the-partys-push-for-influence-inside-foreign-firms-stirs-fearsidUSKCN1B40JU>>. — Date of access: 20.03.2020.
38. MIIT Releases 2015 Telecoms Catalogue by Practical Law China [Electronic resource] // Thomson Reuters, Practical Law. — 22.01.2016. — Mode of access: <[https://content.next.westlaw.com/Document/I41aed0b7c08b11e598dc8b09b4f043e0/View/FullText.html?contextData=\(sc.Default\)&transitionType=Default&firstPage=true&bhcp=1](https://content.next.westlaw.com/Document/I41aed0b7c08b11e598dc8b09b4f043e0/View/FullText.html?contextData=(sc.Default)&transitionType=Default&firstPage=true&bhcp=1)>. — Date of access: 09.09.2020.
39. President Xi Jinping's State Visit to the United States [Electronic resource] // White House. — 25.09.2015. — Mode of access: <<https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2015/09/25/fact-sheet-president-xijinpings-state-visit-united-states>>. — Date of access: 20.06.2020.
40. Reinbold, B. Understanding the Roots of the U.S. Trade Deficit / B. Reinbold, Yi Wen [Electronic resource] // Federal Reserve Bank of St. Louis. — 09.10.2018. — Mode of access: <<https://www.stlouisfed.org/publications/regional-economist/third-quarter-2018/understanding-roots-trade-deficit>>. — Date of access: 20.06.2020.
41. Rising Tension: Assessing China's FDI Drop in Europe and North America 2018 [Electronic resource] // Baker McKenzie and Rhodium Group. — Mode of access: <https://www.bakermckenzie.com/-/media/files/insight/publications/2018/04/rising_tension_china_fdi.pdf?la=en>. — Date of access: 20.05.2021.
42. Silver, L. Most Americans Support Tough Stance toward China on Human Rights, Economic Issues / L. Silver, K. Devlin, Ch. Huang [Electronic resource] // Pew Research Center. — 04.03.2021. — Mode of access: <<https://www.pewresearch.org/global/2021/03/04/most-americans-support-tough-stance-toward-china-on-human-rights-economic-issues/>>. — Date of access: 20.05.2021.

43. Testimony by Ms. Jen Weedon on June 15, 2015 before the U.S. — China Economic and Security Review Commission [Electronic resource] // U.S.—China Economic and Security Review Commission. — Mode of access: <<https://www.uscc.gov/sites/default/files/Weedon%20Testimony.pdf>>. — Date of access: 20.06.2020.
44. The Chinese Economic Transformation: Views from Young Economists / ed. by Ligang Song, Yixiao Zhou, L. Hurst. — Canberra: ANU Press, 2019 [Electronic resource] // JSTOR. — Mode of access: <<https://www.jstor.org/stable/j.ctvp7d4j8>>. — Date of access: 18.03.2020.
45. 2018 Report to Congress of the U.S. — China Economic and Security Review Commission. Executive summary and Recommendations, One Hundred Fifteenth Congress, Second Session, November 2018 [Electronic resource] // U.S. — China Economic and Security Review Commission. — Mode of access: <https://www.uscc.gov/Annual_Reports/2018-annual-report>. — Date of access: 15.09.2020.
46. 2017 Member Survey [Electronic resource] // U.S. — China Business Council. — Mode of access: <https://www.uschina.org/sites/default/files/2017_uscbc_member_survey.pdf>. — Date of access: 15.09.2020.
47. 2017 Special 301 Report [Electronic resource] // Office of the United States Trade Representative. — Mode of access: <<https://ustr.gov/sites/default/files/301/2017%20Special%20301%20Report%20FINAL.PDF>>. — Date of access: 15.09.2020.
48. 2016 Annual Report to Congress of the U.S. — China Economic and Security Review Commission: One Hundred Fourteenth Congress, Second Session, November 2016 [Electronic resource] // U.S. — China Economic and Security Commission. — Mode of access: <https://www.uscc.gov/sites/default/files/annual_reports/2016%20Annual%20Report%20to%20Congress.pdf>. — Date of access: 17.07.2020.
49. 2013 Data Breach Investigations Report / Verizon [Electronic resource] // Idaho Cybersecurity awarenews. — Mode of access: <<https://cybersecurity.idaho.gov/wp-content/uploads/sites/87/2019/04/data-breach-investigations-report-2013.pdf>>. — Date of access: 05.06.2019.
50. Understanding the U.S. — China Trade Relationship: January 2017 report [Electronic resource] // The U.S. — China Business Council. — Mode of access: <<https://www.uschina.org/reports/understanding-us-china-trade-relationship>>. — Date of access: 12.05.2020.
51. United States Balance of Trade [Electronic resource] // Trading Economics. — Mode of access: <<https://tradingeconomics.com/united-states/balance-of-trade>>. — Date of access: 10.06.2020.
52. WTO Appellate Body Confirms: China's Export Restrictions on Rare Earths and Other Raw Materials Illegal: Memo, 7 August 2014. [Electronic resource] // European Commission. — Mode of access: <https://ec.europa.eu/commission/presscorner/api/files/document/print/en/memo_14_504/MEMO_14_504_EN.pdf>. — Date of access: 12.02.2020.
53. Yao, K. Cutting \$200 billion from U.S. — China trade deficit is a tall order / K. Yao, R. Woo [Electronic resource] // REUTERS. — 18.05.2018. — Mode of access: <<https://www.reuters.com/article/us-usa-trade-china-scepticism-idUSKCN1IJ17R>>. — Date of access: 18.03.2020.
54. Zhou, S. Returnees Finding Big Opportunities / S. Zhou [Electronic resource] // China Daily. — 25.02.2017. — Mode of access: <http://www.chinadaily.com.cn/china/2017-02/25/content_28345785.htm>. — Date of access: 17.07.2020.

Статья поступила в редакцию в мае 2021 г.

РАЗВИТИЕ ДВУСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЙ ЭСТОНИИ, ЛАТВИИ И ЛИТВЫ С КИТАЕМ В 1991—2018 гг.

Андрей Володькин, Син Цзе

В статье анализируется развитие двусторонних отношений между тремя балтийскими странами (Эстонией, Латвией и Литвой) и Китайской Народной Республикой с момента установления между ними дипломатических отношений. Авторы выделяют три основных этапа в их развитии, анализируя динамику политических контактов и содержание китайско-балтийских отношений на каждом из них. При этом особое внимание уделяется политическим проблемам, влиявшим на характер этих отношений.

Ключевые слова: внешняя политика; двусторонние отношения; Китай; Латвия; Литва; Эстония.

«Development of Bilateral Relations of Estonia, Latvia and Lithuania with China in 1991—2018» (Andrei Valodzkín, Xin Jie)

The article focuses on the development of bilateral relations between the three Baltic states (Estonia, Latvia and Lithuania) and the Peoples Republic of China since the establishment of diplomatic relations between them. The authors have highlighted three main stages in their development and established the dynamics of political contacts and the agenda of Chinese-Baltic relations on each of these stages. Particular attention is paid to the political issues, that influenced the characteristics of their relations.

Keywords: bilateral relations; China; Estonia; foreign policy; Latvia; Lithuania.

Быстрый экономический рост Китайской Народной Республики (КНР) и ее выход в конце XX в. в число лидеров мировой экономики обусловили повышение активности страны на международной арене. С одной стороны, руководствуясь соображениями наращивания китайского экспорта, правительство КНР искало возможности расширить и укрепить свои международные связи, причем не только в Восточной Азии, но и далеко за пределами своего региона: со странами Европы, Африки, Латинской Америки. С другой стороны, ряд государств (в том числе и Беларусь) стали проявлять заметный интерес к привлечению китайских инвестиций в свою экономику. Все это способствовало существенному расширению географии международных связей Китая и формированию китайского вектора во внешней политике многих государств мира. Актуальность изучения отношений Китая с тремя балтийскими государствами — Эстонией, Латвией и Литвой, обусловлена, прежде всего, тем, что эти страны находятся на восточных рубежах Европейского союза (ЕС)

и имеют выход к морю с развитой портовой инфраструктурой. Через их территорию проходит значительная часть транзита грузов из Восточной Европы и Азии в западные страны. Поэтому, несмотря на свои скромные размеры и малую емкость экономик, они представляют определенный интерес для Китая в контексте реализации его трансконтинентальных инфраструктурных проектов — в качестве возможных точек входа китайской продукции на европейские рынки. Кроме того, эта тема представляет дополнительную актуальность для Беларуси в связи с тем, что Литва и Латвия являются ее непосредственными соседями. Поэтому характер балтийско-китайских отношений и возможность подключения этих стран к совместным белорусско-китайским проектам могут оказать определенное влияние на инвестиционную привлекательность Беларуси и ее конкурентные позиции в регионе.

Целью статьи является выявление основных направлений и этапов развития отношений между Китаем и тремя балтийскими

Авторы:

Володькин Андрей Александрович — кандидат исторических наук, доцент, докторант кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета, e-mail: andrei_va@tut.by

Син Цзе — выпускник магистратуры специальности «История международных отношений и внешней политики» факультета международных отношений Белорусского государственного университета, e-mail: 2495153459@qq.com
Белорусский государственный университет. Адрес: 4, пр. Независимости, Минск, 220030, БЕЛАРУСЬ

Authors:

Valodzkín Andrei — Candidate of History, Associate Professor, Doctorant of the Department of International Relations of the Faculty of International Relations, Belarusian State University, e-mail: andrei_va@tut.by

Xin Jie — graduate of the History of International Relations and Foreign Policy Master Programme of the Faculty of International Relations, Belarusian State University, e-mail: 2495153459@qq.com
Belarusian State University. Address: 4, Nezavisimosti ave., Minsk, 220030, BELARUS

государствами. Для достижения этой цели авторами были сформулированы следующие задачи:

— проанализировать динамику официальных контактов Китая с Эстонией, Латвией и Литвой в рассматриваемый период и выявить основные тенденции их развития;

— определить главные темы и направления сотрудничества между Китаем и тремя балтийскими государствами, составлявшие основную повестку их отношений;

— раскрыть приоритетные интересы Эстонии, Латвии и Литвы в отношении Китая и проанализировать место Китая в их внешней политике.

Поскольку история развития межгосударственных отношений между тремя балтийскими странами и КНР не превышает 30 лет, а более-менее заметным явлением международной политики они стали лишь в начале XXI в., историография по этой теме пока весьма немногочисленна. В работах китайских авторов балтийские страны обычно не выделяются отдельно, а упоминаются лишь в более широком региональном контексте отношений КНР с государствами Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ). Исключение из этого правила представляют работы Фань Шэнлуна [8] и Чжан Чао [13], посвященные отношениям Китая с Латвией и Эстонией соответственно. В рассматриваемых балтийских странах изучением внешней политики Китая, включая и его отношения с этими странами, последовательно занимается сотрудник Латвийского института международных отношений У.-А. Берзиня-Черенкова [18]. Из российских исследователей к проблематике балтийско-китайских отношений обращался лишь сотрудник Центра североевропейских и балтийских исследований Института международных исследований МГИМО МИД России В. В. Воротников [1].

Западная историография по этой теме более обширна. Впервые об интересе КНР к Литве, Латвии и Эстонии упоминается в статье В. Швейцса [22]. В последние годы интерес западных исследователей к китайско-балтийским отношениям заметно возрос. В этой связи следует упомянуть публикации Д. Скотта [21], Дж. Такера и М. Велесте [23], посвященные возможностям и угрозам для безопасности Литвы, Латвии и Эстонии в связи с активизацией китайской внешней политики, а также статью Ж. П. Ларсона об экономическом влиянии КНР в регионе Балтийского моря [20].

Основу источниковой базы для написания данной статьи составили две группы материалов. Во-первых, это информационные материалы, размещенные на сайтах дипломатических представительств, министерств иностранных дел и других государственных органов КНР и трех балтийских стран [2–4; 7; 9–16; 19], а во-вторых, публикации СМИ, посвященные отдельным встречам официальных предста-

вителей Китая и трех балтийских государств, а также актуальным вопросам китайско-балтийских отношений [5; 6; 17].

Как отмечает американский исследователь В. Швейцс, определенный интерес к Эстонии, Латвии и Литве руководство КНР начало проявлять еще в 1970-е гг. В тот период китайское правительство критиковало советскую политику в Прибалтике и стремилось наладить контакты с организациями эмигрантов из этих стран, что было обусловлено сложным характером китайско-советских отношений [22, р. 152]. Однако установление дипломатических отношений и развитие межгосударственных контактов Китая с тремя республиками бывшей советской Прибалтики стало возможным только после того, как 6 сентября 1991 г. их независимость признал Верховный Совет СССР. Уже на следующий день после этого министр иностранных дел КНР сообщил своим коллегам из Эстонии, Латвии и Литвы о признании их независимости правительством Китая. Вскоре за этим последовал визит заместителя министра иностранных дел КНР Тянь Цзэнпея, в ходе которого были установлены дипломатические отношения со всеми тремя странами: 11 сентября 1991 г. в Таллине было подписано Совместное коммюнике об установлении дипломатических отношений между Китайской Народной Республикой и Эстонской Республикой [14], 12 сентября в Риге — аналогичное коммюнике с Латвией [15], а 14 сентября в Вильнюсе — с Литвой [16].

В начале 1992 г. Китай открыл в трех балтийских государствах свои посольства. В Эстонии, помимо этого, китайское правительство открыло также свое торгово-экономическое представительство и офис военного атташе. В феврале 1993 г. в Таллин был направлен первый посол КНР Цяо Цунхуай. Первым послом КНР в Литве стал Пэй Юаньин. В 1995 г. в Пекине было открыто посольство Литовской Республики, но первого посла Д. Вовериса Литва направила в Китай лишь в 1997 г. [16]. Эстония открыла посольство в Китае в 1997 г., но вплоть до весны 2002 г. ее интересы в Пекине представлял не посол, а временный поверенный в делах. Своего первого посла М. Мартинсона Эстония направила в Китай в апреле 2002 г. [19]. В развитии дипломатических отношений с Латвией возникли временные проблемы. Китай открыл свое посольство в этой стране 4 января 1992 г. Но в конце того же месяца латвийское правительство подписало Совместное заявление об установлении консульских отношений с правительством Тайваня и в начале февраля разрешило ему открыть свое генеральное консульство в Риге. В ответ на это правительство Китая решило вывести посольство из Латвии [15]. В июле 1994 г. в ходе визита в Пекин латвийская правительственная делегация заявила, что Латвия согласна с последовательной позицией Китая по тайвань-

скому вопросу и обещала разорвать консульские отношения с Тайванем. После этого обе стороны объявили о нормализации отношений и в августе того же года посольство Китая возобновило работу в Риге.

Поскольку избирательные циклы и смена правительств в Эстонии, Латвии и Литве не вели к существенному пересмотру их внешнеполитического курса в отношении Китая, за основу периодизации для анализа развития китайско-балтийских официальных контактов были взяты смены лидеров КНР, каждый из которых стремился привнести свое видение внешней политики страны. Таким образом, были выделены периоды Цзянь Цзэмина (до ноября 2002 г.), Ху Цзиньтао (конец 2002 — 2012 г.) и Си Цзиньпина (с 2013 г. до конца 2018 г.).

За период с сентября 1991 г. до ноября 2002 г. между официальными представителями Эстонии и КНР состоялось 15 встреч — 8 визитов с китайской и 7 с эстонской стороны. В качестве наиболее важных визитов с китайской стороны можно отметить визит в Таллин вице-преьера и министра иностранных дел Китая Цянь Цичэня (2 июля 1994 г.); вице-преьера КНР Ли Ланцин (4 июня 1996 г.); заместителя председателя Постоянного комитета Всекитайского Совета Народных Представителей (ПК ВСНП) Тимура Давамата (28 сентября — 3 октября 1997 г.); члена Госсовета КНР, министра внешней торговли и экономического сотрудничества Ву Йи (1—3 марта 1999 г.); Постоянного председателя ВСНП Ли Пэна (7—9 сентября 2000 г.). Но кульминацией развития китайско-эстонских отношений в рассматриваемый период стал визит в Таллин делегации во главе с председателем КНР Цзянь Цзэмином 12—13 июня 2002 г. В ходе этого визита 12 июня в Таллине министры иностранных дел Китая Тан Цзясюань и Эстонии К. Оюланд подписали договор об оказании помощи в уголовном судопроизводстве [14].

Визиты с эстонской стороны отличались не менее высоким уровнем. Так, в середине мая 1992 г. Китай посетила правительственная делегация Эстонии во главе с премьер-министром Т. Вяхи. В ходе этого визита 12 мая 1992 г. в Пекине было подписано Соглашение об экономическом и торговом сотрудничестве между Правительством Китайской Народной Республики и Правительством Эстонской Республики. Дважды за этот период Китай посетили эстонские министры иностранных дел: Т. Веллисте (2—3 сентября 1993 г.) и Т. Х. Ильвес (12 мая 1998 г.) [14]. Т. Веллисте в ходе встречи в Пекине с министром внешней торговли и экономического сотрудничества Китая Ву Йи подписал 2 сентября 1993 г. Соглашение между Правительством Китайской Народной Республики и Правительством Эстонской Республики о привлечении и взаимной защите инвестиций. Второй день этого

визита был ознаменован заключением Соглашения между Правительством Китайской Народной Республики и Правительством Эстонской Республики о сотрудничестве в области культуры, образования и науки, которое с китайской стороны подписал министр культуры Лю Чжунде. Т. Х. Ильвес в ходе своего визита подписал 12 мая 1998 г. в Пекине с директором Государственной налоговой службы Китая Цзинь Жэньцином Соглашение между Правительством Китайской Народной Республики и Правительством Эстонской Республики об избежании двойного налогообложения и предотвращении уклонения от уплаты налогов [14]. Вскоре после этого, 30 июня 1998 г., состоялся визит в КНР эстонского министра обороны Э. Юэлла. Кроме того, дважды (12—13 июня 1994 г. и 1—10 марта 2001 г.) Китай посетил президент Эстонии Л.-Г. Мери [14].

Анализ заключенных в ходе этих встреч договоров и соглашений показывает, что главным приоритетом китайско-эстонских отношений в рассматриваемый период являлось экономическое сотрудничество — вопросы инвестиций, торговли и налогообложения. В повестке двусторонних отношений присутствовало также взаимодействие в сфере науки, образования и культуры.

Между официальными представителями Латвии и КНР за аналогичный период также состоялось 15 встреч — 7 визитов с китайской и 8 с латвийской стороны. Из этого следует, что после нормализации китайско-латвийских отношений двусторонние контакты развивались достаточно динамично и в целом не отставали от развития отношений КНР с двумя другими балтийскими странами. 19 декабря 1994 г. состоялся визит в Китай президента Латвии Г. Улманиса. Во время него было подписано совместное заявление, по которому латвийская сторона вновь подтвердила свою позицию по тайваньскому вопросу, которая была изложена в Совместном коммюнике об установлении дипломатических отношений и Совместном коммюнике о нормализации отношений между Китайской Народной Республикой и Латвийской Республикой. 22 февраля 1997 г. Китай посетил с визитом министр культуры Латвии Р. Пикс, а в июле 1998 г. — министр обороны Т. Юндзис. Впоследствии Р. Пикс еще дважды посещал КНР уже в должности заместителя спикера парламента Латвии: 2—9 июня 2000 г. и 30 мая — 6 июня 2002 г. Первым из министров иностранных дел Латвии Китай посетил И. Берзиньш 13—18 июня 2000 г. [15].

Первым визитом с китайской стороны после нормализации отношений стал приезд в Ригу 31 марта 1995 г. вице-преьера Государственного совета и министра иностранных дел КНР Цянь Цичэня. 12 июля того же года Латвию посетил заместитель председателя КНР Ван Ханбинь. 6—10 июня 1996 г. состоялся визит в Ригу вице-преьера Госсовета КНР

Ли Ланьцина, в ходе которого были подписаны Соглашение между Правительством Китайской Народной Республики и Правительством Латвийской Республики об избежании двойного налогообложения и предотвращении уклонения от уплаты налогов и Соглашение между Правительством Китайской Народной Республики и Правительством Латвийской Республики о сотрудничестве в области науки и технологий. А 3 марта 1999 г. в ходе визита в Латвию Ву Йи были подписаны Соглашение о гражданском воздушном транспорте и Соглашение о сотрудничестве в области оценки качества импорта и экспорта товаров. 9—11 сентября 2000 г. Латвию посетил с визитом председатель ПК ВСНП Ли Пэн, а 10 июля 2002 г. — председатель КНР Цзян Цзэминь [15].

Анализ заключенных в ходе этих встреч двусторонних договоров и соглашений показывает, что главным приоритетом китайско-латвийских отношений в рассматриваемый период являлось экономическое сотрудничество, а также вопросы налогообложения, взаимодействия в сфере науки и технологий.

Между Литвой и Китаем за период с сентября 1991 г. до ноября 2002 г. также состоялось 15 официальных встреч — по 7 визитов с китайской и литовской стороны, а также одна встреча на высоком уровне в Исландии. Поскольку Литва не стремилась установить официальные отношения с Тайванем, контакты Китая с ней развивались гораздо быстрее, чем с Латвией. 30 января 1992 г. в ходе визита министра экономики Литвы в Пекин было подписано Соглашение между Правительством Китайской Народной Республики и Правительством Литовской Республики о сотрудничестве в сфере экономики и торговли. 15 августа 1992 г. заместитель министра иностранных дел Литвы Р. Бернотас встретился в Пекине со своим китайским коллегой Тянь Цзэнпэем, и они подписали Консульский договор между Китайской Народной Республикой и Литовской Республикой и Соглашение между Правительством Китайской Народной Республики и Правительством Литовской Республики о безвизовом режиме [16].

8 ноября 1993 г. состоялась первая в истории литовско-китайских отношений встреча на высшем уровне — президент Литвы А. Бразаускас посетил Китай. В ходе этой встречи стороны подписали совместное заявление о развитии двусторонних отношений, а также Соглашение между Правительством Китайской Народной Республики и Правительством Литовской Республики о сотрудничестве в области культуры и Соглашение между Министерством железнодорожных сообщений Китайской Народной Республики и Министерством коммуникаций Литовской Республики о железнодорожных технологиях и экономическом сотрудничестве. Вслед за этим были уста-

новлены контакты на высоком уровне — 10 декабря 1995 г. по приглашению главы Госсовета КНР Ли Пэна Китай посетила с пятидневным официальным визитом литовская делегация во главе с премьером Литвы А. Шляжявичюсом. 1 февраля 1999 г. Китай посетил В. Ландсбергис в должности спикера литовского сейма, а 19—26 марта 2000 г. состоялся первый визит в Китай министра иностранных дел Литвы А. Саударгаса. В ходе этого визита был подписан Договор между Китайской Народной Республикой и Литовской Республикой о гражданской и уголовно-правовой помощи [16].

22 апреля 1992 г. в Вильнюсе было подписано Соглашение между Правительством Китайской Народной Республики и Правительством Литовской Республики о государственном научно-техническом сотрудничестве. 30 июня 1994 г. состоялся визит в Литву вице-премьера Государственного совета и министра иностранных дел КНР Цянь Цичэня. 11 июля 1995 г. Литву посетил заместитель председателя ПК ВСНП Ван Ханьбинь, а 3 июня 1996 г. — вице-премьер Госсовета КНР Ли Ланьцин. В Вильнюсе было подписано Соглашение между Правительством Китайской Народной Республики и Правительством Литовской Республики об избежании двойного налогообложения и предотвращении уклонения от уплаты налогов. 6 марта 1999 г. состоялся визит в Литву Ву Йи. Отдельно следует упомянуть о встрече председателя ПК ВСНП КНР Ли Пэна с президентом Литвы В. Адамкусом, которая состоялась 4 сентября 2000 г. в Исландии по пути в Нью-Йорк для участия в Саммите тысячелетия ООН. На следующий день после этой встречи Ли Пэн посетил с визитом Вильнюс. Наконец, 16—17 июля 2002 г. состоялся визит в Литву председателя КНР Цзян Цзэминя [11; 16].

Анализ заключенных в ходе этих встреч договоров и соглашений показывает, что главной темой китайско-литовских отношений в рассматриваемый период, как и с двумя другими балтийскими странами, являлось экономическое сотрудничество, а также вопросы торговли, налогообложения и железнодорожного транспорта. Кроме того, в повестке двусторонних отношений присутствовало взаимодействие в научно-технической и культурной сферах [16].

Таким образом, в 1992—2002 гг. Китай достаточно равномерно развивал отношения со всеми тремя балтийскими странами, о чем свидетельствуют и число официальных встреч, и тематика заключенных договоров и соглашений, в которых в данный период основное внимание уделялось вопросам торгово-экономического взаимодействия.

В области политических вопросов одним из важнейших приоритетов китайского руководства на международной арене является обеспечение принципа «одного Китая»,

т. е. признания всеми странами — партнерами правительства КНР в качестве единственного легитимного представителя интересов всего Китая и их отказ от официальных контактов с правительством Китайской Республики на Тайване. Как отмечает российский исследователь В. В. Воротников, в начале 1990-х гг. три балтийских страны «стали своеобразной ареной борьбы между КНР и Китайской Республикой на Тайване» [1, с. 157]. Объяснялось это тем, что после восстановления независимости Эстония, Латвия и Литва остро нуждались во внешних источниках пополнения своих бюджетов, а правительство Тайваня активно предлагало им льготные кредиты и инвестиции в обмен на установление дипломатических отношений. Хотя все три страны приветствовали решение КНР о признании их независимости, лишь Литва сразу отказалась от контактов с Тайванем. Эстония вскоре последовала ее примеру, оценив, что перспективы сотрудничества с Пекином многократно перекрывают те, что предлагал Тайбэй. Латвия же в 1992—1994 гг. активно развивала официальные контакты с правительством Тайваня, что замедлило развитие китайско-латвийских отношений. О важности принципа «одного Китая» в контексте китайско-балтийских отношений свидетельствует и то, что в рассматриваемый период представители КНР дважды поднимали этот вопрос на встречах с представителями Литвы, трижды — Эстонии и четыре раза — с представителями Латвии.

В период правления Ху Цзиньтао, который в своей внешней политике сделал акцент на развитие гуманитарных и культурных связей, количество официальных контактов между КНР и тремя балтийскими странами многократно возросло. Так, за период 2003—2012 гг. между официальными представителями КНР и Эстонии состоялась 61 встреча (32 визита с китайской стороны, 26 — с эстонской и еще 3 встречи на территории других государств); КНР и Латвии — 96 встреч (51 визит с китайской стороны, 40 — с латвийской и 5 встреч в третьих странах); КНР и Литвы — 88 встреч (51 визит с китайской стороны, 35 — с литовской и 2 встречи в третьих странах). По этим цифрам видно, что основная инициатива по развитию контактов исходила от КНР — во всех трех случаях преобладали визиты с китайской стороны. При этом отношения с Эстонией стали менее интенсивными, чем с двумя другими балтийскими странами. В свою очередь среди балтийских государств наибольший интерес к развитию контактов с Китаем проявляла Латвия [14—16].

Среди наиболее важных встреч между представителями КНР и Эстонии следует отметить государственный визит в Китай президента Эстонии А. Рюйтеля, который состоялся 24—30 августа 2005 г. В ходе встречи с главой КНР Ху Цзиньтао он заявил, что его

страна готова играть роль моста в сотрудничестве между ЕС и Китаем [9]. 24—26 января 2007 г. Китай посетил министр иностранных дел Эстонии У. Паэт. В Пекине он провел переговоры со своим китайским коллегой Ли Чжаосином и подписал соглашение об использовании земель в Пекине для строительства зданий эстонского посольства. Во время проведения Олимпиады в Пекине в августе 2008 г. прошла встреча глав правительств Эстонии и Китая — А. Ансипа и Вэнь Цзябао. Помимо поздравлений эстонской команды с олимпийскими медалями, Вэнь Цзябао выразил благодарность за эстонскую поддержку китайскому народу во время землетрясения в Вэньчуане. А министр иностранных дел Эстонии У. Паэт прибыл для участия в церемонии открытия шанхайской Всемирной выставки 28 апреля — 1 мая 2010 г. [14].

Основные визиты с китайской стороны включали посещение Эстонии 16—17 августа 2005 г. министром иностранных дел Китая Ли Чжаосином, который встретился с эстонским президентом А. Рюйтелем. 28—30 октября 2006 г. прошел визит в Эстонию председателя Народного политического консультативного совета КНР Цзя Цинлиня. Он провел переговоры с эстонским премьер-министром А. Ансипом, в ходе которых оба политика отметили, что благодаря своему положению, хорошей деловой среде и транспортной инфраструктуре Эстония может сыграть важную роль в развитии экономического сотрудничества между Китаем и ЕС [10]. 1—3 ноября 2009 г. состоялся визит в Эстонию вице-преьера КНР Чжан Дэцзяна. В ходе переговоров с ним президент Эстонии Т. Х. Ильвес вновь отметил, что «Эстония готова играть активную роль в продвижении связей ЕС с Китаем, особенно в экономических и торговых отношениях» [16]. 23—26 мая 2010 г. Таллин посетил заместитель председателя ПК ВСНП Хуа Цзяньминь. Во время своего визита он провел переговоры со спикером парламента Эстонии Э. Эргма, премьер-министром А. Ансипом и президентом Т. Х. Ильвесом. 21—23 сентября 2010 г. для участия в церемонии открытия Института Конфуция в Таллинском университете Эстонии посетил с визитом член Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК Ли Чанчунь [14].

Помимо этого, 8 октября 2004 г. премьер-министр КНР Вэнь Цзябао встретился с премьер-министром Эстонии Ю. Партсом во время пятой Азиатско-европейской встречи в Ханое (Вьетнам). В мае 2009 г. также в Ханое во время встречи министров иностранных дел Азии и Европы министр иностранных дел Китая Ян Цзечи встретился со своим эстонским коллегой У. Паэтом. 26 апреля 2012 г. главы правительств КНР и Эстонии Вэнь Цзябао и А. Ансип встретились во время первой встречи лидеров Китая и стран ЦВЕ в Варшаве [14].

Впрочем, политические разногласия между Эстонией и КНР в этот период также имели место. Так, несмотря на заявленный китайским посольством в Таллине протест, 16—18 августа 2011 г. Эстонию посетил духовный лидер Тибета Далай-лама XIV и встретился с эстонским президентом. В ответ на это по инициативе Пекина был отменен запланированный на конец того же месяца визит эстонского министра сельского хозяйства в Китай [17].

Среди основных визитов официальных представителей Китая в Латвию следует отметить следующие: 18—19 августа 2005 г. министра иностранных дел Ли Чжаосина, 31 августа 2009 г. вице-преьера Хуэй Ляньюя, 20 мая 2011 г. заместителя председателя ПК ВСНП Хань Цидэ, 13—15 мая 2012 г. государственного советника и министра национальной обороны Лян Гуанли, 19—21 декабря 2012 г. заместителя председателя Народного политического консультативного совета Китая Бай Личена [15].

С латвийской стороны, прежде всего, следует упомянуть о визите в Китай президента Латвии В. Вике-Фрейберга 11—18 апреля 2004 г., в ходе которого был подписан ряд латвийско-китайских договоров и соглашений: «Об оказании помощи в уголовном судопроизводстве», «О морских перевозках», «О продвижении и защите инвестиций», «Об экономическом сотрудничестве», «О сотрудничестве на железнодорожном транспорте» и «О безвизовом режиме». 22—27 мая 2005 г. Китай посетил министр иностранных дел Латвии А. Пабрикс. Он подтвердил приверженность своей страны принципу «одного Китая» [15]. 5—12 сентября 2007 г. во время участия во Всемирном экономическом форуме в Даляне премьер-министр Латвии А. Калвитис встретился с премьер-министром КНР Вэнь Цзябао. А. Калвитис заявил, что Латвия надеется использовать свои географические преимущества для строительства «Морского Шелкового пути», соединяющего Китай и Балтийское море [2].

В 2008 г. с латвийской стороны состоялось три важных визита в Китай. 8 августа президент Латвии В. Затлерс прибыл для участия в церемонии открытия Олимпийских игр в Пекине и встретился с главой КНР Ху Цзиньтао. 23 августа для участия в церемонии закрытия Олимпиады в Китай прибыл премьер-министр Латвии И. Годманис. С ним встретился премьер-министр КНР Вэнь Цзябао. 24 октября И. Годманис вновь посетил Китай для участия в 7-й Азиатско-европейской встрече.

В последующие три года президент Латвии В. Затлерс и премьер В. Домбровскис дважды посетили Китай. 10 сентября 2009 г. В. Затлерс прибыл в Китай для участия в летнем Давосском форуме в Даляне и встретился с премьер-министром КНР Вэнь Цзябао. Во время этой встречи он заявил, что Латвия готова внести позитивный вклад в развитие отношений между ЕС и Китаем [3]. 22 октября 2010 г. В. Зат-

лерс вновь посетил Китай для участия в Дне национального павильона Латвии на Всемирной выставке в Шанхае. В ходе встречи с заместителем председателя КНР Си Цзиньпином он подписал Соглашение между Китайской Народной Республикой и Латвийской Республикой о признании учебных курсов, дипломов о высшем образовании и ученых степеней. В. Домбровскис 24 мая 2010 г. принял участие в Форуме политических партий высокого уровня Китай — ЕС, 26 мая посетил Шанхай для участия в церемонии открытия павильона Латвии на Всемирной выставке, а еще раз посетил Китай в июле 2011 г. [15]

Состоялось также несколько официальных встреч на территории третьих стран. Большинство из них — в рамках ежегодных встреч Форума «Азия — Европа»: 7 мая 2005 г. — в Киото (Япония), 10 сентября 2006 г. — в Хельсинки (с участием премьер-министра КНР Вэнь Цзябао и президента Латвии В. Вике-Фрейберга), 28 мая 2007 г. — в Гамбурге, в мае 2009 г. — в Ханое. 26 апреля 2012 г. премьер-министр КНР Вэнь Цзябао встретился со своим латвийским коллегой В. Домбровскисом на первом саммите «Китай — Центральная и Восточная Европа» в Варшаве [15].

В отношениях между Китаем и Литвой можно выделить следующие официальные встречи. 17—18 августа 2005 г. состоялся визит в Литву министра иностранных дел Китая Ли Чжаосина. 26—28 октября 2006 г. Литву посетил председатель Всекитайского комитета Народного политического консультативного совета Цзя Цинлинь. В ходе переговоров президент Литвы В. Адамкус заявил, что как друг Китая и новый член Евросоюза Литва готова играть конструктивную роль в содействии дальнейшему развитию отношений между ЕС и Китаем [11]. 29—31 августа 2009 г. состоялся визит в Литву вице-преьера КНР Хуэй Ляньюя. Он провел переговоры с литовским премьер-министром А. Кубилюсом, в ходе которых стороны подписали документы о двустороннем сотрудничестве в области сельского хозяйства, стимулирования торговли и инвестиций. 17—22 октября 2009 г. министр транспорта Китая Ли Шенглин посетил Литву в целях участия в первом совещании министров транспорта Форума «Азия — Европа». В ходе этого совещания были подписаны Меморандум о создании механизма двусторонних консультаций между Министерством транспорта Китайской Народной Республики и Министерством транспорта и коммуникаций Литовской Республики и трехсторонняя Совместная декларация о транспортном коридоре Восток-Запад между Китаем, Беларусью и Литвой. 13—15 июля 2010 г. состоялся визит в Литву члена постоянной комиссии Политбюро ЦК КПК и секретаря Центральной комиссии по проверке дисциплины Хэ Гоцяна. В ходе встречи с премьер-министром Литвы А. Кубилюсом были

подписаны четыре соглашения об экономическом и торговом сотрудничестве между правительствами и предприятиями двух стран [16].

С литовской стороны также было немало визитов на высоком уровне. 12—19 апреля 2006 г. Китай посетил министр иностранных дел Литвы А. Валионис. 24—28 сентября 2006 г. состоялся государственный визит в Китай президента Литвы В. Адамкуса. Он провел переговоры с председателем КНР Ху Цзиньтао, в ходе которых оба лидера подчеркнули свое намерение расширять сотрудничество и поднимать отношения между двумя странами на более высокий уровень. 23 августа 2008 г. для участия в церемонии закрытия Олимпиады в Пекине в Китай прибыл премьер-министр Литвы Г. Киркилас. Он встретился с премьер-министром КНР Вэнь Цзябао. 26 октября 2008 г. министр иностранных дел П. Вайтекунас принял участие в 7-м саммите Форума «Азия — Европа» [16].

23 октября 2010 г. для участия в Дне национального павильона Литвы на шанхайской Всемирной выставке в Китай прибыла президент Литвы Д. Грибаускайте. В ходе переговоров с заместителем председателя КНР Си Цзиньпином она заявила, что ее страна стремится к дальнейшему развитию не только литовско-китайских, но и европейско-китайских отношений, к укреплению прагматического сотрудничества в области экономики и торговли, сельского хозяйства, телекоммуникаций, энергетики, портовых перевозок, к развитию культурных и спортивных обменов и готова эффективно использовать возможности, которые предоставляет развитие Китая для лучшего будущего [7]. 11 сентября 2012 г. в ходе участия премьер-министра Литвы А. Кубилиуса во Всемирном экономическом форуме состоялась его встреча с его коллегой Вэнь Цзябао, который отметил, что Китай и его предприятия и университеты готовы укреплять обмены с Литвой и совместно продвигать новые достижения в отношениях с Евросоюзом и регионом ЦВЕ. А. Кубилиус подчеркнул, что сотрудничество Литвы, ЕС и Китая вступает в новый этап и Литва готова содействовать дальнейшему развитию отношений [4].

На этом этапе в повестке отношений Китая с тремя балтийскими странами, как и ранее, преобладали торгово-экономические вопросы. Но появились и новые сферы сотрудничества: взаимодействие в сфере транспорта и логистики. Вступление Эстонии, Латвии и Литвы в ЕС в 2004 г. сделало актуальным обсуждение вопросов о их роли в развитии более масштабных многосторонних проектов сотрудничества Китая с Евросоюзом. Кроме того, в связи с обозначенными приоритетами внешней политики Ху Цзиньтао значительное внимание уделялось развитию взаимодействия в области культуры и образования. Так, в каждой из трех балтийских стран в этот период начал действовать Институт Конфуция [14—16].

Новый лидер КНР Си Цзиньпин, который возглавил страну 15 ноября 2012 г., в отличие от своих предшественников выступал за более активную позицию Китая на международной арене и участие страны в процессах мирового управления и лидерства. Это обусловило и существенное изменение формата китайско-балтийских отношений. Количество двусторонних визитов по сравнению с предыдущим периодом значительно сократилось, а их уровень снизился. В то же время гораздо большее значение в структуре официальных контактов приобрели переговоры в рамках многосторонних форумов и встреч. Так, в 2013—2019 гг. высокопоставленные официальные представители КНР встречались со своими эстонскими коллегами в формате двусторонних визитов 5 раз, а во время многосторонних встреч на территории других стран — 6 раз; с латвийскими — 7 и 4 раза; с литовскими — 8 и 5 раз соответственно. Основными форматами официальных встреч стали саммиты формата «16+1» (Китай — страны ЦВЕ), а также летние азиатские Давосские форумы и форумы «Азия — Европа» [14—16].

Характеризуя развитие китайско-балтийских контактов, следует отметить заметное снижение уровня двусторонних встреч между Китаем и Эстонией — практически все визиты между двумя странами в этот период были на уровне министров и их заместителей. Исключением стали лишь приезд в Китай 24 ноября 2015 г. премьер-министра Эстонии Т. Рыйваса и визит в Эстонию китайского вице-преьера Чжан Гаоли 13 апреля 2017 г. Однако визит Т. Рыйваса не был чисто двусторонним, а был связан с участием в четвертом саммите «Китай — страны ЦВЕ». Китайско-латвийские отношения поддерживались на более высоком уровне: 26 ноября 2015 г. Китай посетила премьер-министр Латвии Л. Страуяма, 4 ноября 2016 г. в Ригу приезжал премьер-министр Китая Ли Кэцян, а 18 сентября 2018 г. Китай посетил президент Латвии Р. Вейонис. Правда, все эти визиты на высшем и высоком уровне были приурочены к участию в многосторонних форумах — первые два в рамках саммитов «16+1», а целью визита президента Латвии было участие в летнем Давосском форуме. Для отношений между Китаем и Литвой была характерна наибольшая диспропорция уровней визитов с китайской и с литовской сторон. Самым высокопоставленным представителем Китая, посетившим Вильнюс в этот период, был вице-премьер Чжан Гаоли (21—23 июля 2015 г.). С литовской стороны Китай дважды посетил премьер-министр А. Буткявичюс — 25 ноября 2015 г. и 22—25 марта 2016 г. (второй раз для участия в ежегодной конференции азиатского Давосского форума), а 5 ноября 2018 г. президент Д. Грибаускайте приезжала в Китай, чтобы принять участие в первой китайской Международной выставке импорта [14—16].

Такой спад в отношениях Китая с Эстонией и Литвой отчасти можно объяснить возникшими между ними политическими разногласиями. В отличие от ситуации начала 1990-х гг., когда напряженность была обусловлена попытками балтийских стран установить официальные контакты с Тайванем, в начале 2010-х гг. ее причиной стал прием в балтийских столицах на высшем уровне духовного лидера Тибета Далай-ламы XIV. 16—18 августа 2011 г. он, как уже отмечалось, приезжал в Эстонию, а 12 сентября 2013 г. — в Литву. В обоих случаях он был принят на высшем уровне и общался с президентами этих стран. Поскольку правительство КНР считает Далай-ламу не просто религиозным лидером, но и символом тибетского сепаратизма, Китай направил официальные протесты правительству Эстонии и Литвы и отменил запланированные ранее визиты [5; 14; 16].

Отношение балтийских государств к развитию связей с Китаем и усилению его присутствия в регионе достаточно неоднозначное. С одной стороны, как члены ЕС и НАТО Эстония, Латвия и Литва стараются придерживаться общей линии поведения с лидерами западного мира в отношении незападных стран, в частности, в таких вопросах, как распространение демократии и прав человека. С другой стороны, следует признать, что идеологические различия не играют существенной роли в развитии отношений между Китаем и балтийскими странами. Несмотря на запрет коммунистической идеологии и символики в этих странах, в балтийских СМИ практически отсутствует критика китайской компартии и ее методов правления. Вопрос «недемократичности» китайских властных институтов представители балтийских государств предпочитают обходить стороной, руководствуясь собственными экономическими интересами [5]. Хотя отдельные представители их политического руководства пытались поднимать вопросы распространения западных политических ценностей в КНР. Так, в ходе своего визита в Китай председатель Комиссии по иностранным делам в парламенте Эстонии М. Михельсон заявил, что «необходимо продолжать диалог между ЕС и Китаем на тему соблюдения прав человека» [5]. Каких-либо официальных ответов со стороны китайских властей не прозвучало, однако цель поездки М. Михельсона, состоящая в продвижении продукции эстонских предпринимателей на китайском рынке, достигнута также не была.

Весьма неоднозначно в балтийских странах воспринимается и роль Китая в регионе ЦВЕ в контексте развития его отношений с Россией. Как известно, политические элиты Эстонии, Латвии и Литвы считают главной угрозой национальной безопасности своих государств любое усиление позиций России в регионе — военное, политическое, экономическое. В этой

связи им весьма импонировала идея о том, что усиление конкуренции российскому влиянию со стороны Китая может ослабить позиции России [21]. Поэтому наметившиеся тенденции развития российско-китайского сотрудничества в военно-политической сфере вызывают у политических элит балтийских стран определенную обеспокоенность. Как отмечают Дж. Тукер и М. Велесте, с 2012 г. Россия и Китай проводят ежегодные совместные военные учения, в том числе в политически чувствительных районах, таких как Южно-Китайское море. А 21—28 июля 2017 г. учения «Совместное море — 2017» прошли в Балтийском море у побережья Калининградской области [23].

Анализ политических контактов между тремя балтийскими странами и Китаем за почти 30-летний период позволяет выявить следующие характеристики основных трех этапов их развития. В 1991—2002 гг. происходило становление китайско-балтийских отношений. В этот период формировались основы их договорно-правовой базы. Несмотря на отдельные проблемные моменты в отношениях с Латвией, в целом Китай достаточно равномерно развивал контакты со всеми тремя странами. Основное место в повестке китайско-балтийских отношений занимали вопросы торгово-экономического взаимодействия. Для следующего этапа, который соотносится с правлением в Китае Ху Цзиньтао, были характерны рост количества официальных встреч и расширение тематики отношений за счет развития сотрудничества в области культуры и образования. По интенсивности контактов с Китаем на этом этапе из трех балтийских стран явно выделялась Латвия. На третьем этапе, который соотносится с правлением нынешнего главы КНР Си Цзиньпина (с 2013 г.) и выдвижением китайской инициативы «Один пояс, один путь», формат китайско-балтийских отношений вновь меняется: общее количество официальных контактов резко сокращается (меньше, чем на первом этапе). При этом явный приоритет отдается не двусторонним встречам, а переговорам в рамках многосторонних саммитов и форумов под эгидой Китая.

Хотя и со стороны Китая, и со стороны балтийских стран основой развития китайско-балтийских отношений признается экономика — вопросы торговли, инвестиций, транспортно-логистического сотрудничества, отдельные политические проблемы также влияют на их динамику. В начале 1990-х гг. осложнения в отношениях с КНР были вызваны попытками балтийских государств, прежде всего Латвии, установить официальные отношения с правительством Тайваня. В начале 2010-х гг. охлаждение отношений было связано с приемом в двух балтийских столицах на высшем уровне Далай-ламы, вопреки китайским протестам. На этот раз Латвия, наоборот, отказалась официально принять у себя духовного ли-

дера Тибета, а объектами критики со стороны КНР стали Эстония и Литва. Идеологические различия между КНР и балтийскими странами официально никогда не акцентировались и не рассматривались ни одной из сторон в качестве препятствия для получения экономиче-

ских выгод от взаимного сотрудничества. Но сближение Китая и России, особенно в военно-политической сфере (проведение совместных учений в Балтийском море), вызывает в трех балтийских странах некоторую настороженность.

Список использованных источников

1. Воротников, В. В. Страны Балтии и Восточной Азии: история взаимоотношений и перспективы сотрудничества / В. В. Воротников, А. А. Киреева // Мир перемен. — 2011. — № 3. — С. 153—164.
2. Вэньцзябао хуэйцзянь вайго чжэняо хэ шицзе цзинци луньтань чжуси = Вэнь Цзябао встретился с иностранными высокопоставленными лицами и председателем Всемирного экономического форума [Электронный ресурс] // Чжунхуажэньминь гунхэго вайцзяоубу = Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики. — 06.09.2007. — Режим доступа: <http://www.chinacommercialoffice.org/web/wjb_673085/zjzj_673183/gjjs_674249/gjzyhygk_674253/sjj_674297/xgxw_674303/t359526.shtml>. — Дата доступа: 06.09.2019 (на кит. яз.).
3. Вэньцзябао хуэйцзянь чуси сяцзи да во сы луньтань дэ вайго линдао жэнь хэ шицзе цзинци луньтань чжуси = Вэнь Цзябао встретился с иностранными лидерами на летнем Давосском форуме и с председателями Всемирного экономического форума [Электронный ресурс] // Цюаньго жэньминь дайбяо дахуэй = Всекитайское собрание народных представителей. — 11.09.2009. — Режим доступа: <http://www.npc.gov.cn/zgrdw/npc/xinwen/szyw/zhbd/2009-09/11/content_1518660.htm>. — Дата доступа: 11.09.2019 (на кит. яз.).
4. Вэньцзябао хуэйцзянь чуси 2012 нянь тяньцзинь сяцзи да во сы луньтань нянь хуэй дэ вайго чжэняо = Вэнь Цзябао встретился с иностранными официальными лицами, присутствующими на ежегодном саммите 2012 года в Тяньцзине [Электронный ресурс] // Чжунхуажэньминь гунхэго чжу айэрлань дашигуань = Посольство Китайской Народной Республики в Ирландии. — 11.09.2012. — Режим доступа: <<http://ie.china-embassy.org/chn/xwgg/t968325.htm>>. — Дата доступа: 11.09.2019 (на кит. яз.).
5. Иванов, Е. Baltnews (Литва): транзитные уроки от Китая. Как Пекин проучил Прибалтику за агрессивное поведение / Е. Иванов [Электронный ресурс] // ИНОСМИ.РУ. — 11.09.2019. — Режим доступа: <<https://inosmi.ru/politic/20190911/245807837.html>>. — Дата доступа: 07.01.2020.
6. Китайская мудрость: почему Балтия не получит инвестиции КНР [Электронный ресурс] // Baltnews. — 10.07.2018. — Режим доступа: <https://baltnews.lt/vilnius_news/20180710/1018205140.html>. — Дата доступа: 04.01.2020.
7. Сицзиньпин цзай жэньминь дахуэй тан хуэйцзянь литаовань цзунтун гэ ли бао сы кайтэ = Си Цзиньпин встретился с президентом Литвы Грибаускайте в Большом зале народных собраний [Электронный ресурс] // Чжуньян жэньминь чжэньфу = Центральное народное правительство Китайской Народной Республики. — 26.10.2010. — Режим доступа: <http://www.gov.cn/ldhd/2010-10/26/content_1730751.htm>. — Дата доступа: 26.10.2019 (на кит. яз.).
8. Фань Шэнлун. Латовэяй цзунти синши цзи чжун ла гун цзянь «идай илу» дэ цянъцин юй цзяньи = Общая ситуация в Латвии: перспективы и предложения для Китая по совместному строительству «пояса и пути» / Фань Шэнлун // Чжунго маои даокань = Журнал китайской экономики. — 2015. — № 9. — С. 54—56 (на кит. яз.).
9. Хуцзиньтао юй айшания цзунтун люй тэ эр цзюй хан хуэйтань = Ху Цзиньтао провел переговоры с президентом Эстонии Рюйтелем [Электронный ресурс] // Чжунхуажэньминь гунхэго чжу айшания гунхэго дашигуань = Посольство Китайской Народной Республики в Эстонской Республике. — 25.08.2005. — Режим доступа: <<http://www.chinaembassy.ee/chn/zagx/gcjw/t208872.htm>>. — Дата доступа: 25.08.2019 (на кит. яз.).
10. Цзяцилинь 29 жи цзай талинь хуэйцзянь айшания цзунли аньси пу = Цзя Цинлинь встретился с премьер-министром Эстонии Ансипом в Таллине 29-го числа [Электронный ресурс] // Чжуньян жэньминь чжэньфу = Центральное народное правительство Китайской Народной Республики. — 30.10.2006. — Режим доступа: <http://www.gov.cn/jrzg/2006-10/30/content_427078.htm>. — Дата доступа: 30.10.2019 (на кит. яз.).
11. Цзяцилинь хуэйцзянь литаовань цзунтун ада му ку сы = Цзя Цинлинь встретился с президентом Литвы Адамкусом [Электронный ресурс] // Чжунхуажэньминь гунхэго чжу екацзелиньбао цзунлиньшигуань = Генеральное консульство Китайской Народной Республики в Екатеринбурге. — 28.10.2006. — Режим доступа: <<http://ekaterinburg.chineseconsulate.org/chn/zyxw/t277843.htm>>. — Дата доступа: 28.10.2019 (на кит. яз.).
12. Чжандэцзян цзай айшания цзунтун фу хуэйцзянь айшания цзунтун и эр вэй сы = Чжан Дэцзян встретился с президентом Эстонии Ильвесом в Президентском дворце Эстонии [Электронный ресурс] // Чжуньян жэньминь чжэньфу = Центральное народное правительство Китайской Народной Республики. — 03.09.2009. — Режим доступа: <http://www.gov.cn/ldhd/2009-11/03/content_1455782.htm>. — Дата доступа: 11.03.2020 (на кит. яз.).
13. Чжан Чао. Чжунго юй айшания: шуанбянь гуаньси лиши хэ фачжэнь цянъцин чжаньван = Китай и Эстония: история двусторонних отношений и перспективы развития / Чжан Чао // Муданьцзян дасюэсюэбао = Вестник Университета Муданьцзяна. — 2013. — № 9. — С. 132—134 (на кит. яз.).
14. Чжунго тун айшания дэ гуаньси = Отношения между Китаем и Эстонией [Электронный ресурс] // Чжунхуажэньминь гунхэго вайцзяоубу = Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики. — Режим доступа: <https://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/oz_678770/1206_678820/sbgx_678824/t6742.shtml>. — Дата доступа: 14.10.2019 (на кит. яз.).
15. Чжунго тун латовэяй дэ гуаньси = Отношения между Китаем и Латвией [Электронный ресурс] // Чжунхуажэньминь гунхэго вайцзяоубу = Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики. — Режим доступа: <https://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/oz_678770/1206_679330/sbgx_679334/>. — Дата доступа: 08.10.2019 (на кит. яз.).
16. Чжунго тун литаовань дэ гуаньси = Отношения между Китаем и Литвой [Электронный ресурс] // Чжунхуажэньминь гунхэго вайцзяоубу = Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики. — Режим доступа: <https://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/oz_678770/1206_679354/sbgx_679358/>. — Дата доступа: 08.10.2019 (на кит. яз.).
17. Чжунфан цюйсяо айшания гуаньбянь фан хуа баофу цздай да лай лама = Китай отменил визит эстонского чиновника в Китай в ответ на прием Далай-ламы [Электронный ресурс] // RFI.FR. — 02.09.2011. — Режим доступа: <<http://www.rfi.fr/cn/%E4%B8%AD%E5%9B%BD/20110902-%E4%B8%AD%E6%96%B9%E5%8F%96%E6%B6%88%E7%88%B1%E5%9B%BD%E5%AE%98%E5%91%98%E8%AE%BF%E5%8D%8E%E6%8A%A5%E5%A4%8D%E6%8E%A5%E5%BE%85%E8%BE%BE%E8%B5%96%E5%96%87%E5%98%9B>>. — Дата доступа: 02.09.2019 (на кит. яз.).

18. Bērziņa-Čerenkova, U. A. China's New Role in Baltic States / U. A. Bērziņa-Čerenkova [Electronic resource] // Foreign Policy Research Institute. — 30.01.2018. — Mode of access: <<https://www.fpri.org/article/2018/01/chinas-new-role-baltic-states/>>. — Date of access: 11.01.2020.
19. China [Electronic resource] // Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Estonia. — Mode of access: <<https://vm.ee/en/countries/china?display=relations>>. — Date of access: 14.10.2019.
20. Larçon, J. P. The economic impact of China on the Baltic Sea region: some recommendations for policy-makers: BSR Policy Briefing 5/2017 / J. P. Larçon [Electronic resource] // Centrum Balticum. — Mode of access: <http://www.centrumbalticum.org/files/3902/BSR_Policy_Briefing_5_2017.pdf>. — Date of access: 19.02.2020.
21. Scott, D. China and the Baltic States: strategic challenges and security dilemmas for Lithuania, Latvia and Estonia / D. Scott // Journal on Baltic Security. — 2018. — Vol. 4, N 1. — P. 25–37.
22. Sveics, V. V. China's view of the Baltic States / V. V. Sveics // Nationalities Papers: The Journal of Nationalism and Ethnicity. — 1978. — Vol. 6, N 2. — P. 151–159. (<https://doi.org/10.1080/00905997808407838>)
23. Tucker, J. China's Mixed Message in Baltics? [Electronic resource] / J. Tucker, M. Veliste // Institute for Security and Development Policy. — 28.08.2017. — Mode of access: <<https://isd.eu/chinas-mixed-message-baltic/>>. — Date of access: 22.02.2020.

Статья поступила в редакцию в апреле 2020 г.

ПРИЧИНЫ САНКЦИЙ США ПРОТИВ КОМПАНИИ «HUAWEI»

Ма Лэй

В статье рассматриваются основные причины, по которым США ввели санкции против компании «Huawei». Автор выделяет следующие причины: конкуренция на рынке 5G, невозможность для США использовать телекоммуникационные системы «Huawei» в целях своей безопасности, весомый вклад «Huawei» в развитие китайской экономики и высоких технологий в Китае.

Ключевые слова: Китай; 5G; санкции; США; Huawei.

«Reasons of the USA Sanctions against Huawei» (Ma Lei)

The article considers the main reasons of the USA sanctions against the company «Huawei». The author has identified the following reasons: competition in the market of 5G, the lack of opportunity for the USA to use the «Huawei» telecommunication systems for its security goals, Huawei's significant input to the development of the Chinese economy and high technologies in China.

Keywords: China; 5G; Huawei; sanctions; USA.

Введение

Американо-китайские отношения являются системообразующим элементом для современной системы международных отношений. Их можно с полной уверенностью охарактеризовать как отношения «сверхдержавы» и «потенциальной сверхдержавы». С началом президентства в США Д. Трампа в 2017 г. отношения между двумя государствами значительно ухудшились. Официальный Вашингтон стремится изменить серьезный дисбаланс в двустороннем товарообороте (в 2019 г. объем товарооборота составил 558,87 млрд дол. США, из них китайский экспорт — 452,24 млрд дол. США, т. е. внешнеторговый дефицит для США составит 345,61 млрд дол. США [см.: 18]). Американский эксперт Д. Лэйн подчеркивает, что «избыток долларовой наличности используется Китаем для приобретения казначейских облигаций США. Благодаря этому поддерживается курс доллара, а Китай со временем превращается в крупнейшего в мире долларового заемщика за пределами США» [цит. по: 2]. Кроме того, Вашингтон стремится ограничить доступ Китая к современным технологиям с целью сдержать рост не только экономического, но и военно-политического могущества КНР. В этом контексте большой интерес представляет конфликт вокруг компании «Huawei».

Целью статьи является выявление особенностей американо-китайского конфликта

вокруг компании «Huawei» в контексте современного противостояния между КНР и США.

Для достижения этой цели были поставлены следующие задачи:

— охарактеризовать позиции сторон по поводу конфликта вокруг компании «Huawei»;

— оценить значение компании «Huawei» в экономическом и технологическом развитии КНР;

— определить возможные сценарии действий компании «Huawei» в ответ на введенные санкции;

— установить и оценить возможные экономические последствия для КНР конфликта вокруг компании «Huawei».

Нынешнее американо-китайское противостояние, как и его частное проявление — конфликт вокруг компании «Huawei», принадлежит к числу незавершенных процессов. Их полноценное научное осмысление еще впереди. В настоящее время историография вопроса представлена преимущественно многочисленными экспертными заключениями, многие из которых сложно назвать объективными и беспристрастными.

Значительное место занимают экспертные дискуссии, в которых рассматриваются технологические особенности и аспекты производимых компанией устройств, а также технологическая сторона конфликта. Подобные публикации не относятся к теме статьи.

Автор:

Ма Лэй — аспирант кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета, e-mail: 396036307@qq.com
Белорусский государственный университет. Адрес: 4, пр. Независимости, Минск, 220030, БЕЛАРУСЬ

Author:

Ma Lei — post-graduate student of the Department of International Relations of the Faculty of International Relations, Belarusian State University, e-mail: 396036307@qq.com
Belarusian State University. Address: 4, Nezavisimosti ave., Minsk, 220030, BELARUS

Конфликт вокруг компании «Huawei» вызвал бурное обсуждение в экспертной и научной среде. Существующие публикации можно разделить на две большие группы: а) однозначно поддерживающие позицию официального Вашингтона, фактически в переформулированном виде повторяющие аргументы американских властей (см. позицию Дж. Хиллман [см.: 13] или Дж. А. Льюиса [12]); б) однозначно поддерживающие позицию официального Пекина, фактически в переформулированном виде повторяющие аргументы китайских властей (см., к примеру, публикации Л. Лау [11] или Л. Киа, Чжана Чаокана и Цинь Вэя [15]).

Вместе с тем отсутствует критическое осмысление конфликта с позиций теории международных отношений (прежде всего, реализма и неореализма), основанное на оценке интересов и приоритетов внешней политики государств, в данном случае США, в отношении китайского экономического роста. Слабое отражение проблематики в научных изданиях: монографиях, рецензируемых журналах и сборниках трудов придает особую актуальность изучаемым событиям и процессам, которые происходили в конце 2018 — первой половине 2020 г., и поэтому пока еще не получили должного отражения в академических публикациях.

Автор статьи рассматривает конфликт вокруг компании «Huawei» как составной элемент обострившегося после прихода к власти президента Д. Трампа американо-китайского противостояния. Все эпизоды конфликта интерпретируются в широком контексте, связанном с ролью экономической, технологической, военной, политической и других сфер в двустороннем противостоянии, на основе применения базовых специальных методов современной исторической науки.

Экономические санкции США против КНР

Насколько велико влияние экономических санкций США на КНР?

Сначала необходимо разобраться, что такое экономические санкции. Под экономическими санкциями понимаются обязательные дискриминационные экономические меры, принимаемые страной или странами, или международными институтами для различных политических целей. К ним относятся торговые, инвестиционные санкции, санкции за помощь, замораживание активов за рубежом и навигационные санкции.

После окончания «холодной войны» экономические санкции постепенно стали для Соединенных Штатов основным инструментом решения международных проблем. В системе внешней политики США они играют важную роль.

Соединенные Штаты в настоящее время являются не только сверхдержавой, но и страной с наибольшим экономическим, финансовым и политическим влиянием в мире. Поскольку США оказывают значительное влияние на мировую экономику, они могут наложить экономические санкции на большинство стран, которые чем-то не устраивают Вашингтон. Каждый раз, когда Соединенные Штаты вводят экономические санкции в отношении какой-либо страны, это неизбежно затрагивает другие страны, а также всегда вызывает колебания на мировом рынке. Поэтому введение США экономических санкций против определенных стран вызывает большую обеспокоенность международного сообщества [19].

Влияние США на все международные проблемы крайне велико. Например, Уолл-стрит контролирует влияние мировых цен на товары, а также мировые финансовые институты. Восемь крупнейших компаний США контролируют мировую информационную индустрию: «Microsoft» — производство компьютеров, «Intel» — производство процессоров, «Qualcomm» — создание сетей связи, «Google», «Apple» — систему мобильной связи и т. д. [3].

В свое время введение Соединенными Штатами санкций против Ирана основывалось на том, что Иран поддерживает терроризм. Военные и экономические санкции, за которыми последовало военное вторжение, вводились против Ирака. Аргумент США состоял в том, что Ирак совершил вторжение в Кувейт и намеренно подрывает мир во всем мире. Против КНДР были введены экономические санкции на том основании, что Северная Корея тайно разрабатывала ядерное оружие. Против Кубы были введены экономические санкции и экономическая блокада по причине того, что политическая система Кубы является недемократической. США также вводили санкции против Сомали, Колумбии, Ливии и т. д.

С тех пор, как Д. Трамп вступил в должность президента США, он ввел экономические санкции против России, Ирана, Турции, Венесуэлы и других стран, наложил ограничения по стали и алюминию на ЕС, Японию, Канаду и других союзников. Совокупная стоимость китайских товаров, на которые были введены американские пошлины, составила в мае 2019 г. 250 млрд дол. США [1].

Экономические санкции преследуют следующие основные цели:

- 1) заставить целевую страну осуществить определенные политические изменения, которые изменят ее политику на международном, региональном и даже национальном уровнях;
- 2) подорвать стабильность правительства целевой страны. Скрытая цель может заключаться в ослаблении государственной власти и развитии оппозиционных сил в стране (например, политика Соединенных Штатов через санкции против Кубы свергнуть Ф. Кастро);

3) обуздать военные конфликты, не допустить расширения участия целевых стран в военных операциях, помешать другим странам участвовать в войне (например, санкции США против Турции в 1974–1978 гг., основанием для которых стала военная интервенция Турции на Кипр);

4) ослабить национальную мощь целевой страны и ограничить ее военное развитие (например, в 1948 г. Соединенные Штаты и их союзники ввели санкции против роста военной мощи Советского Союза, а в 1990-е гг. — экономические санкции против Ирака);

5) вызвать переворот в целевой стране (например, экономические санкции США против Ливии в 1986 г., которые действовали до 2004 г. и были отменены администрацией Дж. Буша-младшего, когда правительство М. Каддафи пошло на уступки странам Запада [6]).

Санкции против «Huawei» в контексте экономических санкций

Введение администрацией Д. Трампа санкций против китайской компании «Huawei» явилось важным и значимым событием не только для мировой экономики, но и для международных отношений, так как в очередной раз инструмент экономического давления был использован для достижения внешнеполитических целей. Позиции КНР и США по поводу причин санкций, наложенных США на компанию «Huawei», значительно различаются.

Аргумент Соединенных Штатов Америки состоит в том, что дочерние компании «Huawei» экспортировали ноутбуки в Иран [7]. Этот довод также послужил причиной санкций США против «ZTE». Так, США инициировали задержание финансового директора «Huawei» Мэн Ваньчжоу в Канаде в международном аэропорту Ванкувера 1 декабря 2018 г., а затем ввели санкции против «Huawei». (Характерно, что во многих китайских СМИ указывалось о задержании Мэн Ваньчжоу властями США без упоминания Канады, тем самым, подчеркивалось, что это элемент американо-китайского, а не канадско-китайского соперничества.) Однако обвинения против «Huawei» были оспорены. Юристы компании решили подать в суд на правительство США в самих Соединенных Штатах. В настоящее время обвинение еще не дошло до суда. Прокурор США неожиданно призвал сменить главного адвоката «Huawei» Дж. Коула, который является опытным и высококвалифицированным юристом [9].

Представители компании называют другую причину санкций. Генеральный директор «Huawei» Жень Чжэнфэй отмечал: ««Huawei» является конкурентом в области 5G в течение двух или трех лет». США так и не опровергли информацию о том, что оборудование «Nokia» и «Ericsson» для 5G не будет поставлено в те-

чение нескольких месяцев, а его производительность не так хороша, как у существующего оборудования «Huawei». Компания уже поставляет оборудование для 5G. Причина, по которой у «Nokia» и «Ericsson» так много заказов для 5G, также связана с санкциями, введенными США в 2018 г. [10].

На Всемирной конференции мобильной связи в 2019 г. представители США провели множество встреч с европейскими политиками и сетевыми операторами, чтобы помешать «Huawei» участвовать в создании европейских сетей 5G. В ответ директор «Huawei» Го Пин опубликовал в «Financial Times» замечание, что «Huawei» не позволит Соединенным Штатам делать то, что они хотят» [3].

Утечка документов Э. Сноудена дает представление о стремлениях руководства Агентства национальной безопасности США (АНБ). Любое электронное сообщение или любой звонок, совершаемый любым человеком в мире каждый день, может стать целью агентства. Документы также показывают, что АНБ поддерживает «корпоративное партнерство» с рядом конкретных американских технологических и телекоммуникационных компаний, что позволяет ему «получать доступ к высокопроизводительным международным волоконно-оптическим кабелям, коммутаторам и/или маршрутизаторам, распределенным по всему миру» [5].

Так, в Стратегии национальной безопасности США, разработанной администрацией Д. Трампа, рассматриваются основные вызовы и риски, которые влияют на американский авторитет в мире. В том числе особо выделяются «ревизионистские державы, такие как Китай и Россия, которые используют технологии, пропаганду и принуждение для формирования мира, несовместимого с нашими интересами и ценностями» [4].

Проблема промышленного шпионажа и трансфера технологий

«Huawei» работает более чем в 170 странах мира причем половина ее доходов поступает из-за рубежа, но головной офис находится в Китае. Это значительно снижает вероятность установления «корпоративного сотрудничества». Если АНБ хочет осуществлять мониторинг путем изменения маршрутизатора или коммутатора, то китайская компания вряд ли будет сотрудничать с ним. Это одна из причин, по которой АНБ атаковало серверы «Huawei». В документах агентства 2010 г. отмечалось: «Многие из наших целей мониторинга связываются через продукты, произведенные «Huawei». Мы хотим убедиться, что мы знаем, как использовать эти продукты» [17].

Очевидно, что чем больше оборудования «Huawei» используется в глобальной телекоммуникационной сети, тем сложнее АНБ

«собрать всю информацию». Иными словами, «Huawei» будет мешать Соединенным Штатам делать все возможное для мониторинга [19].

С другой стороны, США обвиняют «Huawei» в том, что компания занимается промышленным шпионажем. В январе 2019 г. американские власти выдвинули официальные обвинения против китайской «Huawei». Минюст США считал, что компания занималась на территории страны промышленным шпионажем и совершила мошенничество, пытаясь обойти санкции против Ирана. Дело о похищении коммерческой тайны тянется с 2014 г. Речь идет о направлении в 2012 г. «Huawei» своих инженеров в американскую компанию «T-Mobile», чтобы познакомиться с работой робота *Tarry*, который имитирует использование смартфонов. В нарушение соглашения, заявляла «T-Mobile» в своем иске, поданном в 2014 г., сотрудники «Huawei» завладели не только информацией о его характеристиках, но и отдельными элементами, в результате компания смогла использовать украденные части робота для разработки, улучшения и устранения неполадок собственного робота. Сама компания утверждала, что урегулировала этот спор еще в 2017 г.

Соединенные Штаты не опровергли утверждения «Huawei» о том, что они прослушивали разговоры других граждан и вторгались на серверы компании. На самом деле, Соединенные Штаты прослушивали телефонные звонки канцлера Германии А. Меркель и лидеров других государств, но они предпочитают игнорировать подобные обвинения. В этом им препятствовала позиция «Huawei», что также является причиной недовольства Вашингтона [3].

В числе причин санкций эксперты называют и то обстоятельство, что Соединенные Штаты хотят сорвать реализацию плана «Сделано в Китае 2025» [7].

«Сделано в Китае 2025» — это первый 10-летний план действий правительства КНР по реализации стратегии по созданию высокотехнологичной страны. «Сделано в Китае 2025» предлагает придерживаться политики инновационного, ориентированного на качество, экологического развития, структурной оптимизации и ориентации на таланты, рыночного, управляемого государством, основанного на текущей долгосрочной перспективе, общем прогрессе и ключевых прорывах курса. Основной принцип независимого развития и открытого сотрудничества состоит в совершеннии «трех шагов» для достижения стратегической цели по созданию сильной страны на перспективу в 100 лет с промежуточными этапами в 2025 и 2035 гг. [9].

Как ключевой элемент проекта «Сделано в Китае 2025» информационные технологии также являются конкурентным преимуще-

ством КНР, которое способствует разработке технологий, связанных с 5G. Расходы на исследование и разработки 5G от «Huawei» составляют более 10 млрд дол. США в год. Благодаря активным исследованиям и разработкам китайские патенты 5G вышли на первое место в мире, обогнав Соединенные Штаты, что является показателем роста китайской экономики [10].

Влияние торговых конфликтов на «Huawei» в основном сосредоточено на трех аспектах: технических материалах, лицензиях на программное обеспечение и микросхемах [14].

Хорошо известно, что в развитии науки и техники наиболее важным является область технических материалов, потому что новые материалы служат основой развития всей технологии (например, разработка двигателя опирается на множество самых разных технологий). Китаю доступны еще не все технологии, например, те, которые используются при строительстве авианосцев [8].

Значительная часть программного обеспечения, операционные системы и даже код разрабатываются за рубежом, и этот тип информации недоступен в Китае. Следует отметить, что США постоянно пропагандируют ценность интеллектуальной собственности, препятствуя беспрепятственному проникновению программного обеспечения в КНР [8].

Во многих публикациях отмечалась важность микросхем. В целом микросхемы запасных шин «Huawei» могут поддерживаться только в течение определенного периода времени и оказывают большое влияние на общий промышленный дизайн [10].

Механизмы компании «Huawei» для противодействия санкциям

Компания «Huawei» полагается на свои собственные глобальные технологические возможности, чтобы выиграть 25 крупнейших в мире коммерческих контрактов для 5G. Использование превосходства в технологиях для противодействия санкциям — очень перспективный метод контратаки со стороны технологической компании. Несмотря на серьезное давление, которому подвергалась фирма «Huawei», санкции лишь подчеркнули ее технологическое превосходство. В то же время «Huawei» стремится позитивно воспринимать этот кризис не только для его благополучного разрешения, но и для того, чтобы вывести компанию на новый уровень [8].

Руководители «Huawei» сообщили, что «с несколькими телекоммуникационными компаниями США ведутся переговоры о лицензировании технологии 5G» [см.: 11].

В сентябре 2019 г. Жень Чжэнфэй объявил, что для передачи технологий западным компаниям нужно всего лишь внести единовре-

менную плату за постоянное использование существующих патентов, кодов и секретов технологии производства «Huawei» 5G [19].

Руководители «Huawei» заявили: «Несколько компаний заинтересованы в долгосрочных сделках или разовых переводах. Мы ведем переговоры, но диалог ведется всего несколько недель. Он еще не достиг уровня детализации. Завершение работы займет много времени» [14].

Таким образом, «Huawei» активно ведет переговоры с американскими компаниями в качестве технологического лидера.

Однако в мае 2019 г. Соединенные Штаты ввели жесткие санкции в отношении «Huawei». Тогда зачем «Huawei» перечислять американцам миллиарды долларов? Для этого есть несколько причин [16].

Первая причина заключается в снижении напряженности. Соединенные Штаты заблокировали «Huawei» 5G под предлогом защиты национальной информационной безопасности. Передача технологий от «Huawei» дала западным компаниям право изменять код, что уменьшило опасения западных стран относительно рисков информационной безопасности в оборудовании «Huawei».

Вторая причина — возможность избежать потенциальных кризисов, связанных с монополией. Лидирующая позиция технологии «Huawei» 5G — объективный факт. В США нет соответствующих поставщиков. В мире с компанией могут сравниться только европейские технологии «Ericsson» и «Nokia», но они намного дороже, чем «Huawei». Кроме того, другим компаниям понадобится 2–3 года, чтобы достичь уровня технологии «Huawei» 5G. «Google» и другие гиганты были оштрафованы на десятки миллиардов долларов в западных странах за нарушение антимонопольной политики.

Заявление «Huawei» о колоссальных преимуществах технологии 5G для всего человечества и возможностях для Соединенных Штатов Америки создать свою индустрию 5G позволяет избежать потенциального кризиса, связанного с монополией [8].

Последнее долгосрочное решение компании — это подготовка к разработке технологии 6G. «Huawei» начала соответствующие исследования, но результат появится только через 10 лет [14].

Открытость технологии «Huawei» поможет не только создать экосистему 5G вместе с международными компаниями, но и привлечь средства для инвестиций в исследования 6G.

Заключение

Необходимо отметить, что хотя экономические санкции не приводят к прямым жертвам среди гражданского населения, однако их последствия становятся причиной гуманитарной катастрофы (голод, отсутствие медицинской помощи и т. п.). Поэтому разрушительные последствия санкций очень значительны. Руководство Китая и компании «Huawei» осознают это обстоятельство и предпринимают все возможные меры для того, чтобы не допустить негативного влияния санкций на китайскую экономику и международные отношения в целом.

Исходя из проведенного анализа можно сделать следующие выводы.

1. Санкции США против «Huawei» являются структурным элементом обострившегося при Д. Трампе американо-китайского противостояния. Цель этого противостояния — выравнивание торгового баланса, а также ограничение экономического, военного и политического роста КНР.

2. Компания «Huawei» рассматривается властями США как инструмент КНР по развитию технологий, технологическому проникновению (в том числе с целью промышленного и политического шпионажа) в другие регионы, а также ограничению технологического проникновения самих США.

3. Основным инструментом противодействия санкциям США со стороны «Huawei» является обеспечение большей открытости своих технологий, а также демонстрация очевидного экономико-технологического преимущества своей продукции.

Список использованных источников

1. Винокуров, Я. Торговая война Трампа: увеличенные пошлины США вступили в силу / Я. Винокуров [Электронный ресурс] // Громадское телевидение. — 10.05.2019. — Режим доступа: <<https://hromadske.ua/ru/posts/torgovaya-vojna-trampa-uvlichennyye-poshliny-ssha-vstupili-v-silu>>. — Дата доступа: 22.02.2020.
2. Лэйн, Д. Американо-китайские отношения: чем закончится торговая война белой и черной кошек / Д. Лэйн [Электронный ресурс] // Валдай: международный дискуссионный клуб. — 27.06.2019. — Режим доступа: <<https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/amerika-kitai-kot/>>. — Дата доступа: 22.02.2020.
3. Осипов, А. Сумеет ли Huawei выиграть у Samsung / А. Осипов [Электронный ресурс] // Ведомости. — 13.01.2019. — Режим доступа: <<https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2019/01/13/791284-zhen>>. — Дата доступа: 28.10.2019.
4. Президент Дональд Трамп объявляет стратегию национальной безопасности [Электронный ресурс] // Посольство США в Беларуси. — 20.12.2017. — Режим доступа: <<https://by.usembassy.gov/be/%D0%BF%D1%80%D0%B5%D0%B7%D0%B8%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D1%82-%D0%B4%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%B4-%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BC%D0%BF-%D0%BE%D0%B1%D1%8A%D1%8F%D0%B2%D0%BB%D1%8F%D0%B5%D1%82-%D1%81%D1%82/>>. — Дата доступа: 18.10.2019.
5. Справочная: конфликт США и Huawei — хронология и причины [Электронный ресурс] // Хабр. — 23.05.2019. — Режим доступа: <<https://habr.com/ru/post/453084/>>. — Дата доступа: 28.10.2019.

6. США фактически отказались от санкций против Ливии [Электронный ресурс] // РБК. — 24.04.2004. — Режим доступа: <<https://www.rbc.ru/economics/24/04/2004/5703c0e99a7947dde8e07c40>>. — Дата доступа: 22.02.2021.
7. Эксперт: в Huawei подготовились к санкциям США [Электронный ресурс] // ТАСС. — 13.08.2019. — Режим доступа: <<https://tass.ru/ekonomika/6757303>>. — Дата доступа: 28.10.2019.
8. Huawei победил зависимость от США [Электронный ресурс] // Lenta.ru. — 27.09.2019. — Режим доступа: <<https://lenta.ru/news/2019/09/27/huawei/>>. — Дата доступа: 28.10.2019.
9. Huawei admits that US sanctions are hurting [Electronic resource] // Financial Times. — 20.10.2019. — Mode of access: <<https://www.ft.com/content/1567d7c2-f1ed-11e9-bfa4-b25f1f42901>>. — Date of access: 28.10.2019.
10. Jing, M. Huawei has a plan to create a telecoms rival in the US, but Washington won't be buying it / M. Jing [Electronic resource] // South China Morning Post. — 03.10.2019. — Mode of access: <<https://www.scmp.com/tech/article/3031335/huawei-has-plan-create-telecoms-rival-us-washington-wont-be-buying-it>>. — Date of access: 28.10.2019.
11. Lau, L. J. The China—U.S. Trade War and Future Economic Relations / L. J. Lau // China and the World: Ancient and Modern Silk Road. — 2019. — Vol. 2, N 2. — P. 1—32.
12. Lewis, J. A. There Is More to the Trade War than Trade / J. A. Lewis [Electronic resource] // Center for Strategic and International Studies. — 06.04.2018. — Mode of access: <<https://www.csis.org/analysis/there-more-trade-war-trade>>. — Date of access: 28.10.2019.
13. Linch, D. J. Trump, a global loner, finds his China trade war complaints draw a crowd / D. J. Linch // The Washington Post. — 14.12.2018. — Mode of access: <https://www.washingtonpost.com/business/economy/trump-a-global-loner-finds-his-china-trade-war-complaints-draw-a-crowd/2018/12/14/12a66458-ff00-11e8-ad40-cdfde0dd65a_story.html>. — Date of access: 28.10.2019.
14. Marcus, J. What the Huawei battle tells us about U.S. — China relations / J. Marcus [Electronic resource] // BBC. — 25.05.2019. — Mode of access: <<https://www.bbc.com/news/business-48397081>>. — Date of access: 28.10.2019.
15. Qiu, L. D. An analysis of the China — US trade war through the lens of the trade literature / L. D. Qui, Chaoqun Zhan, Xing Wei // Economic and Political Studies. — 2019. — Vol. 7, N 2. — P. 148—168.
16. Reiff, N. Why Huawei Is in the Middle of the U.S. China Trade War / N. Reiff [Electronic resource] // Investopedia. — 09.08.2019. — Mode of access: <<https://www.investopedia.com/why-huawei-is-in-the-middle-of-the-u-s-china-trade-war-4687522>>. — Date of access: 28.10.2019.
17. Soo, Z. Here's what you need to know about US restrictions on Huawei and the 'Entity List' / Z. Soo [Electronic resource] // South China Morning Post. — 20.05.2019. — Mode of access: <<https://www.scmp.com/tech/big-tech/article/3010986/heres-what-you-need-know-about-us-restrictions-huawei-and-entity-list>>. — Date of access: 28.10.2019.
18. Total value of U.S. trade in goods (export and import) with China from 2010 to 2020 (in billion U.S. dollars) [Electronic resource] // statista. — Mode of access: <<https://www.statista.com/statistics/277679/total-value-of-us-trade-in-goods-with-china-since-2006/#:~:text=In%202019%2C%20the%20total%20value,billion%20U.S.%20dollar%20import%20value>>. — Date of access: 22.02.2021.
19. Whalen, J. Huawei digs in for a long battle with the U.S. / J. Whalen [Electronic resource] // The Washington Post. — 23.06.2019. — Mode of access: <<https://www.washingtonpost.com/business/2019/06/23/huawei-digs-long-battle-with-us/>>. — Date of access: 28.10.2019.

Статья поступила в редакцию в ноябре 2019 г., доработана в феврале 2021 г.

КИТАЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПЕРИОД АДМИНИСТРАЦИИ Б. ОБАМЫ (2009—2017 гг.) В КОНТЕКСТЕ КИТАЙСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Янь Бинлянь

В статье рассматриваются китайско-американские экономические и торговые отношения в 2009—2017 гг. во время президентства в США Б. Обамы. Анализируются мнения китайских исследователей по данному вопросу. Несмотря на разразившийся финансовый кризис, Китай и Соединенные Штаты продолжали улучшать экономические и торговые связи и проводить политику взаимовыгодного сотрудничества. По мере роста объема торговли между Китаем и США все чаще слышались призывы американских властей к бойкоту китайских товаров и снижению импорта из КНР. Однако все проблемы в торговых отношениях удавалось разрешить благодаря переговорам и конструктивному диалогу обеих сторон. Поэтому именно в этот период КНР и США, несмотря на непрекращающиеся споры о торговых политиках двух держав, еще больше упрочили свои экономические и торговые связи.

Ключевые слова: китайско-американский диалог; сотрудничество и конкуренция; экономическая стратегия; экономические отношения.

«China-American Economic Relations during the Obama Administration (2009—2017) in the Context of Chinese Researches» (Yan Bingliang)

The article examines the Sino-American economic and trade relations in 2009—2017 during the US presidency of Barack Obama. The article analyses the opinions of Chinese researchers on this issue. Despite the financial crisis that had broken out, China and the United States continued to improve economic and trade ties and continued to pursue the policy of «mutually beneficial cooperation». While the volume of trade between China and the United States was growing, the US authorities increasingly called for boycotts of Chinese goods and reductions of imports from China. But all problems in trade relations were resolved through negotiations and constructive dialogue of both sides. Therefore, during this very period China and the United States, despite the ongoing disputes about the trade policies of the two powers, deepened and strengthened their economic and trade ties.

Keywords: China — U.S. dialogue; cooperation and competition; economic relations; economic strategy.

Введение

Соединенные Штаты Америки являются крупнейшей торговой державой в современном мире, а Китайская Народная Республика год от года активно наращивает позиции в производстве товаров и услуг. Китай, пройдя путь от «сырьевой базы» до лидера в области экспортной торговли, стал серьезным игроком в мировой экономике. Несмотря на последствия как для мировой экономики в целом, так и для экономик обеих стран, мировой кризис 2008 г. еще больше сплотил две сверхдержавы и углубил их политические, экономические и торговые отношения. Безусловно, североамериканский вектор развития торговли и здоровые экономические отношения с США яв-

ляются приоритетом китайской дипломатии, а китайско-американские отношения всегда были в центре экономических исследований известных экономистов и политологов двух стран. В связи с серьезными изменениями в международной обстановке в период преодоления кризиса в китайско-американских отношениях возникли новые вызовы, появились новые проблемы, которые требовали незамедлительного разрешения.

Соединенные Штаты являются важным партнером Китая в экономической, торговой и политической сфере, но также и основной сдерживающей силой КНР на мировой арене. Таким образом, устойчивое развитие китайско-американских отношений также зависит от политических факторов. Изучение китай-

Автор:

Янь Бинлянь — аспирант кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета, *e-mail:* 1063553562@qq.com
Белорусский государственный университет. Адрес: 4, пр. Независимости, Минск, 220030, БЕЛАРУСЬ

Author:

Yan Bingliang — post-graduate student of the Department of International Relations of the Faculty of International Relations, Belarusian State University, *e-mail:* 1063553562@qq.com
Belarusian State University. Address: 4, Nezavisimosti ave., Minsk, 220030, BELARUS

ско-американских экономических и торговых отношений с момента вступления в должность президента Б. Обамы (в 2009 г.) позволит не только проанализировать изменения в китайско-американских экономических и торговых отношениях в посткризисный период и политические цели США, но и понять те процессы, которые приводят к нежелательным трениям в отношениях двух стран. Это имеет большое практическое значение для защиты национальных интересов Китая.

В данной статье рассмотрены китайско-американские экономические отношения в период администрации Б. Обамы с точки зрения китайских исследователей, обобщены характеристики сотрудничества, конкуренции и диалога в китайско-американских экономических отношениях. Цель статьи — анализ мнений китайских авторов относительно динамики и тенденций китайско-американских экономических отношений в период администрации Б. Обамы.

В настоящее время китайские ученые провели всестороннее исследование китайско-американских экономических и торговых отношений с момента инаугурации президента США Б. Обамы. Эти теоретические результаты обеспечивают важную базу данных и теоретическую поддержку для изучения взаимоотношений двух стран.

Исследователи китайско-американских торговых отношений в этот период выделяют три ключевых направления анализа:

1) с точки зрения достижений в экономических и торговых отношениях двух стран: в этом направлении, исходя из принципа «статус-кво» отношений, анализируются взаимовыгодные и взаимодополняющие экономические и торговые отношения между Китаем и Соединенными Штатами в период с 2009 по 2017 г., предлагаются решения основных проблем и рекомендации по упреждению возникновения спорных ситуаций в развитии китайско-американских торговых и экономических отношений. В этом направлении выполнено большое количество исследований: например, работы Сун Липэна [8] и Ю Сяна [18]. Данные авторы предлагают реализовывать улучшение международных отношений поэтапно и следовать традиционным китайским путем, учитывая интересы обоих государств и без вреда экономике друг друга, не «отзеркаливая» протекционистские меры США;

2) с точки зрения торговой политики администрации Б. Обамы: в этом направлении изучаются изменения торговой политики США после финансового кризиса, рассматриваются ее основное содержание и характеристики. Известные в торговых и экономических кругах КНР аналитики полагают, что финансовый кризис и экономический спад 2008 г. сделали торговую политику Соединенных Штатов «более справедливой», хотя Китай и стал ключе-

вой страной-мишенью для протекционистских сдержек и системы торговых противовесов. Торговая политика Б. Обамы по отношению к Китаю, основанная на сдерживании, торговые трения и «совпадение» со стратегией США по восстановлению баланса в Азиатско-Тихоокеанском регионе посредством продвижения региональных соглашений о свободной торговле — не что иное, как комплекс мер для ослабления совокупного положения и веса Китая в международной экономической системе и Азиатско-Тихоокеанском регионе. В этом направлении вели исследования и анализ Фэн Юань и Чжан Цзисин [12]. Помимо этого, следует отметить работу Хао Сяовэй и Чэнь Ся [13];

3) через призму основных проблем китайско-американских торговых трений: исследователи в этой области анализируют проблемы китайско-американских экономических и торговых отношений, прогресс КНР и США в решении торговых проблем, а также рассматривают важность стратегических и экономических диалогов между двумя странами. Следует отметить таких исследователей, как Гао Сян, Лю Даоцзи [3] и Пан Руи [7].

С момента вступления в должность президента США Б. Обама, китайско-американские отношения в целом демонстрировали позитивный и стабильный вектор развития. Китай и США постоянно взаимодействуют между собой на экономическом, культурном и торговом уровнях, сотрудничают в сфере урегулирования экономических и торговых кризисов между государствами и координируют политику в других международных и региональных вопросах. Первый раунд стратегического и экономического диалога в 2009 г. укрепил взаимное политическое доверие: первый визит Б. Обамы в Китай в ноябре 2009 г. еще раз подтвердил намеченные общие рамки сотрудничества и направление развития отношений между двумя странами [5, с. 39].

До наступления полномочий администрации Обамы китайско-американские экономические и торговые отношения уже демонстрировали положительную и стабильную динамику развития. В целом в период 2009—2017 гг. взаимодействие лидеров высокого уровня Китая и Соединенных Штатов было частым, а экономические и торговые связи постоянно укреплялись, особенно в условиях преодоления мирового финансового кризиса. Экономическое значение Китая для Соединенных Штатов также росло, а взаимодополняющее и взаимовыгодное сотрудничество двух стран расширялось [11, с. 15]. Соединенные Штаты поддерживали прочные торговые отношения с Китаем как с крупнейшим торговым партнером. В 2015 г. двусторонняя торговля составила почти 660 млрд дол. США. Однако, несмотря на такие торговые отношения, между Китаем и США существовала зна-

чительная торговая напряженность. Так, возникали споры между США и Китаем по поводу защиты прав интеллектуальной собственности США, кибератаки на американские фирмы, нарушения правил Всемирной торговой организации и манипуляций с валютой [19, с. 11]. Китай и США находятся на разных стадиях развития. У них разные экономические системы. Поэтому некоторый уровень торговых трений вполне естественен. Вопрос заключается в том, как укреплять взаимное доверие, развивать сотрудничество и управлять разногласиями.

В духе равенства, рациональности и движения навстречу друг другу две страны создали ряд механизмов взаимодействия и координации. Китай и США приложили огромные усилия для преодоления всевозможных препятствий и развития экономических и торговых отношений, что стимулировало развитие двусторонних отношений [22].

Взаимовыгодное партнерство

Китайско-американские отношения пережили расцвет в 2009 г. и вступили в 2010 г. с неясными перспективами. 18—21 января 2011 г. председатель Ху Цзиньтао во время успешного государственного визита в Соединенные Штаты вернул китайско-американские отношения в русло сотрудничества в экономической и торговой сферах. 19 января 2011 г. КНР и США подписали Декларацию о сотрудничестве, в которой уточнялось, что Китай и Соединенные Штаты должны работать вместе для установления взаимовыгодного партнерства на основе взаимного уважения, а также «...продолжать развивать двусторонние отношения в условиях динамически изменяющегося мирового рынка» [10, с. 42].

Следует отметить, что объем двусторонней торговли продолжал увеличиваться: с 365,98 млрд дол. США в 2009 г. до 562,45 млрд дол. США в 2013 г. [2, с. 3]. Экспорт США в Китай (включая торговлю товарами и услугами) составил 87,7 млрд дол. США в 2009 г. (5,54 % от общего объема экспорта США) и 165,1 млрд дол. США в 2015 г. (7,3 % от общего объема экспорта США). Китай является третьим по величине экспортным рынком для Соединенных Штатов Америки, и его значение для США неуклонно растет [1, с. 16].

Так, в 2017 г. 57 % выращенной сои, 25 % произведенных самолетов «Boeing», 20 % автомобилей, 17 % хлопка, 14 % микросхем были экспортированы в Китай [15]. Китай является самым быстрорастущим и крупнейшим экспортным рынком США. За последние 10 лет Соединенные Штаты увеличили свой экспорт в другие страны на 55 %, а экспорт в Китай вырос на 468 %. В 2010—2011 гг. совокупный экспорт США в Китай увеличился на 58,1 %, а пятилетний план удвоения экспорта США был

выполнен более чем наполовину. В 2013 г. общий объем экспорта США в Китай достиг 122,02 млрд дол. США, увеличившись на 10,4 % по сравнению с предыдущим годом, и составил 7,7 % от общего объема экспорта США [14, с. 15].

Под влиянием финансового кризиса инвестиции США в Китай в 2009 г. резко сократились. Однако затем объемы двусторонних инвестиций достигли докризисных масштабов и даже немного возросли. На фоне улучшения международных отношений между двумя странами Соединенные Штаты вновь стали одним из крупнейших источников иностранных инвестиций в Китай. Согласно статистике Министерства торговли Китая, с 2011 по 2016 г. среднегодовой темп прироста нефинансовых прямых инвестиций в США составил 61 %. По состоянию на 2016 г., китайские компании направили нефинансовые прямые инвестиции в Соединенные Штаты в размере 4,99 млрд дол. США [4, с. 36]. К концу 2015 г. Соединенные Штаты осуществили в Китае 66 000 инвестиционных проектов с фактическими инвестициями в 77,47 млрд дол. США. Соединенные Штаты являлись шестым по величине источником иностранных инвестиций в Китае.

Китайские инвестиции в США также сохранили хорошую динамику роста. Согласно статистике, по состоянию на конец 2015 г., объем прямых инвестиций китайских компаний в США составил 46,6 млрд дол. Соединенные Штаты являются четвертым по величине инвестиционным партнером КНР [16].

В 2017 г. прямые инвестиции США (акции) в экономику КНР составили 107,6 млрд дол., увеличившись на 10,6 % по сравнению с 2016 г. Главные направления инвестиций США в КНР — это производство, оптовая торговля, финансы и страхование [21, р. 18].

Китай стал крупнейшей страной — кредитором Соединенных Штатов. Взаимные инвестиции в экономику позволяют гарантировать устойчивый рост обеих стран. По состоянию на сентябрь 2012 г., Китай имел долг в размере 1,16 трлн дол. США, что составляло 21,8 % от общего объема инвестиций иностранных инвесторов. Крупные инвестиции Китая в рынок облигаций США сыграли важную роль в снижении долгосрочных процентных ставок и стабилизации доверия инвесторов, а также предоставили Федеральной резервной системе оперативное пространство для дальнейшего смягчения своей политики. Кроме того, объемы инвестиций Китая в экономику Соединенных Штатов выросли в несколько раз. Согласно статистическим данным, прямые инвестиции Китая в Соединенные Штаты утроились за пять лет, достигнув 6,5 млрд дол. США в 2012 г., позволив Соединенным Штатам создать 29 000 рабочих мест. Увеличение занятости и содействие восстановлению экономики

оказали положительное влияние на экономики обеих стран [8, с. 2]. За 2007–2019 гг. абсолютные запасы государственных облигаций США в Китае также продолжали расти. В феврале 2016 г. континентальный Китай закупил государственные облигации США на 25 трлн дол. США, что на 830 млрд дол. больше, чем в феврале 2007 г. (увеличение составило 196 %) [18, с. 41].

Вместе с тем на фоне финансового кризиса американский протекционизм быстро возростал. Это усилило трения между Китаем и Соединенными Штатами в области экономики и торговли. Во-первых, было введено большое количество торговых ограничений против КНР, что ослабило конкурентоспособность китайских экспортных компаний. 11 сентября 2009 г. президент США Б. Обама принял решение ввести заградительные пошлины на импорт китайских шин для легковых автомобилей и небольших грузовиков на сумму 2,2 млрд дол. США. Комиссия по международной торговле рекомендовала президенту ввести пошлину в размере 55 % в первый год, 45 % — во второй и 35 % — в третий. Однако были введены пошлины 35 % в первый год, 30 и 25 % — во второй и третий год соответственно. Китай подверг резкой критике решение США ввести пошлины на импорт покрышек и шин. В заявлении Министерства торговли Китая эти меры были названы протекционистскими и нарушающими правила, установленные Всемирной торговой организацией. В сентябре и октябре 2012 г. Соединенные Штаты последовательно отклонили инвестиции дочерних компаний «*Sany*» в ветроэнергетику США и не позволили компаниям «*Huawei*» и «*ZTE*» зайти на рынок сетевого оборудования в США. Торговый протекционизм США продолжал усиливаться [12, с. 45]. Только в течение первых двух месяцев 2014 г. Соединенные Штаты проводили специальные расследования и ввели санкции в отношении 11 видов китайских товаров, включая шины и резину. В январе 2015 г. Соединенные Штаты вновь предприняли меры по снижению поставок шин, резины и фотоэлектрических изделий из КНР. Цель Соединенных Штатов — «опередить и переиграть» китайскую систему экспорта товаров, чтобы заставить Китай открыть свой рынок в сфере торговли услугами и увеличить экспорт услуг США в Китай [13, с. 116].

Правительство США использовало положения статьи 301 Закона о торговле 1974 г. как повод ограничения импорта высокотехнологичной продукции из КНР. Статья 301 Закона наделяет президента США правом принимать все надлежащие меры для борьбы с политикой или действиями другого государства, которые наносят урон американской торговле или идут вразрез с международными договоренностями [17]. Постоянно растущие объемы торговли между КНР и США, непрерывная оптимиза-

ция структуры производства в КНР, растущий экспорт высокотехнологичной продукции с добавленной стоимостью оказывали большое влияние на смежные отрасли в Соединенных Штатах. Принятая правительством США барьерная политика по сдерживанию товаров и услуг из КНР, а также программа «337 расследований» привели к резкому сокращению товаров из Китая в США и поставок предоставляемых услуг. Например, в первой половине 2017 г. Соединенные Штаты начали 29 торговых расследований из программы «337 расследований», из которых 13 были связаны с Китаем, что составило 44,8 % от всех торговых расследований, увеличившись на 18,2 % по сравнению с аналогичным периодом 2016 г. [3, с. 123]. США продолжили также реализовывать свою стратегию возвращения в Азиатско-Тихоокеанский регион и захвата китайских рынков.

В апреле 2015 г. Б. Обама заявил на пресс-конференции в Белом доме, что Транстихоокеанское партнерство (ТТП) не является «оборонительным» партнерством, т. е. его цель не протекционизм товаров и отраслей США, а взаимовыгодное сотрудничество двух держав и подписанные соглашения ни в коей мере не будут представлять угрозу для Китая и его экономики. Тем не менее, в своем обращении в январе 2016 г. Б. Обама отметил, что главная цель содействия переговорам по ТТП состоит в том, чтобы не дать Китаю возможности устанавливать свои правила игры на мировом рынке. В феврале того же года после официального подписания соглашения по ТТП, Б. Обама заявил, что оно «...позволит именно Соединенным Штатам, а не Китаю занять ключевое место в экономике Азиатско-Тихоокеанского региона и создать свод новых торговых правил XXI века» [20].

Интеграция региональной экономики в Соединенных Штатах создает проблемы для экономического развития Китая. Используя ТТП, США пытаются прочно захватить Азиатско-Тихоокеанский торговый регион — центральный регион будущей мировой экономики, в то время как Китай стремится содействовать экономическому росту Тихоокеанской зоны без установления какой-либо доминирующей силы в регионе.

После присоединения Соединенных Штатов к ТТП их возможности по реализации своих товаров на рынках стран Азиатско-Тихоокеанского региона значительно выросли: дополнительные рынки открыли для продукции из США Япония, Южная Корея, а также десять ведущих торговых партнеров КНР. Заключение же США с этими странами нового соглашения о торговле на своих условиях привело бы к нарушению принципа равенства экономик и свободной торговли в регионе. Между созданием ТТП и возросшими притязаниями США на тихоокеанский рынок прослежива-

ется четкая связь. Кроме того, ТТП позволит «третьим странам» выйти на тихоокеанский экспортный рынок и сместить Китай с лидирующих позиций в регионе, что приведет к снижению экспортного рынка Китая, повысит уровень безработицы в секторе, ориентированном на экспорт промышленности, и окажет негативное влияние на долгосрочное экономическое развитие региона [9, с. 44].

Создание ТТП прежде всего было инициировано для ограничения развивающихся рынков, особенно для сдерживания роста КНР в регионе. В своем желании регулировать экономику региона США, используя механизмы ТТП, собираются нарастить влияние в Азиатско-Тихоокеанском регионе, тем самым ущемив права Китая и оказав негативное влияние на экономику других государств. С точки зрения экономического влияния, поскольку Европейский союз и Соединенные Штаты являются доминирующими игроками в существующей международной экономической системе, создание ТТП призвано ослабить экономическое влияние развивающихся стран, таких как Китай. Страны, имеющие торговые союзы, соглашения или иные экономические альянсы с Соединенными Штатами (например, Япония, Канада, Австралия, Мексика и т. д.), могут перестать сотрудничать с КНР, отдав предпочтение торговым партнерам из США. Индия, Филиппины, Вьетнам и другие члены Ассоциации государств Юго-Восточной Азии также могут ориентировать свои экономики на сотрудничество с западным блоком (США или ЕС) и таким образом ослабить влияние КНР на мировом рынке [6, с. 131].

Переговоры о стратегическом сотрудничестве

Многомерный механизм урегулирования кризисов сыграл важную роль для смягчения разногласий и стабилизации общего направления двусторонних отношений между КНР и США. Многочисленные встречи на самых разных уровнях способствовали изменению ситуации и уходу от эскалации торговых конфликтов между двумя странами, а также стабилизации экономической и политической ситуации в регионе. Лидеры Китая и Соединенных Штатов придают большое значение развитию торговых и дипломатических отношений. В 2009—2017 гг. Ху Цзиньтао и Си Цзиньпин неоднократно встречались с Б. Обамой, что превысило общее количество встреч между китайскими и американскими лидерами с 1979 по 2007 гг. По инициативе лидеров двух стран между Китаем и Соединенными Штатами был создан набор механизмов стратегической координации и смягчения последствий мировых и локальных экономических кризисов. Постоянные экономические и торговые переговоры лидеров и правительств КНР и США являлись

одним из наиболее важных рабочих механизмов для урегулирования торговых конфликтов и прочих споров [18, с. 44].

Первый раунд переговоров состоялся 27—28 июля 2009 г. в Вашингтоне, а 6—7 июня 2016 г. Китай и США провели седьмой и восьмой раунды переговоров. В ходе таких переговоров и диалога между правительствами двух стран было урегулировано множество спорных моментов, а также значительно улучшены торговые отношения. В рамках стратегического и экономического диалога особое внимание уделялось вопросам, представляющим интерес для обеих сторон в их долгосрочном развитии, а также была заложена основа дальнейшего улучшения двусторонних отношений. Лидеры обеих стран имели возможность решать нетолковые вопросы без привлечения посредников и в ускоренном режиме. Еще министр финансов США Г. Полсон отмечал, что «механизм торгового диалога между странами — это не только важная веха в сотрудничестве США и КНР, но и сигнал странам всего мира о том, что Соединенные Штаты и Китай работают над установлением взаимовыгодных равноправных отношений, которые включают снижение экономических и политических рисков» [7, с. 3].

Торговый аспект двусторонних отношений КНР и США всегда являлся объектом жарких споров двух стран, и за короткий период новейшей истории они, хотя и пришли к некоему консенсусу в торговых отношениях, не перестали бороться за лидерство в мировой экономике. Принцип равноправия торговли — важная основа развития торговых отношений. Китайско-американские экономические и торговые отношения являются взаимодополняющими и предоставляют широкие возможности для сотрудничества. В течение многих лет эти отношения продолжали углубляться, объемы двусторонней торговли и инвестиций увеличиваться, а механизмы экономического и торгового диалога на высоком уровне давали плодотворные результаты. Однако, несмотря на неоднократные заявления политических кругов как КНР, так и США о том, что китайско-американские отношения смогли преодолеть все возникшие политические и торговые трудности и что жить в мире гораздо лучше, чем вести торговые войны, которые наносят ущерб экономикам обеих стран, торговые трения все еще являются камнем преткновения, а периодическая эскалация торгового конфликта наносит существенный вред торговым сферам КНР и США. Председатель Китайской Народной Республики Си Цзиньпин неоднократно подчеркивал, что взаимное сотрудничество является единственным правильным выбором для Китая и Соединенных Штатов. КНР надеется, что Соединенные Штаты восстановят свое объективное понимание экономического курса Китая и вернуться к рациональной и праг-

матичной экономической политике в отношении этой страны. Соединенные Штаты и Китай должны проводить постоянный торговый диалог, чтобы найти путь мирного сосуществования между крупнейшей развитой страной и крупнейшей развивающейся страной, достичь необходимых соглашений в торговой и экономической сферах для дальнейшего плодотворного и долгосрочного сотрудничества [1].

Таким образом, за восемь лет президентства Б. Обамы китайско-американские экономические и торговые отношения в целом характеризовались взаимным сотрудничеством и взаимовыгодными результатами. Китайско-американская экономическая и торговая интеграция значительно углубилась, сотрудничество между правительствами принесло плодотворные результаты. Дополнительное развитие двусторонних торгово-экономических отношений было связано с укреплением

стратегического торгово-экономического сотрудничества между Китаем и США и созданием многопланового механизма урегулирования кризисов. Вместе с тем следует отметить наличие проблем в развитии двусторонних экономических и торговых отношений в области расширения торгового дефицита, защиты прав интеллектуальной собственности, антидемпинговых расследований, обменного курса китайского юаня и т. д. На фоне в основном стабильного общего экономического сотрудничества между двумя странами экономическая конкуренция и столкновения интересов Китайской Народной Республики и Соединенных Штатов Америки станут более частыми. Однако обе стороны признают важность установить экономическое стратегическое взаимное доверие, необходимость урегулировать проблемы, избегать взаимных подозрений.

Список использованных источников

1. Ван Йи. Гунтун ба чжун мэй гуаньси баньхуэй цзянькан фа чжань дэ гуй дао = Совместно вернули китайско-американские отношения в русло здорового развития / Ван Йи [Электронный ресурс] // Гжунго вайцзяо бу = Министерство иностранных дел Китая. — 23.12.2019. — Режим доступа: <<https://www.fmprc.gov.cn/web/wjzbzd/t1727156.shtml>>. — Дата доступа: 02.01.2020 (на кит.яз.).
2. Ван Ли. Гун пу чжун мэй цзинь мао синь юань чжан = Обновление движения китайско-американского торгово-экономического сотрудничества / Ван Ли // Чжунго мао бао = Торговля Китая. — 16.04.2013. — С. 3—5 (на кит. яз.).
3. Гао Сян. Жун мэй мао и мао ца дэ цюй ши цзи уи дуй уэ = Тенденция китайско-американских торговых трендов и контрмеры / Гао Сян, Лю Даоцзи // Шаньдун шифань дасюе сюе бао = Шаньдунский педагогический университет (гуманитарные и социальные науки). — 2018. — № 4. — С. 121—130 (на кит. яз.).
4. Гуаньюй чжунмэй гуань си дэ яньцзю бао гао = Отчет об исследовании китайско-американских экономических и торговых отношений [Электронный ресурс] // Чжунго шанву бу = Министерство коммерции Китайской Народной Республики. — 25.05.2017. — Режим доступа: <<http://images.mofcom.gov.cn/us/201705/20170526035246599.pdf>>. — Дата доступа: 13.01.2020 (на кит. яз.).
5. Джин Канронг. Аобама чжи чжэн и лац дэ чжун мэй яньцзю = Китайско-американские отношения в период правления Обамы / Джин Канронг, Лю Шицян // Мэйго яньцзю = Американские исследования. — 2009. — № 4. — С. 39—50 (на кит. яз.).
6. Ниу Вейган. ТТИП тань пань цзинь чэн цюйши цзи чжун го инь су = Процесс переговоров ТТИП, тенденции и китайские факторы / Ниу Вейган, Ван Сюекай // Гоцзи чжаньван = Международные перспективы. — 2015. — № 4. — С. 121—135 (на кит. яз.).
7. Пан Руи. Чжун мэй чжань люе цзин цзи дуй хуа юй чжунмэй гуаньси = Китайско-американский стратегический экономический диалог и китайско-американские международные отношения / Пан Руи // Гоцзи гуань ча = Международное наблюдение — 2007. — № 5. — С. 1—3 (на кит. яз.).
8. Сунь Липэн. Аобама ди эр жэнь ци чжкн мэй цзинь мо цзоу сян = Тенденция китайско-американских экономических и торговых отношений в период второго срока Обамы / Сунь Липэн // Гоу цзи уань кю пань као = Международный исследовательский справочник. — 2013. — № 9. — С. 1—23 (на кит. яз.).
9. Сунь Чжэньхуа. Аобама цзинмо синь чжэн дуй цзинма гуаньси дэ инсян = Новый курс Обамы по экономике и торговле и его влияние на китайско-американские экономические и торговые отношения: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.04 / Сунь Чжэньхуа. — Пекин, 2013. — 53 л. (на кит.яз.)
10. Тао Вэньчжао. Аобама ди и жэнь ци дэ чжун мэйгуань си = Китайско-американские отношения в первый срок президентства Б. Обамы / Тао Вэньчжао // Мэйго яньцзю = Американские исследования. — 2012. — № 2. — С. 26—53 (на кит. яз.).
11. У Синьбо. Тэланпу чжи чжэн юй чжун мэй яньцзю = Правление Трампа и тенденция китайско-американских отношений / У Синьбо // Гоцзи вэньти яньцзю = Международные проблемы исследований. — 2017. — № 2. — С. 15—28 (на кит. яз.).
12. Фэн Юань. Аобама чжэн фо дуй хуа мао и хуэй гу юй изоу сян = Анализ тенденций торговой политики администрации Б. Обамы в Китае / Фэн Юань, Чжан Цзисин // Гоцзи мао и = Международная торговля. — 2013. — № 3. — С. 45—49 (на кит. яз.).
13. Хао Сяовэй. Мэй го цзинь мао синь бьянь хуа цзи чжун го инь дуй уэ люе = Новые изменения в экономической и торговой стратегиях США и стратегии выживания Китая / Хао Сяовэй, Чэнь Ся // Шане яньцзю = Бизнес-исследования. — 2015. — № 458. — С. 114—119 (на кит. яз.).
14. Цю Мяо. Аобама чжи чжэн илай дэ чжун мэй яньцзю = Исследование китайско-американских отношений со времен администрации Обамы: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.04 / Цю Мяо. — Цзинань, 2014. — 62 л. (на кит. яз.)
15. Чжун мэй шуй е мэй чжан пьнь и, шуй е ли бу кай шуй = Никто не пользуется преимуществами Китая и США, и никто не может обойтись без кого-либо [Электронный ресурс] // Соху = Новости. — 25.09.2019. — Режим доступа: <http://www.sohu.com/a/343215221_115479>. — Дата доступа: 13.02.2020 (на кит. яз.).
16. Шанву бу: 2015 нянь чжун мэй мао и э га 558.39 и мэй юань = Министерство торговли: объем торговли между США и Китаем в 2015 г. достиг 558,39 млрд дол. США [Электронный ресурс] // Чжунгожибао = Новости. — 29.01.2016. — Режим доступа: <http://www.chinadaily.com.cn/interface/toutiao/1120789/2016-1-29/cd_23307559.html>. — Дата доступа: 02.01.2020 (на кит. яз.).

17. Экономическое обозрение: расследование в отношении КНР по разделу 301 Закона США о торговле не принесет никаких позитивных результатов [Электронный ресурс] // СИНЬХУА Новости. — 21.08.2017. — Режим доступа: <http://russian.news.cn/2017-08/21/c_136543325.htm>. — Дата доступа: 03.02.2020.
18. Ю Сян. Аобама жэнь нэй чжун мэй цзинь мо гуань си пин лунь = Обзор китайско-американских экономических и торговых отношений во время президентства Обамы / Ю Сян // Сянь дай го цзи гуань си = Современные международные отношения. — 2016. — № 11. — С. 41—47 (на кит. яз.).
19. Elizabeth Freund Larus. U.S. President Obama's China Policy: a Critical Assessment [Electronic resource] // Policy Department, Directorate-General for External Policies. — 02.12.2017. — Mode of access: <<https://reshistorica.journals.umcs.pl/teka/article/viewFile/7852/5610>>. — Date of access: 13.01.2020.
20. Remarks of President Barack Obama — State of the Union Address As Delivered [Electronic resource] // The White House Office of the Press Secretary. — 13.01.2016. — Mode of access: <<https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2016/01/12/remarks-president-barack-obama-%E2%80%93-prepared-delivery-state-union-address>>. — Date of access: 03.02.2020.
21. State of Southeast Asia: 2019 Survey US-China Trade War [Electronic resource] // ASEANFocus. — 07.01.2019. — Mode of access: <https://www.iseas.edu.sg/images/pdf/ASEANFocus%20January%202019_FINAL.pdf>. — Date of access: 02.01.2020.
22. The Facts and China's Position on China-US Trade Friction (Part 1) [Electronic resource] // Seldon news. — 02.10.2018. — Mode of access: <<https://news.myseldon.com/ru/news/index/196074324>>. — Date of access: 02.01.2020.

Статья поступила в редакцию в апреле 2020 г., доработана в марте 2021 г.

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ МОНГОЛИИ (1991—2017 гг.)

Тунлага

В период 1991—2017 гг. регион Северо-Восточной Азии стал центром интересов ведущих игроков международной политики. Формирование внешней политики Монголии в эти годы происходило под воздействием ряда внутренних и внешних факторов. Реализация ее внешней политики оказывала влияние не только на будущее Монголии, но и на геополитическое развитие всего региона.

Ключевые слова: внешняя политика; геополитическое положение; национальная безопасность; «третий сосед»; факторы формирования.

«Factors of the Formation of the Foreign Policy of Mongolia (1991—2017)» (Tonglaga)

In the period of 1991—2017 the region of Northeast Asia has become an expressed center of interests of the leading players in international politics. The formation of Mongolian foreign policy during these years was influenced by several internal and external factors. The implementation of its foreign policy affects not only Mongolia, but also the future geopolitical development of the entire region.

Keywords: factors of formation; foreign policy; geopolitical position; National security; «third neighbour».

Международное положение Монголии стало укрепляться в сложных условиях распада bipolarной системы. Детальное рассмотрение ее внешней политики призвано способствовать выделению особенностей и определению места страны в международном сообществе.

Цель данной статьи — определить факторы формирования внешней политики Монголии в 1991—2017 гг. Предметом исследования являются факторы внешней политики Монголии, оказавшие влияние на ее формирование. Методология исследования базируется на общенаучных методах, в том числе методе анализа документов, которые используются для изучения внешнеполитических доктрин Монголии, и других нормативных правовых документов.

Одним из основных документов является Конституция Монголии (*Монгол Улсын Үндсэн хууль*), которая была принята 13 января 1992 г. Так, в статье 10 Конституции страны указывается: «Монголия проводит мирную внешнюю политику в соответствии с общепринятыми нормами и принципами международного права» [28]. Принятие Конституции ознаменовало исторический переход Монголии от диктатуры к парламентской демократии.

Следующим документом является Концепция национальной безопасности Монголии (*Монгол Улсын үндэсний аюулгүй байдлын үзэл баримтлал*), принятая 17 июля 1994 г. [см.: 27] (обновлена в феврале 2010 г.) [29].

Согласно этому документу, национальная безопасность страны предусматривает гарантии внешних и внутренних условий для обеспечения жизненно важных национальных интересов.

Важным источником, в котором отражены принципы и направления внешней политики Монголии, является Концепция внешней политики Монголии (*Монгол Улсын гадаад бодлогын үзэл баримтлал*), принятая 30 июля 1994 г. [см.: 27] и обновленная 10 февраля 2011 г. Основной задачей внешней политики Монголии является развитие дружественных отношений с Россией и Китаем, а также определение политики «третьего соседа» (*Гуравдагч хөри*). В концепции это предусматривает развитие отношений с Соединенными Штатами Америки, странами — членами Европейского союза, Японией, Южной Кореей, Турцией, Индией. Не исключается также возможность диверсификации за счет международных организаций [26]. Будучи не самостоятельной в своей внешней политике на протяжении долгого времени и оказавшись предоставленной самой себе в конце XX в., Монголия была вынуждена искать новые векторы своей внешней политики, которые нашли отражение в перечисленных документах.

В конце XX — начале XXI в. внешняя политика Монголии рассматривалась с разных точек зрения. Монгольские ученые Ж. Баясах

Автор:

Тунлага — аспирант кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета, e-mail: tunlaga@yandex.by
Белорусский государственный университет. Адрес: 4, пр. Независимости, Минск, 220030, БЕЛАРУСЬ

Author:

Tonlaga — post-graduate student of the Department of International Relations of the Faculty of International Relations, Belarusian State University, e-mail: tunlaga@yandex.by
Belarusian State University. Address: 4, Nezavisimosti ave., Minsk, 220030, BELARUS

[9], Б. Дэлгэрма [15], К. Дэмбэрэл [16], Ж. Лувсанжав [20], Ц. Лхам [23] и Л. Удвал [27] в своих работах исследовали политику Монголии в отношении Китая, России, США, Южной Кореи, Японии и ЕС. Под редакцией известного монгольского историка и дипломата, заместителя директора департамента МИД Монголии Г. Тумурчулууна был опубликован «Сборник исторических документов монголо-российских отношений 1992—2014 гг.» [25].

Российская историография достигла значительных результатов в изучении внешней политики Монголии и монголо-российских отношений. Так, исследователь И. Г. Аюшиева анализировала становление теоретической базы современной внешней политики Монголии, включая Концепцию национальной безопасности и Концепцию внешней политики страны, а также проблему «третьего соседа» [2]. Историк Д. К. Бабаян оценивал монгольский вектор как один из важнейших векторов китайской геополитики, затрагивающих целый ряд исторических, политических, психологических аспектов [3].

Российский исследователь В. Б. Базаров проанализировал и изучил внешнюю политику Монголии с учетом политических, экономических и культурных факторов, выдвинув ряд новых идей [4—8]. Исследователем В. В. Грайворонским рассмотрены структура и основное содержание Концепции внешней политики Монголии и проанализированы некоторые аспекты внешней политики поддержания баланса в отношениях Монголии с Россией, Китаем и др. [13]. А. О. Курбетьева в своей работе раскрыла генезис внешней политики Монголии в период с 1991 по 2014 г. и определила особенности и этапы формирования китайско-монгольских и российско-монгольских отношений [18]. В. А. Родионов и И. Г. Аюшиева отметили, что главными партнерами Монголии вне своего региона являются страны Запада и их союзники, активно конкурирующие за влияние в регионе с Россией и Китаем [34].

Проблема исследования современных факторов формирования внешней политики Монголии привлекала и китайских ученых. Так, Ван Чэнцзюань [12], Ли Дацзюнь [19], Лу Цзюньюань [22], На Линь [32], О Чима [33], Сун На [39] и Чжан Лицзюнь [43] анализировали факторы, влияющие на внешнюю политику Монголии.

В белорусской исторической науке в силу геополитических реалий исследования внешней политики Монголии отсутствуют.

Как известно, внешняя политика предусматривает правила поведения, специально разработанные дипломатическими органами для осуществления их дипломатической стратегии в определенный исторический период. Монголия не является исключением, поэтому акцентирует внимание на единстве и преемственно-

сти внешней политики. Рассмотрим факторы, повлиявшие на развитие внешней политики Монголии в период с 1991 по 2017 г.

Внешняя политика любого государства формируется и осуществляется под воздействием как объективных, так и субъективных факторов.

Внутренние факторы

Внешняя и внутренняя политика неразрывно связаны. Влияние внутренних факторов на внешнюю политику государства характеризуется взаимодействием в политической, экономической и религиозной сферах.

1. Политический аспект: национальная независимость

С тех пор, как Монголия обрела независимость в 1921 г., вопрос о том, как закрепить с трудом завоеванный статус национальной независимости, был главным приоритетом внешней политики страны. После Второй мировой войны независимость государства постепенно была признана международным сообществом, но страна все еще находилась под советским контролем. Только после радикальных изменений в Восточной Европе и распада Советского Союза Монголия действительно встала на путь независимого развития.

Впоследствии, исходя из исторических уроков выбора «односторонней» внешней политики, которая привела к контролю Советским Союзом страны в течение 70 лет, Монголия пересмотрела подход к международным отношениям. В частности, в Концепции внешней политики, утверждается, что государство проводит открытую и внекоалиционную политику, а «установление дружественных связей с Россией и Китаем является основой взаимоотношений Монголии с другими государствами» [26].

В 1990 г. председатель президиума хурала монгольского народа П. Очирбат впервые посетил Китай [10, с. 51]. В новый исторический период Монголия не только отказалась от политики придания значения обменам только с Советским Союзом и социалистическими странами Восточной Европы, но и начала уделять внимание развитию дружественных отношений и сотрудничества с Соединенными Штатами Америки, Японией, Германией, странами Азиатско-Тихоокеанского региона, развивающимися странами и международными организациями.

Принятая в 2011 г. новая Концепция внешней политики в основном сохранила исходную позицию, дополнив ее в соответствии с новой ситуацией. В Концепции расширилось понятие «политика неприсоединения» до «миролюбивой, открытой, независимой и многовекторной». Очевидно, что первоочередной задачей

внешней политики страны является развитие дружественных отношений с Россией и Китаем, а также формальное включение в Концепцию опоры на «третьего соседа» [26].

Считается, что возникновение понятия «третьего соседа» («третьей соседней страны») связано с традиционной культурой кочевников: в степи монголы используют три камня в качестве опоры, чтобы развести огонь для приготовления пищи. Поэтому Монголия считает, что необходимо опираться на «третью сторону», чтобы поддерживать баланс внешней политики и обеспечить безопасность страны.

Таким образом, политика Монголии основана на балансе отношений между Китаем и Россией, а также на использовании многосторонней дипломатии.

2. Экономические факторы

Экономические факторы являются важной опорой как внешней политики страны, так и стратегии национальной безопасности.

В 1991 г. по причине распада Советского Союза, основного экономического партнера Монголии, перестал существовать Совет Экономической Взаимопомощи, членом которого являлась страна [36]. В этих условиях Монголия оказалась перед необходимостью самостоятельно решать свои проблемы.

После окончания «холодной войны» Китай предпринял важные шаги по нормализации отношений с Монголией, декларируя свое уважение к суверенитету данной страны и ее независимости, особенно в экономической сфере. Так, китайские компании, зарегистрированные в Монголии, получали кредиты от Китая, а общий объем импортной и экспортной торговли между двумя странами имел большое значение.

По данным Статистического управления Монголии, в 1991 г. экспорт Монголии в Китай составил 25,8 млн дол. США, а импорт из Китая — 12,7 млн дол. США [10, с. 43]. В 2017 г. общий объем торговли Монголии с Китаем составил 6,735 млрд дол. США, что на 35,8 % больше, чем за аналогичный период предыдущего года, на него приходилось 64,1 % общего объема внешней торговли Монголии за тот же период. В это время общий объем экспортной торговли с Китаем составил 5,307 млрд дол. США, что на 36 % больше, чем в предыдущем году; общий объем импортной торговли составил 1,428 млрд дол., что на 34,6 % больше, чем за тот же период предыдущего года [47].

В период с 1991 по 2017 г. кредитная помощь Китая составила 1 млн юаней. С 1999 г. Китай стал крупнейшим торговым партнером Монголии и главным источником иностранных инвестиций. В то же время все больше китайских компаний стали инвестировать в Монголию: на 2014 г. здесь действовали 840 совместных предприятий в текстильной, сервисной, торго-

вой, минерально-сырьевой и других отраслях народного хозяйства [10, с. 346]. Количество граждан Монголии, путешествующих, обучающихся и ведущих бизнес в Китае, постоянно возрастало, что способствовало деловым и культурным обменам.

Основную роль во внешнеэкономических связях двух стран все еще играет внешнеторговый обмен. Импорт товаров из Китая имеет большое значение для Монголии, а монгольский экспорт находится практически в полной зависимости от Китая.

Согласно заявлению Центрального банка Монголии, в 2017 г. экономика Монголии выросла на 5,1 %, экспорт впервые достиг 6 млрд дол. США, а положительное сальдо внешней торговли — 1,9 млрд дол. США. При этом иностранные инвестиции достигли 1,2 млрд дол. США [46]. В 1991 г. экспорт Монголии в Россию составлял 299,8 млн дол. США, а импорт из России — 177 млн [1, с. 3]. По данным Федеральной таможенной службы Российской Федерации, в 2017 г. товарооборот России с Монголией составил 1,309 млрд дол. США [24]. Экспорт России в 2017 г. составил 1,276 млрд дол. США, импорт — 34,4 млрд [40]. Таким образом, экономическое влияние России в Монголии постепенно сокращается.

По данным Статистического управления Монголии, в 2017 г. общий объем торговли между Монголией и 163 странами и регионами мира составил 10,5 млрд дол. США, увеличившись по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года на 27,3 %. Общая стоимость экспорта составила 6,2 млрд дол. США, увеличившись по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года на 26,1 %; общая стоимость импорта — 4,3 млрд дол. США (увеличение на 29,1 %); положительное сальдо торгового баланса — 1,9 млрд дол. США (увеличение на 19,7 %) [47].

Мировое сообщество в лице Международного валютного фонда, Всемирного банка и других международных финансовых организаций оказывало значительную финансовую поддержку монгольским реформам. При активном участии этих организаций с 1991 по 2014 г. было проведено десять совещаний стран-доноров. За этот период донорская помощь составила 2,4 млн дол. США (52 % — безвозмездная помощь, 48 % — льготные кредиты), в том числе были реализованы проекты на сумму 1,1 млн дол. (за счет льготных кредитов), из которых 26 % было направлено на развитие транспорта, 10 % — в энергетическую отрасль, около 7 % — на реструктуризацию экономики [10, с. 75].

Таким образом, Монголия в основном защищает свою экономическую безопасность следующими методами: попытки сделать внутренние и иностранные инвестиции ключевым фактором обеспечения экономического роста страны, широко ознакомить инвесторов

с проектами и мерами, направленными на развитие приоритетных секторов, увеличить экспортный потенциал.

Монголия является аграрно-индустриальной страной. Животноводство — традиционная отрасль промышленности. Объем производства сельскохозяйственной продукции составляет 20 % ВВП страны, из них на животноводство приходится 80 % [25, с. 171]. В то же время Монголия обладает богатыми природными ресурсами, в том числе месторождениями цветных металлов, золота, серебра, урана, угля и флюорита, но ее промышленная база слаба, а экономика зависит в основном только от экспорта ресурсов. Вместе с тем, стоит отметить, что горнодобывающая промышленность стала важной опорой экономики Монголии. В 2011 г. доля горнодобывающей промышленности страны составляла около 22 % от общего ВВП, 74 % от общего объема отраслей производства и 90 % от стоимости экспорта. В период с 1991 по 2017 г. 72,5 % общего объема иностранных инвестиций в Монголии также приходилось на горнодобывающий сектор.

Тем не менее, экономика Монголии из-за влияния мирового финансово-экономического кризиса подвержена значительным колебаниям. В 2011 г. Монголия заключила торговые сделки со более чем со 160 странами и регионами мира. Основными торговыми партнерами являлись Китай, Россия, Япония, Германия, Южная Корея и США. В 2017 г. Китай занял первое место в международной торговле с Монголией (6,735 млрд дол. США), Россия — второе (2,585 млрд дол. США) [47].

В статье 3.2.2 Концепции национальной безопасности отмечается: «Сбалансированная инвестиционная политика — реализация соответствующих политик для ограничения инвестиций в определенную страну, не превышающих $\frac{1}{3}$ от общего объема иностранных инвестиций в Монголии; осуществление соответствующей политики по ограничению инвестиций иностранных государственных предприятий и поддержанию сбалансированного уровня капитала, вложенного соседними и другими странами в стратегические отрасли» [29]. Таким образом, правительство Монголии должно поддерживать сбалансированную экономическую и торговую политику в интересах национальной и экономической безопасности. В документе выделен раздел экономической безопасности: «Экономическая безопасность представляет собой краеугольный камень независимости и суверенитета страны». Одним из внешних факторов, которые могут неблагоприятно воздействовать на обеспечение экономической безопасности, является «превращение Монголии в сырьевой придаток».

Факторы, связанные с экономической безопасностью и развитием, также полностью отражены в Концепции внешней политики страны. В статье 21.10 указывается: «Стремиться со-

действовать защите интересов развивающихся стран, не имеющих выхода к морю, в рамках Организации Объединенных Наций и других международных организаций и изыскивать возможности для использования морских ресурсов» [26]. Поскольку государство находится в окружении Китая и России и не имеет выхода к морю, это очень неблагоприятно для внешней торговли и экономического развития страны. Поэтому оно должно найти надежных экономических партнеров и полагаться на доступ к морю для содействия торговле и экономическому развитию.

Как видно из приведенных выше экономических данных, с 1991 г. экономический разрыв между Монголией, Китаем и Россией был невелик, но к 2017 г. из-за зависимости Монголии от китайской экономики Китай в значительной мере обеспечивал внешнюю торговлю соседней страны. В то же время Россия не доминировала во внешней торговле Монголии, занимая второе место в общем объеме торговли. Двусторонняя торговля не была сбалансирована экономическая экспансия Китая в Монголию представляла прямую угрозу национальной безопасности страны. Поэтому сотрудничество с другими, особенно с развитыми странами, участие в международных организациях должно было обеспечивать баланс в отношениях с Россией и Китаем.

Доля китайско-монгольской торговли в общем товарообороте страны увеличивается с каждым годом: в 1991 г. этот показатель составлял менее 20 %, а в 2017 г. превысил 50 %. Характерной чертой китайско-монгольской и российско-монгольской торговли является отрицательное торговое сальдо.

Монголия является типичной экономикой, экспортирующей ресурсы, а ее экономическое развитие чрезвычайно уязвимо перед внешними факторами. Полностью избавиться от зависимости во внешней экономике по-прежнему сложно.

Таким образом, слабая развитость монгольской экономики, ограниченные объемы производства продукции, узкий внутренний рынок и неразвитая инфраструктура вынуждают Монголию в значительной степени полагаться на Китай и Россию.

3. Религиозный фактор

Доминирующей религией в Монголии является тибетский буддизм, оказывающий большое влияние на национальную идентичность и социальную жизнь страны.

Конституция Монголии заложила правовую основу религиозной политики в новую эпоху. В пункте 15 статьи 16 Конституции отмечается, что граждане страны «имеют право как на свободную веру, так и на отказ от религиозных верований» [28]. Кроме того, в главе «Культурная безопасность» Концепции

национальной безопасности подчеркивается, что государство поддерживает восстановление и развитие традиционной буддийской культуры, просвещать общество, укреплять национальное единство, сокращать бедность, стремиться помогать людям, пострадавшим от бедствий, и защищать окружающую среду. Государство также должно поддерживать изучение наследия буддийской культуры, которая несет в себе духовное наследие монгольского народа на протяжении сотен лет [29]. Это является важным проявлением конституционного принципа: «государство уважает религию, а религия поддерживает страну».

С 1994 г., когда в Монголии было всего 24 религиозные организации, их количество неуклонно возрастало. К 2010 г. количество религиозных организаций, зарегистрированных в Министерстве юстиции и внутренних дел Монголии, достигло 514. Среди них традиционные религиозные институты (включая тибетский буддизм, ислам и шаманизм) составляли 60,2 %, а нетрадиционные (христианские секты и др.) — 39,8 %, что отражает доминирующее положение буддизма [42].

Китай в настоящее время является основным торговым и инвестиционным партнером Монголии, активно участвует в совместных исследовательских и образовательных проектах. Между двумя странами отсутствуют официальные противоречия и какие-либо территориальные претензии, что неоднократно подтверждалось сторонами.

Однако за позитивными отношениями скрываются некоторые проблемы религиозного характера, которые вносят негативный оттенок во взаимодействие Улан-Батора и Пекина.

Буддийский фактор всегда активно использовался в международной политике Улан-Батора. С началом демократических реформ в Монголии в 1990-х гг. значение религии существенно возросло, а визиты Далай-ламы XIV получили регулярный характер. Всего за период с 1979 по 2016 г. он девять раз посетил в Монголию, из них семь визитов пришлось на постсоциалистический период [35, с. 153].

Визиты Далай-ламы XIV в Монголию, как и в другие страны, многими рассматриваются в качестве так называемого теста на приверженность демократическим ценностям. Политическая элита государства видит в демократическом имидже важный ресурс экономического и политического развития страны.

Со своей стороны, КНР не может не обращать внимания на связи Далай-ламы XIV с Монголией. Международные визиты Далай-ламы обретают политическую окраску. Соответственно, любое посещение тибетским иерархом какой-либо страны, с которой у Пекина есть официальные отношения, воспринимается китайским руководством как недружественный акт. В силу этого все визиты Далай-ламы в Монголию вызывают протесты

со стороны китайских властей. В частности, в настоящее время китайские власти полностью контролируют институт Панчен-ламы. Согласно правительственному постановлению 2007 г., любое «признание перерожденцем» должно быть подтверждено властями КНР [11, с. 61].

Любая страна, имеющая официальные отношения с китайским правительством, принимая Далай-ламу, попадает под определенные санкции правительства Китая.

Так, во время визита верховного буддийского иерарха в Монголию в 2002 г. китайская сторона на несколько дней перекрыла железнодорожное сообщение, стремясь тем самым создать для монгольской стороны значительные экономические трудности [44]. После визита буддийского высшего иерарха в ноябре 2008 г. Китай поднял тарифы на монгольские перевозки, следующие транзитом через страну. Для двусторонних отношений фигура Далай-ламы XIV всегда был комплексной проблемой.

19 декабря 2008 г. президент Монголии Н. Энхбаяр заявил, что проблема Тибета является внутренним делом Китая, правительство никогда не признавало Далай-ламу XIV как главу государства [10, с. 262]. Однако, поскольку экономика Монголии зависит от экономики Китая, экономические санкции являются тяжелой расплатой для страны за визиты иерарха.

Китай всегда обвинял Далай-ламу XIV в попытке добиться независимости Тибета. В 2016 г. Министерство иностранных дел Китая заявило, что иерарх является не просто религиозным деятелем, но политическим изгнанником, который занимается антикитайской сепаратистской деятельностью [30].

Однако Монголия по-прежнему подчеркивает, что визиты Далай-ламы XIV не имеют ничего общего с политикой и являются чисто религиозным актом [14]. Вместе с тем во время его последнего посещения Улан-Батора монгольская сторона ясно дала понять, что она больше не будет принимать Далай-ламу [41]. Это стало результатом угрозы экономических санкций в отношении государства.

Последовавшие за последним визитом Далай-ламы XIV в Монголию события заставили по-иному осмыслить данную проблему двусторонних отношений. Это, безусловно, стало свидетельством наметившихся изменений по вопросам о религиозном факторе [11, с. 65]. Экономическое влияние соседней стране может не приниматься во внимание монгольской стороной.

Таким образом, несмотря на то, что для Монголии важны глубокие религиозные и историко-культурные связи с Тибетом, являющиеся основой современных отношений страны и Далай-ламы XIV, руководство КНР считает, что его визиты несут угрозу

китайским интересам безопасности. Для Китая важно иметь контроль над буддийскими институтами, обладающими духовным авторитетом как среди жителей Тибета, так и в соседних странах. Для современной внешней политики Монголии религиозный фактор играет второстепенную роль, значительно важнее экономическое сотрудничество с Китаем.

Внешние факторы

По мнению исследователя И. Г. Аюшиевой, «современный мир, как никогда ранее, взаимосвязан и взаимозависим, внешняя среда оказывает значительное влияние на любой субъект международных отношений... к таковым, без сомнения, можно отнести Монголию» [2, с. 71].

После окончания «холодной войны» международные отношения и геополитическая обстановка в Монголии претерпели фундаментальные изменения. После разрушения биполярной структуры мир продемонстрировал тенденцию развития многополярности международной структуры и экономической глобализации. Понятия «мир» и «развитие» стали главными темами современности.

Для Монголии, расположенной на Евразийском континенте и не имеющей выхода к морю, изменения в международных отношениях и геополитической среде являются важными факторами в определении и регулировании ее внешней политики.

Исходя из новых международных отношений и геополитических реалий, Монголия рассматривает охрану государственных интересов как основную стратегическую цель своей политики.

Внешние факторы, оказывающие влияние на развитие и изменение международных отношений, внешнюю политику страны, охарактеризованы в Концепции национальной безопасности и Концепции внешней политики Монголии.

1. Изменения в международных отношениях после «холодной войны»

После распада Советского Союза биполярная картина мира прекратила свое существование. Тенденции многополярного развития изменили внешнюю модель развития Монголии как члена Восточного блока.

Современный мир стремится поддерживать относительный порядок и стабильность, но в то же время он полон различных угроз и вызовов, имеющих отношение к государственной безопасности.

Поддержание мировой и региональной стабильности, содействие международному сотрудничеству и развитию стали общими задачами, стоящими перед всеми странами мира.

Это как раз и обеспечивает международный фон для мирной, открытой и многовекторной внешней политики.

Тенденция к многополярности мировой структуры. Модель мира, или так называемая международная политическая модель, — это структура, образованная взаимосвязью и взаимодействием основных политических сил на международной арене в определенный исторический период. Исходя из соотношения сил крупных держав обычно ее разделяют на униполярную, биполярную и мультиполярную.

Изменения в международных отношениях, вызванные многополярностью мировой структуры, оказали большое влияние на дипломатическую стратегию Монголии.

В статье 2 Концепции внешней политики (2011 г.) отмечается: «Целью политики государства является обеспечение независимости и целостности страны путем развития дружественных отношений со странами мира, укрепление экономических отношений и сотрудничества в других сферах» [26].

Небольшая страна, такая как Монголия, не может находиться вне рамок международной безопасности. Поэтому ее концепция направлена на обеспечение путем использования многовекторной дипломатии эффективных способов защиты интересов национальной безопасности страны и уже стала принципом различных политических сил.

Хотя Соединенные Штаты Америки по-прежнему стремятся сохранить свое мировое господство, сегодня они постепенно теряют свои международный авторитет и влияние. В то же время развивающиеся страны начинают принимать непосредственное участие в управлении мировой экономикой в качестве членов «большой двадцатки».

Страны БРИКС в составе Бразилии, России, Индии, Китая и Южной Африки, являющиеся представителями развивающихся стран, стали важными международными игроками (суммарная площадь их составляет 26,46 % территорий мира, а население — 42,58 % от общей численности населения). В 2017 г. их ВВП составлял около 22,53 % от общемирового, а вклад в мировой экономический рост за последние 10 лет превысил 50 % [38, с. 17]. Экономика Китая в XXI в. получила быстрое развитие и стала второй по величине экономикой мира, общая национальная мощь государства, а также его влияние в региональных и международных делах продолжает расти. Россия также продолжает поддерживать статус и мощь мировой политической и военной державы.

Многополярность мировой структуры привела к формированию множества центров силы в современной международной системе. В то же время она уменьшает идеологическую конфронтацию и ломает четко определенные

границы между «врагом» и «другом». В этих условиях в Монголии государственные интересы начинают создавать важную основу внешней политики.

Глобализация мировой экономики. В статье 1.2.6. Концепции внешней политики отмечается: «С учетом факторов глобализации, с одной стороны, увеличивается зависимость нации от других стран, а с другой — открывается возможность использовать внешние факторы для защиты и консолидации национальных интересов» [26].

На волне глобализации мировой экономики в XXI в. также находят отражение глубокие изменения в современной системе международных отношений. После окончания «холодной войны» изоляция двух мировых экономических систем, возглавляемых Соединенными Штатами Америки и Советским Союзом, завершилась и начала формироваться единая система.

На базе принципов рыночной экономики развитие свободного потока товаров, капитала, услуг и рабочей силы стало основой реальной экономической глобализации, вышло за пределы национальных и региональных границ и постепенно сформировало единую финансовую цепь глобального масштаба (производств и ценностей), заставив страны и регионы мира сформировать тесную взаимозависимость.

Такие экономически взаимозависимые отношения не только способствуют открытости и сотрудничеству различных государств, но и тесно связывают их интересы.

В условиях глобализации ни одно государство не может оставаться в стороне и быть изолированным от данной системы. Она настоятельно вынуждает страны трансформировать экономические системы и интегрироваться в процесс экономической глобализации посредством открытости и сотрудничества.

Развитым странам экономическая глобализация открыла широкий рынок для экспорта товаров и транснациональных инвестиций. Для огромного числа развивающихся стран это принесло финансовую выгоду, технологии и передовой опыт и стало важным ресурсом и движущей силой устранения застоя в экономике и содействия национальному развитию.

Экономическая глобализация оказывает сильное влияние и на внешнюю политику Монголии, которая изначально принадлежала к социалистическому экономическому режиму и осуществляла плановую экономическую деятельность. Под влиянием экономической глобализации она в качестве важной задачи внешней политики определила для себя содействие трансформации национальной экономической системы, широкое привлечение иностранных инвестиций, активное участие в процессе экономической глобализации и развития национальной экономики.

В 2001 г. министр иностранных дел страны Л. Эрдэнэчулуун отметил, что «для достижения национального экономического развития на волне глобализации Монголия должна активно участвовать в делах интеграции» [43, с. 50].

В преамбуле к Концепции внешней политики отмечается: «С наступлением XXI в. глобализация усиливается, наука и информационные технологии быстро развиваются, политическая и экономическая интеграция расширяется, а взаимозависимость углубляется. Со второй половины прошлого века международные отношения претерпели огромные изменения» [26]. Таким образом, Монголия планирует активно внедряться в международные и региональные экономические интеграции.

2. Геополитическое положение Монголии

Какой вид внешней политики выберет страна, зависит не только от субъективного отношения ее правительства, но также от ее национальной мощи, геополитики и других условий. При этом геополитика страны является основным фактором.

Несмотря на то, что Монголия — это относительно небольшая страна, ее географическое расположение, как связующее звено между Европой и Азией, определяет ее важное стратегическое положение.

В свое время Советский Союз рассматривал Монголию как военную буферную зону для предотвращения вторжения Японии, что предопределяло также поддержку независимости Внешней Монголии. Затем геостратегическое положение государства между Россией и Китаем определило его особое значение и роль в евразийской геополитике.

После распада Советского Союза Россия, Китай, Соединенные Штаты Америки и Япония начали активно развивать отношения с Монголией. Внимание многочисленных стран стало важным элементом ее геополитики.

Россия и Китай, развивая добрососедские и взаимовыгодные отношения с Монголией, в основном исходят из политических, экономических, культурных и интересов безопасности, но в то же время стремятся не допустить превращения страны в государство, которое может нанести ущерб и угрожать интересам их национальной безопасности.

США рассматривают Монголию как сдерживающий геостратегический противовес России и Китаю, поддерживая свой авторитет на Евразийском континенте путем укрепления американо-монгольских отношений.

Япония, Южная Корея, страны Европейского союза и другие государства и региональные группы воспользовались возможностью социальных преобразований в Монголии в целях укрепления сотрудничества и связей с ней и расширения своего влияния на страну.

Сочетание сильного внешнего влияния и интенсивного внутреннего развития государства сформировало единую систему сил, которая изменила его геополитическую структуру.

В статье 14.1 Концепции национальной безопасности 2010 г. определяется, что дружественные отношения с Россией и Китаем будут приоритетом внешней политики страны. Монголия неоднократно заявляла, что в центре ее многовекторной внешней политики находятся Российская Федерация и Китайская Народная Республика [29]. В то же время, развивая сбалансированную дипломатию с Россией и Китаем в целях максимизации своих собственных интересов, Монголия не примирилась с ограничениями сильных соседей, перехватив геополитическую инициативу.

Так, статья 14.3 Концепции национальной безопасности предусматривает развитие дружественных отношений и сотрудничества с другими азиатскими странами, участие в многостороннем сотрудничестве в Азиатско-Тихоокеанском регионе, укрепление стратегической стабильности в Восточной, Северо-Восточной и Центральной Азии, а также расширение политики сотрудничества в области безопасности. Статья 14.4 ставит задачу продолжать активно сотрудничать с ООН, ее специализированными учреждениями и международными финансовыми, торговыми и экономическими организациями и поддерживать укрепление роли организации в управлении мировыми процессами [29].

Таким образом, Монголия активно внедряет политику «третьего соседа», привлекая помощь и поддержку крупных государств за пределами региона для расширения своего собственного пространства и стратегического маневра, полного изменения прежней замкнутой и изолированной дипломатии.

Географическая особенность Монголии — отсутствие доступа к морю — влечет определенную трудность: ближайший выход к морю — китайский порт Тяньцзинь находится на расстоянии 1600 км. Ряд ученых также обсуждали это особое геополитическое положение страны. По мнению китайского автора Лу Цзюньюаня, Монголия в условиях отсутствия выхода к морю вынуждена полагаться на соседние страны во внешнем товарообороте, т. е. на тесные отношения с Китаем и Россией. При этом существование на пересечении интересов двух крупных государств создает угрозу национальной безопасности Монголии [22, с. 33].

По мнению китайского исследователя Сун На, особый геополитический статус Монголии, расположенной между Китаем и Россией, способствует ее многовекторной ориентации и дипломатическим целям по поддержанию национальной безопасности и государственных интересов [39, с. 34].

Китайский исследователь Чжан Лицзюнь отметил, что Монголия, окруженная двумя сверхдержавами — Китаем и Россией, имеет во внешнеполитической стратегии основную постоянную цель — обеспечение безопасности существования [43, с. 51].

Таким образом, как подчеркивают исследователи, геополитический фактор определяет необходимость Монголии переориентироваться от односторонней просоветской направленности к разносторонней внешней политике, рассматривая США и Европу как уравновешивающих игроков на поле многовекторной дипломатии.

Вместе с тем географическое расположение и природные богатства страны остаются основными геополитическими факторами.

Следует выделить два основных способа преодолеть негативное влияние геополитических факторов на внешнюю политику Монголии:

1) страна должна продолжать энергично развивать свою собственную экономическую, научную, технологическую и даже военную мощь в целях полного обеспечения собственной безопасности, особенно в экономическом отношении;

2) необходимо завершить получение нейтрального статуса государства.

3. Китайский фактор

С момента установления дипломатических отношений между Китаем и Монголией связи между двумя странами претерпели некоторые изменения, но статус добрососедства всегда была приоритетным.

В середине 1960-х гг., когда ухудшились китайско-советские отношения, китайско-монгольские взаимоотношения также осложнились [10, с. 32].

Обмен визитами министров иностранных дел в 1989 г. [10, с. 75], непрерывное углубление политического процесса и корректировка внешней политики заложили прочную основу для укрепления двусторонних отношений двух стран.

В 1994 г. во время визита в Монголию премьер-министра Госсовета КНР Ли Пэна две страны пересмотрели и повторно подписали китайско-монгольский Договор о дружбе и сотрудничестве [45], заложив прочную основу здорового развития двусторонних отношений.

В 2003 г. председатель КНР Ху Цзиньтао нанес официальный визит в Монголию, по итогам которого были установлены партнерские отношения добрососедства и взаимного доверия [21]. В 2011 г. премьер-министр Монголии С. Батболд посетил Китай, следствием чего было установление стратегического партнерства между двумя странами [10, с. 287]. В 2013 г. Монголия и КНР подписали Про-

грамму среднесрочного и долгосрочного развития китайско-монгольского стратегического партнерства [10, с. 307].

21—22 августа 2014 г. председатель КНР Си Цзиньпин нанес официальный визит в Монголию. В ходе визита он провел переговоры с президентом Ц. Элбэгдоржем. После встречи была принята Совместная декларация Китайской Народной Республики и Монголии об установлении и развитии всеобъемлющего стратегического партнерства, подписано 26 соглашений о сотрудничестве [17], что послужило дальнейшему развитию двусторонних отношений.

В ноябре 2015 г. президент Ц. Элбэгдорж посетил Китай. Главы двух государств договорились о сотрудничестве в области экономики и технологий, безопасности пищевых продуктов, строительства инфраструктуры, авиации, энергетики и финансов. Была достигнута договоренность об углублении всестороннего стратегического партнерства между двумя странами [37].

По мере расширения политических отношений между двумя странами китайско-монгольское торгово-экономическое сотрудничество стабильно развивалось и сохраняло хорошую динамику. В 2017 г. объем двусторонней торговли достиг 6,735 млрд дол. США, а совокупные инвестиции китайских компаний в Монголию приблизились к 4 млрд дол. США [47]. Активно продвигалось сотрудничество по масштабным проектам, и КНР на протяжении многих лет удерживала позиции крупнейшего торгово-экономического партнера Монголии.

В 2017 г. первый президент Монголии П. Очирбат, комментируя вопрос о развитии Китая, отметил: «В целом мы довольны полученным результатом. Чем лучше будет развиваться наш сосед, тем выгоднее для нас. На сегодняшний день скоростное шоссе протяженностью в 5000 км в Китае строится всего за 13 месяцев. Столь высокая эффективность потрясает воображение. Таким образом можно очень быстро построить высокоскоростную железную дорогу через Монголию в Россию». П. Очирбат, впечатленный темпами экономического развития Китая, подчеркнул, что это положительно скажется на экономике Монголии [31].

Таким образом, плавное развитие китайско-монгольских отношений способствовало

стабильности и преемственности курса дипломатии двух стран.

Руководство Монголии, осознавая важность поддержания дружественных отношений и сотрудничества с Китаем, строит планы на развитие собственной экономики и стремится добиться собственного процветания. В то же время сотрудничество остается важнейшим аспектом развития отношений двух стран. Так китайский фактор оказывает существенное влияние на внешнюю политику Монголии.

Заключение

Изучив факторы, формирующие внешнюю и внутреннюю политику Монголии, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, ряд внутренних факторов, которые гарантируют национальную независимость, экономическую безопасность, являются ключевыми моментами формирования внешней политики страны. Среди них экономические факторы более влиятельные, чем политические и религиозные. Все большее значение для Монголии приобретают инвестиции Китая, особенно приток прямых инвестиций в экономику страны. Наряду с этим в Монголии была принята Концепция внешней политики в целях разрешения экономического кризиса, укрепления экономического сотрудничества с развитыми странами.

Во-вторых, ведущим внешним фактором формирования внешней политики на протяжении всего рассматриваемого периода (1991—2017 гг.) оставался геополитический статус Монголии, который сильно ограничивал политику государства, но в то же время способствовал ее формированию с учетом национальных особенностей страны.

Перспективы изменения международной ситуации могут создать условия для начала нового стратегического этапа внешней политики Монголии.

Концепция внешнеполитического курса государства предполагает полное использование внешних факторов для углубления перестройки и продвижения социально-экономического развития страны. Корректировка внешней политики оказывает позитивное воздействие на положение страны, позволяет добиться дальнейшего ускоренного развития и расширить внешнеполитические горизонты, укрепить позиции Монголии на международной арене.

Список использованных источников

1. Аюуш, Д. Торгово-экономическое сотрудничество между Монголией и Россией: прошлое и настоящее / Д. Аюуш // Социально-экономическое развитие Монголии и России. — 2013. — № 2. — С. 1—5.
2. Аюшиева, И. Г. Современная концепция внешней политики Монголии — попытка преодоления буферного характера государственности / И. Г. Аюшиева // Вестн. Томск. гос. ун-та. — 2008. — № 316. — С. 71—73.
3. Бабаян, Д. К. Китай и Монголия: исторические, политические и психологические аспекты взаимоотношений / Д. К. Бабаян // Изв. Алтай. гос. ун-та. — 2016. — № 4. — С. 181—185.
4. Базаров, В. Б. Визиты В. В. Путина и Си Цзиньпина в Монголию в 2014 г. / В. Б. Базаров // Власть. — 2015. — № 1. — С. 205—208.

5. Базаров, В. Б. Внешнеэкономические связи Монголии в XXI в. / В. Б. Базаров // Там же. — 2014. — № 11. — С. 140—143.
6. Базаров, В. Б. Внешнеполитический курс Монголии в XXI в. / В. Б. Базаров // Там же. — 2016. — № 10. — С. 83—87.
7. Базаров, В. Б. Внешняя политика Монголии (конец 1980-х — 2000-е гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / В. Б. Базаров; ИМБТ СО РАН. — Улан-Удэ, 2009. — 205 л.
8. Базаров, В. Б. Восточноазиатское взаимодействие в монгольской контактной зоне в XXI в. / В. Б. Базаров, Ю. Г. Григорьева // Власть. — 2016. — № 11. — С. 205—208.
9. Баясах, Ж. Новое развитие в отношениях между Монголией и ее соседними странами / Ж. Баясах // Евразийское сотрудничество: гуманитарные аспекты. — 2017. — № 9. — С. 5—12.
10. БНХАУ-ын Монгол улстай хийсэн төрийн харилцааны түүхэн онол 1949—2014 он = Сборник исторических документов монгольско-китайских отношений 1949—2014 гг. / под ред. Би Аонан, Н. Ганбатэ. — Бээжин ба УБ: БНХАУ, Монгол Улсын Гадаад харилцааны яамны хэвлэлийн газар = Пекин; Улан-Батор: Изд-во МИД КНР и Монголии, 2014. — 371 с. (на монг. яз.)
11. Ванчикова, Ц. П. Религиозный фактор в современных китайско-монгольских отношениях / Ц. П. Ванчикова, И. Г. Аюшиева // Вестн. ЗабГУ. — 2018. — Т. 24, № 2. — С. 59—65.
12. Ван Чэнцзюань. Дан дай Мэн гу го вай цзяо чжэн цэ янь цзю = Современная внешняя политика Монголии / Ван Чэнцзюань // Вай цзяо сюе юань = Дипломат. акад. КНР. — 2011. — № 1. — С. 37—42 (на кит. яз.).
13. Грайворонский, В. В. Концепция внешней политики Монголии / В. В. Грайворонский // Проблемы Дальнего Востока. — 2012. — № 2. — С. 57—69.
14. Далай-лама фан вэн мэн гу, цзю чжи чжэ чэн юй чжэн чжи у гуан = Далай-лама посетил Монголию, организаторы говорят, что это не имеет ничего общего с политикой [Электронный ресурс] // BBC News. — 17.11.2016. — Режим доступа: <https://www.bbc.com/zhongwen/simp/world/2016/11/161117_dalai_mongolia_visit>. — Дата доступа: 11.10.2020 (на кит. яз.).
15. Дэлгэрма, Б. Демократические преобразования в Монголии на рубеже XX и XXI вв.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / Б. Дэлгэрма; ИМБТ СО РАН. — Улан-Удэ, 2005. — 169 л.
16. Дэмбэрэл, К. Международная среда и государственное развитие Монголии: сравнительный анализ в историческом контексте: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / К. Дэмбэрэл; Иркутск. гос. ун-т. — Иркутск, 1998. — 208 л.
17. Китайский лидер Си Цзиньпин посетил Монголию [Электронный ресурс] // EPOCH TIMES. — 23.08.2014. — Режим доступа: <<https://www.epochtimes.ru/kitajskij-lider-si-tszinpin-posetil-mongoliyu-98934122/>>. — Дата доступа: 11.10.2020.
18. Курбетьева, А. О. Внешняя политика Монголии (1991—2014 гг.): вып. бакалавр. работа / А. О. Курбетьева; С.-Петерб. гос. ун-т. — СПб., 2016. — 72 л.
19. Ли Дацзюнь. Мэн гу го до чжи дянь вай цзяо чжэн цэ цзи ци дуй во чжоу бьянь ань цюань хуань цзинь дэ ин сян = Монгольская «многовекторная» внешняя политика и ее влияние на безопасность в окружающем регионе / Ли Дацзюнь // Дун бэй я лунь тань = Форум Северо-Восточной Азии. — 2005. — № 2. — С. 33—38 (на кит. яз.).
20. Лувсанжав, Ж. Отношения между Монголией и КНР на современном этапе (1990—2012 гг.) / Ж. Лувсанжав // Проблемы Дальнего Востока. — 2012. — № 3. — С. 59—63.
21. Лу Годун. Ху Цзиньтао фан вэн мэн гу циан дао чжун мэн ю хао му лин гуан си бу дуан фа чжан = Визит Ху Цзиньтао в Монголию подчеркивает постоянное развитие добрососедских и дружеских отношений между Китаем и Монголией / Лу Годун [Электронный ресурс] // Синь вэн чжун синь = Центр новостей. — 03.06.2003. — Режим доступа: <<http://news.sina.com.cn/c/2003-06-03/0935183243s.shtml>>. — Дата доступа: 21.10.2020 (на кит. яз.).
22. Лу Цзюньюань. Мэн гу го ди юань тэ син цзи ци го цзи гуан си = Географические характеристики Монголии и ее международные отношения / Лу Цзюньюань // Жэнь вэнъ ди ли = Антропогеография. — 2000. — № 4. — С. 31—39 (на кит. яз.).
23. Лхам, Ц. Монгол Улсын гадаад бодлогын «Гуравдагч Хөрш» — ийн асуудалд = К вопросу «третьего соседа» Монголии / Ц. Лхам // Шинжлэх Ухааны Академийн Мэдээ = Новости акад. наук. — 2014. — № 2. — С. 10—14 (на монг. яз.).
24. Межгосударственные отношения России и Монголии [Электронный ресурс] // РИА Новости. — 14.06.2019. — Режим доступа: <<https://ria.ru/20190614/1555536120.html>>. — Дата доступа: 29.10.2020.
25. Монгол-оросын харилцааны түүхэн баримт бичгийн эмхэтгэл 1992—2014 он = Сборник исторических документов монгольско-российских отношений 1992—2014 гг. / Г. Тумурчулуун [гл. ред.]. — Улаанбаатар: Монгол Улсын Гадаад хэргийн яам = Улан-Батор: МИД Монголии, 2016. — 371 с. (на монг. яз.)
26. Монгол Улсын гадаад бодлогын үзэл баримтлал (2011) = Концепция внешней политики Монголии (2011 г.) [Электронный ресурс] // Эрх зүйн мэдээлийн нэгдсэн систем = Интегрированная правовая информационная система. — Режим доступа: <<https://www.legalinfo.mn/annex/details/3362?lawid=6340>>. — Дата доступа: 01.08.2020 (на монг. яз.).
27. Монгол Улсын гадаад бодлогын үзэл баримтлалын 20 жил = 20-летие Концепции внешней политики Монголии / Л. Удал [гл. ред.]; Монгол Улсын Гадаад хэргийн яам = МИД Монголии. — Улан-Батор, 2014. — 141 с. (на монг. яз.)
28. Монгол Улсын Үндсэн Хууль (1992 оны 1 дүгээр сарын 13ны өдөр) = Конституция Монголии (13 янв. 1992 г.) [Электронный ресурс] // Эрх зүйн мэдээлийн нэгдсэн систем = Интегрированная правовая информационная система. — Режим доступа: <<https://www.legalinfo.mn/law/details/367>>. — Дата доступа: 01.08.2020 (на монг. яз.).
29. Монгол Улсын үндэсний аюулгүй байдлын үзэл баримтлал батлах тухай (2010) = Концепция национальной безопасности Монголии (2010 г.) [Электронный ресурс] // Эрх зүйн мэдээлийн нэгдсэн систем = Интегрированная правовая информационная система. — Режим доступа: <<https://www.legalinfo.mn/annex/details/8070?lawid=6163>>. — Дата доступа: 01.08.2020 (на монг. яз.).
30. Мэн гу вайчжан: бэнь цзе чжэн фу жэн ци нэй бу цзай яо цин далайлама = Министр иностранных дел Монголии: Далай-лама больше не будет приглашен при нынешнем правительстве [Электронный ресурс] // Deutsche Welle. — 22.12.2016. — Режим доступа: <<https://www.dw.com/zh/%E8%92%99%E5%8F%A4%E5%A4%96%E9%95%BF%E6%9C%AC%E5%B1%8A%E6%94%BF%E5%BA%9C%E4%BB%BB%E5%86%85%E4%B8%8D%E5%86%8D%E9%82%80%E8%AF%B7%E8%BE%BE%E8%B5%96%E5%96%87%E5%98%9B/a-36872356>>. — Дата доступа: 27.10.2020 (на кит. яз.).
31. Мэн гу го ди жэн цюнтун Очирбат: Чжун го дэ фа чжан гу хэ ин сиан чжун мэн лян го дэ вей лай = П. Очирбат, первый президент Монголии: как развитие Китая влияет на будущее страны [Электронный ресурс] // China focus World Talk. — 16.03.2019. — Режим доступа: <<https://www.bilibili.com/video/av46428605/>>. — Дата доступа: 11.10.2020 (на кит. яз.).
32. На Линь. Мэн гу го до чжи дянь вай цзяо чжань люе юй да го гуан си = Монгольская «многовекторная» дипломатическая стратегия и отношения со сверхдержавами / На Линь // Дун бэй я лунь тань = Форум Северо-Восточной Азии. — 2004. — № 1. — С. 82—87 (на кит. яз.).
33. О Чима. 1994 нянь и лай Мэн гу го вай цзяо чжэн цэ дэ тьяо чжэн цзи дуй мэн чжун шуан бьянь мао и дэ ин сян = Корректировка внешней политики Монголии с 1994 г. и ее влияние на двустороннюю торговлю с Китаем / О Чима // Вай цзяо сюе юань = Дипломат. акад. КНР. — 2014. — № 4. — С. 15—19 (на кит. яз.).

34. Родионов, В. А. «Третий сосед» Монголии как идейно-политический концепт / В. А. Родионов, И. Г. Аюшиева // Вестн. Томск. гос. ун-та. — 2017. — № 420. — С. 125–130.
35. Родионов, В. А. Фактор Далай-ламы XIV в современных монголо-китайских отношениях / В. А. Родионов // Власть. — 2017. — Т. 25, № 9. — С. 153–157.
36. Совет экономической взаимопомощи (СЭВ) [Электронный ресурс] // Юридическая социальная сеть. — Режим доступа: <<https://www.9111.ru/questions/7777777777775703/>>. — Дата доступа: 14.03.2021.
37. Совместное заявление Монголии и КНР об углублении комплексного стратегического партнерства [Электронный ресурс] // ARD: портал деловой информации. — 15.11.2015. — Режим доступа: <<http://asiarussia.ru/news/9912/>>. — Дата доступа: 01.10.2020.
38. Страны БРИКС: классификация регионов: бюл. о текущих тенденциях мировой экономики № 34. — М.: Аналит. центр при правительстве Российской Федерации, 2018. — 20 с.
39. Сун На. Мэн гу цзай дун бэй я ди цю дэ ди вэй хэ цзо юн = Позиция и роль Монголии в Северо-Восточной Азии / Сун На // Хэйлунцзян шэ хуэй кэ сюе = Социология Хэйлунцзяна. — 2000. — № 4. — С. 34–38 (на кит. яз.).
40. Товарооборот России с Монголией [Электронный ресурс] // Внешняя торговля России. — Режим доступа: <<https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2019-02/torgovlya-mezhdu-rossiye-i-mongolii-v-2018-g/>>. — Дата доступа: 21.10.2020.
41. Хуан Анвэй. Мэн гу бу цзай хуань ин Далай-лама, це гэ шу бай ниан вэн хуа ню дай = Монголия пообещала больше не приглашать Далай-ламу, разорвать культурные связи / Хуан Анвэй [Электронный ресурс] // The New York Times. — 03.01.2017. — Режим доступа: <<https://cn.nytimes.com/china/20170103/china-mongolia-dalai-lama/>>. — Дата доступа: 15.03.2021 (на кит. яз.).
42. Цзан чуань фо цзю хо фо чжуань ши дэ ли ши дин чжи хэ юань цзэ = Историческая адаптация и принципы реинкарнации живых будд в тибетском буддизме [Электронный ресурс] // Чжун го синь вэн ван = Новости Китая. — Режим доступа: <https://www.chinanews.com/ll/2021/02-10/9409881.shtml> — Дата доступа: 15.03.2021 (на кит. яз.).
43. Чжан Лицзюнь. Мэн гу дэ цзюнь ши ли лунь юй ди юань ань цюань чжэн цэ = Теория баланса сил Монголии и политика геополитической безопасности / Чжан Лицзюнь // Го цзи чжэн чжи янь цзю = Международные исследования. — 1997. — № 1. — С. 44–52 (на кит. яз.).
44. Чжун го дуй мэн гу чу коу у цзы цзэн шоу го цзин фэй = Китай повышает транзитные пошлины на продукцию, экспортируемую из Монголии [Электронный ресурс] // Deutsche Welle. — 02.12.2016. — Режим доступа: <<https://www.dw.com/zh/%E4%B8%AD%E5%9B%BD%E5%AF%B9%E8%92%99%E5%8F%A4%E5%87%BA%E5%8F%A3%E7%89%A9%E8%B5%84%E5%A2%9E%E6%94%B6%E8%BF%87%E5%A2%83%E8%B4%B9/a-36613237>>. — Дата доступа: 11.10.2020 (на кит. яз.).
45. Чжун мэн ю хао хэ цзо гуан си тяо юэ = Договор о дружбе и сотрудничестве между Китаем и Монголией [Электронный ресурс] // Чжун го вай цзю бу = Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики. — 29.04.1994. — Режим доступа: <https://www.fmprc.gov.cn/web/ziliao_674904/tytj_674911/tyfg_674913/t5725.shtml>. — Дата доступа: 11.10.2020 (на кит. яз.).
46. Экономика Монголии выросла на 5,1% в 2017 г. — ЦБ [Электронный ресурс] // Рамблер/финансы. — 22.03.2018. — Режим доступа: <https://finance.rambler.ru/business/39214721/?utm_content=finance_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink>. — Дата доступа: 21.10.2020.
47. 2017 ниан Мэн гу го мин цзин цзи юн син цжэн ти фин куан = Общая ситуация в экономике Монголии в 2017 г. [Электронный ресурс] // Чжун хуа жэн мин гун нэ го чжу мэн гу го да ши гуан = Посольство КНР в Монголии. — 23.02.2018. — Режим доступа: <<http://mn.mofcom.gov.cn/article/ztdy/201802/20180202714800.shtml>>. — Дата доступа: 21.10.2020 (на кит. яз.).

Статья поступила в редакцию в марте 2019 г., доработана в марте 2021 г.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ ФОРМИРОВАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИНДУСТРИАЛЬНЫХ ПАРКОВ

Чжан Пэнфэй

В статье содержится анализ опыта развития в мировой экономике индустриальных парков, которые разделены на два типа. Первый тип представляет собой традиционный индустриальный парк, ориентированный на краткосрочную цель экономического роста, а второй тип — это современный индустриальный парк, ориентированный на долгосрочную цель комплексного развития. Проводится метаанализ литературы по исследованию индустриальных парков в России и Китае, а также обобщаются состояние их развития и существующие проблемы. В качестве примера анализируется эволюция китайско-сингапурского парка Сучжоу, раскрываются его успехи и вызовы. Исходя из международного опыта формулируются требования, которым должны соответствовать строительство и развитие индустриальных парков в будущем.

Ключевые слова: индустриальный парк; Индустриальный парк «Северный»; китайско-сингапурский индустриальный парк Сучжоу; международный опыт; функционирование.

«International Experience in the Formation and Functioning of Industrial Parks» (Zhang Pengfei)

The article analyses of the experience of industrial parks development in the global economy. They are divided into two types: a traditional industrial park, focused on the short-term goal of economic growth, and a modern industrial park, focused on the long-term goal of integrated development. A meta-analysis of literature on industrial parks studies in Russia and China has been carried out. The development statuses and existing problems have been summarised. As an example, the evolution of China-Singapore Suzhou Industrial Park has been analysed, its successes and challenges has been revealed. Based on international experience, the requirements to the construction and development of industrial parks in the future has been formulated.

Keywords: China-Singapore Suzhou Industrial Park; functioning; industrial park; Industrial Park «Northern»; international experience.

Цель данной статьи — провести сравнительный анализ моделей функционирования индустриальных парков в КНР и России как стран с накопленным богатым опытом функционирования индустриальных парков в мировой экономике, изучить их успешный опыт и недостатки развития. Китайско-сингапурский индустриальный парк Сучжоу является примером международного экономического сотрудничества и развития индустриального парка с момента одобрения его строительства в 1994 г. На основе исследования его становления и эволюции предлагается алгоритм действий по строительству и развитию индустриальных парков в контексте функционирования Китайско-белорусского индустриального парка «Великий камень».

В последние десятилетия многие экономисты анализировали и изучали индустриальные парки. Так, экономист Е. Дж. Малецки счита-

ет, что индустриальные парки — это особые географические районы, где взаимосвязанные промышленные предприятия имеют общие социальные ценности и конкурирующие кооперативные отношения [30, р. 12]. Р. Кили отмечает, что индустриальный парк служит носителем институциональных механизмов [29, р. 163]. А. Перейра считает, что индустриальный парк — это «экономическая теплица», которая сосредоточена на производстве и подходит для роста предприятий [32, р. 130]. Юй Чунгуан отмечает, что под руководством правительства индустриальные парки становятся промышленной агломерацией в целях создания характерной промышленной системы [27, с. 126]. Ю. Пинягин, Лю Сяоцзюань указывают, что индустриальный парк — это специально организованная для размещения новых производств территория, обеспеченная энергонесителями, инфраструктурой, необ-

Автор:

Чжан Пэнфэй — аспирант кафедры международных экономических отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета, e-mail: zhangpengfly@foxmail.com
Белорусский государственный университет. Адрес: 4, пр. Независимости, Минск, 220030, БЕЛАРУСЬ

Author:

Zhang Pengfei — post-graduate student of the Department of International Economic Relations of the Faculty of International Relations, Belarusian State University, e-mail: zhangpengfly@foxmail.com
Belarusian State University. Address: 4, Nezavisimosti ave., Minsk, 220030, BELARUS

ходимыми административно-правовыми условиями и управляемая специализированной компанией [15, с. 48]. К. В. Харченко отмечает, что индустриальный парк — это специально выделенная, оборудованная всем необходимым (инфраструктурой, энергоносителями, административными ресурсами) территория для новых производств [19, с. 33]. П. Р. Беккер указывает на то, что индустриальный парк представляет собой развитое и управляемое пространство, застроенное производственными, складскими, офисными зданиями и обеспеченное соответствующими коммуникациями и инфраструктурой, используемое несколькими пользователями [1, с. 2].

Кроме этого, ученые также проанализировали индустриальные парки с точки зрения их организационной формы, модели функционирования, налоговых льгот, строительства инфраструктуры, роли в содействии региональному экономическому развитию, нормативно-правовой базы, регулирующей деятельность, и т. д. О. Н. Беленов, Т. Ю. Смольянинова, Ю. В. Шурчкова указали на то, что индустриальные парки как способ территориальной организации современных производственных комплексов давно признаны в мире одной из наиболее рентабельных форм организации производства, и на основе сравнительного анализа индустриальных парков России и ряда зарубежных стран выявили существенные количественные и качественные различия практики организации российских индустриальных парков [3, с. 68–69]. Т. С. Щетинина и А. Н. Кузнецов отметили, что индустриальный парк представляет собой единую инфраструктуру, налоговые преференции, позволяющие значительно снизить затраты на функционирование предприятий. Кроме того, индустриальные парки выступают эффективным инструментом привлечения инвестиций ввиду объединения на их базе промышленных и инновационных предприятий [24]. К. В. Харченко проанализировал ведение хозяйственной деятельности индустриального парка на уровне муниципальной экономики [19]. М. С. Гусева и Е. А. Шаркевич рассматривали особенности создания индустриальных парков в Российской Федерации и разработали систему индикаторов оценки эффективности их функционирования [6, с. 3506]. Д. С. Миронов разработал концептуальные основы создания и функционирования индустриальных парков на основе макро- и микроэкономической среды, моделей функционирования и управления, построенных на основе анализа нормативных правовых документов в сфере промышленного производства [13, с. 2965]. П. Р. Беккер внес предложения по стимулированию развития и интеграции промышленных парков с социальной инфраструктурой в рамках существующей традиционной инфраструктуры и нового типа —

гибридной инфраструктуры, основные направления из которых маркетинг территорий для привлечения новых резидентов, обеспечение производств высококвалифицированными кадрами, поиск новых рынков и направлений для реализации выпускаемой продукции [1; 2]. А. Ю. Никитаева, О. Г. Андрющенко отмечали, что индустриальные парки являются опорной точкой формирования экономического каркаса инновационного развития территорий и обосновывали целесообразность создания «умных индустриальных парков» [14, с. 78]. В. В. Криворотов, А. В. Калина, Е. А. Тиханов, С. Е. Ерыпалов рассматривали индустриальный парк как эффективный механизм роста конкурентоспособности региональных производственных комплексов, дали обобщенную схему исследования конкурентоспособности, выделили три ключевых условия успеха их деятельности в России и вопросы, требующие внимания при реализации их проектов [9, с. 61–70].

Теория и практика всегда взаимосвязаны. Теория — это итог и обобщение практики. Практические достижения под руководством теории непрерывно растут, а теория и практика всегда содействуют друг другу. Поэтому при исследовании индустриальных парков необходимо разобратся в связанных с ними теориях. На протяжении всей истории практики индустриальных парков многие теории тесно взаимосвязаны. Данное исследование поможет разобратся в теории индустриального парка по четырем аспектам. Во-первых, зачем строить индустриальный парк для развития экономики? Индустриальные парки, по сути, являются носителями промышленных кластеров, поэтому можно изучить эту проблему из теории промышленных кластеров. Во-вторых, каким принципам надо следовать, чтобы построить индустриальный парк? В настоящее время индустриальные парки должны не только решать проблемы экономического развития, но и ориентироваться на людей и уделять больше внимания несущей способности окружающей среды и экологии, а также способности к устойчивому развитию. Объединение смежных теорий согласуется с тенденцией строительства экоиндустриальных парков и индустрии городской интеграции в современном обществе. В-третьих, где построить индустриальный парк, как построить индустриальный парк, каковы преимущества и недостатки готового индустриального парка? Данные аспекты можно проанализировать с помощью таких моделей, как *PEST*-анализ, *SWOT*-анализ и модели Дьяманта. В-четвертых, с точки зрения прямых иностранных инвестиций сделан специальный анализ транснациональных индустриальных парков (табл. 1). При строительстве новых индустриальных парков также следует учитывать региональные преимущества и ресурсы, чтобы их цели были реалистичными и выполнимыми.

Подходы к концепции промышленных парков

Теории построения промышленных парков	Теория промышленного кластера на основе неоклассической экономики	А. Маршалл (1890)
	Теория промышленного размещения	А. Вебер (1909)
	Территориально-производственный комплекс	Н. Н. Колосовский (1940)
	Теория полюсов роста	Ф. Перру (1950)
	Новая экономическая география	П. Р. Кругман (1991)
	Теория новой промышленной зоны	А. Баньяско (1977)
Теории принципов строительства промышленных парков	Предпринимательская экосистема	Д. Дж. Айзенберг (2010)
	Теория устойчивого развития	Всемирная комиссия по окружающей среде и развитию (1987)
	Теория циклической экономики	К. Э. Боулдинг (1966)
Корреляционная теория о методах планирования промышленных парков	Промышленная экология	Р. А. Фрош, Н. Э. Галлопулос (1989)
	PEST-анализ	Г. Джонсон, К. Скоуль (1999)
	SWOT-анализ	Э. П. Леранед, К. Р. Кристенсен, К. Р. Эндрюс, У. Д. Гут (1965)
Теории транснациональных промышленных парков	Модель Диаманта	М. Портер (1990)
	Маргинальная теория расширения отрасли	К. Коджима (1977)
	Эклектическая теория международного производства	Дж. Г. Даннинг (1977)

И с т о ч н и к: разработка автора.

Индустриальные парки в мировой экономике

Существует множество видов промышленных парков, которые имеют сходства по своей функциональности: зоны беспошлинной торговли, зоны экспортного производства, зоны свободной торговли, зоны предприятий, промышленные поселения, промышленные комплексы, научные парки, технопарки, исследовательские парки, технополисы, зоны технико-экономического развития, зоны промышленного развития высоких и новых технологий, экологические промышленные парки, творческие промышленные парки и т. д. В связи с различными характеристиками национальными особенностями и этапами развития разных стран типы и наименования созданных ими промышленных парков различаются, но в целом промышленные парки можно разделить на два типа: 1) это традиционный промышленный парк, ориентированный на краткосрочную цель экономического роста; 2) современный промышленный парк, ориентированный на долгосрочную цель комплексного развития [4, с. 2]. Первый тип не только появился раньше второго, но и различные страны и регионы выбирают его в качестве начального этапа политики промышленного парка. Данный тип, главным образом, специализируется на развитии обрабатывающей промышленности и акцентирует внимание на производственном процессе. Второй тип, в свою очередь, расширяет или добавляет новые аспекты обработки и производства, а также

разнообразные варианты в вопросах организационных методов и функциональной эффективности различных типов промышленных парков.

Согласно Национальному стандарту Российской Федерации (ГОСТ Р 56301-2014 «Индустриальные парки. Требования») к промышленному (промышленному) парку относится управляемый управляющей компанией комплекс объектов недвижимого имущества, состоящий из земельного участка (участков) с производственными, административными, складскими и иными зданиями, строениями и сооружениями, обеспеченный инженерной и транспортной инфраструктурой, необходимой для создания нового промышленного производства, а также обладающий необходимым правовым режимом для осуществления производственной деятельности [10, с. 3].

История создания промышленных парков берет свое начало в Великобритании. Вблизи г. Манчестера в 1896 г. был создан первый в мире подобный проект, который получил название Траффорд-парк [12].

Мировой опыт подтверждает, что промышленные парки являются эффективным инструментом привлечения инвестиций, благодаря концентрации на их базе различных промышленных и инновационных предприятий [6]. Промышленные парки потенциально обладают значительным количеством преимуществ за счет интеграционных эффектов, содействия росту производительности труда, инновационности, устойчивости организаций, развития партнерских связей, роста связанности регио-

нальных экономик, достижения баланса интересов и объединения ресурсов государства и бизнеса и т. д. [14, с. 84].

Привлечение крупных инвесторов, которые стремятся сократить транспортные, инфраструктурные, налоговые издержки, позволяет достичь повышения конкурентоспособности экономики определенной территории. Вместе с этим решается множество региональных задач социального развития, включая создание дополнительных рабочих мест, подготовку собственных специалистов, создание и развитие инфраструктуры и др. [16, с. 85].

В связи с большим сходством между индустриальными парками и особыми экономическими зонами (ОЭЗ) многие крупные индустриальные парки также являются ОЭЗ. Поэтому необходимо ознакомиться с данными об ОЭЗ в мировой экономике. Если в 1975 г. в мире насчитывалось 79 ОЭЗ и индустриальных парков, то в 2015 г. — уже около 4,5 тыс. в 140 странах [28, р. 24]. Согласно инвестиционному докладу о мировых инвестициях за 2019 г., по состоянию на 2018 г., в 147 странах насчитывалось около 5400 зон (пять лет назад их было около 4000), причем планируется создать еще более 500 новых ОЭЗ (рис. 1). Стремительный рост числа ОЭЗ является частью новой промышленной политики и ответом на растущую конкуренцию за мобильные международные инвестиции [7, с. 22].

На основе анализа мирового опыта функционирования ОЭЗ к основным проблемам функционирования парков можно отнести следующие: неопределенная резидентная структура, отсутствие стратегии развития, недостаточный уровень инженерной инфраструктуры, высокая стоимость земель, отдаленность рынков сбыта и значительные затруднения с созданием и внедрением инноваций. Так, по мнению Д. С. Миронова, «негативными факторами также являются слабая первоначальная разработка концепции создания, развития и функционирования промышленного парка; отсутствие возможности привлечения (выделения)

финансирования для реализации первоначального инвестирования в инженерную и логистическую инфраструктуру парка, необходимую для реализации стратегии привлечения потенциальных резидентов; отсутствие политической воли руководства региона для реализации паркового проекта» [13, с. 2967—2968].

Анализ российских и китайских индустриальных парков

Рассмотрим Китай и Россию в качестве примеров для анализа развития индустриальных парков. По состоянию на 2018 г., в России насчитывалось 227 парков с экспертной оценкой Ассоциации индустриальных парков (АИП), в том числе действующих — 150, создаваемых — 77, частных — 144, государственных — 83, с общим количеством резидентов — 2882 (табл. 2). По состоянию на конец 2017 г., в Китае насчитывалось 552 национально признанного индустриального парка. По состоянию на сентябрь 2018 г., китайские предприятия инвестировали 36,63 млрд дол. США в 113 парков, которые находятся в 46 странах, и насчитывают 4663 резидента. Они заплатили налогов принимающим странам 3,08 млрд дол. США [22].

По состоянию на июнь 2017 г., в 51 % российских промышленных парков отсутствуют теплоснабжение, в 22 % — очистные сооружения и канализация, в 20 % — каналы связи, в 16 % — газоснабжение, в 10 % — водоснабжение. До сих пор имеются парки, в которых нет электричества (6 %) [см.: 5].

Индустриальные парки в Российской Федерации значительно различаются по своей структуре, внутреннему устройству и типам проектов (гринфилды или браунфилды). Общее количество парков разных типов равномерно росло в 2013—2019 гг. и увеличивалось в соотношении 2:1 в пользу гринфилдов (рис. 2) [8].

Федеральное финансирование является важным источником финансирования в условиях дефицита средств местного и регио-

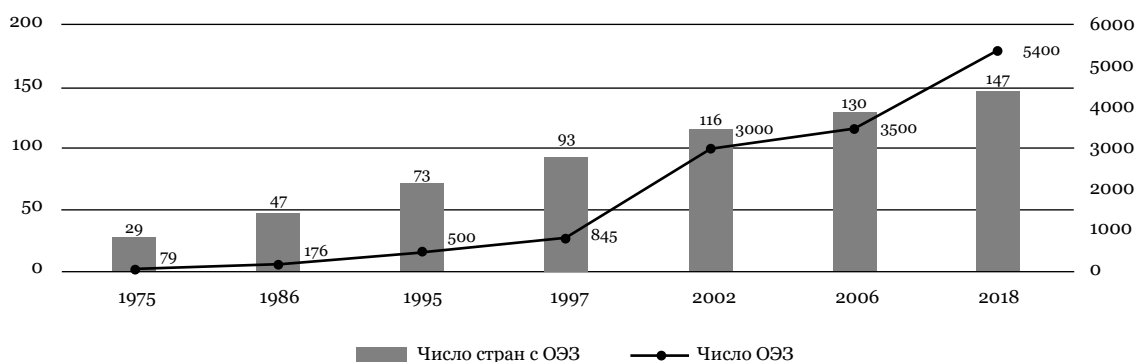

Рис. 1. Долгосрочная динамика развития ОЭЗ

Источник: [7, с. 22].

Динамика количества индустриальных парков России (по экспертной оценке АИП)

Год	Действующие парки	Создаваемые парки	Частные парки	Государственные парки
2013	36	44	50	30
2014	45	56	61	40
2015	72	48	65	55
2016	92	54	75	71
2017	111	55	91	75
2018	150	77	144	83

Источники: разработка автора.

нального бюджетов. В 2014 г. Правительство Российской Федерации систематизировало федеральную поддержку индустриальных парков. Ограниченность бюджетного финансирования превращает привлечение внебюджетных средств в ценный инструмент развития большинства парковых проектов. Существует несколько способов привлечения таких инвестиций.

Привлечение заемных средств через стандартные банковские кредиты в России, как правило, экономически нецелесообразно из-за высоких процентных ставок и необходимости долгосрочного финансирования. Более подходящим инструментом, как и в Китае, являются специальные программы финансирования индустриальных парков, реализуемые ОАО «Сбербанк России». Эти кредиты имеют более низкие процентные ставки и более длительный срок погашения, что соответствует критерию длительного горизонта окупаемости инфраструктуры индустриального парка.

Индустриальному парку нужна не только инженерная, но и социальная и обслуживающая инфраструктура: автозаправочные

станции, магазины, объекты социального обслуживания. Для этого в проекте могут быть задействованы частные компании соответствующих отраслей. Частные инвестиции можно привлечь, позволив частным инвесторам приобрести долю в капитале управляющей компании. Это можно сделать с помощью механизмов государственного и частного партнерства или путем создания частной управляющей компании.

Помимо источников финансирования, важно обозначить экономический эффект от реализации проекта. Поэтому финансовый концептуальный блок, по опыту Китая, должен также включать описание четкой финансовой модели развития индустриального парка и его влияния на федеральные, региональные и местные бюджеты и бюджет управляющей компании. Финансовая модель должна содержать все годовые показатели, отражающие эффективность деятельности резидентов, такие как их доходы, объем инвестиций, общий объем накопленных средств, размер прибыли, численность персонала и уровень его заработной платы. Все эти данные необходимы для

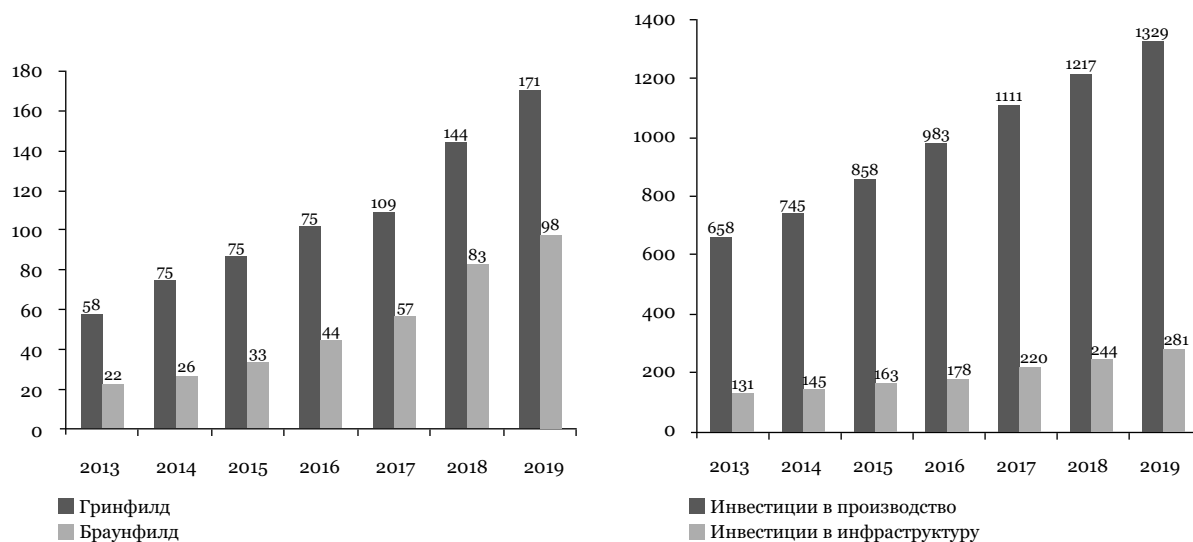

Рис. 2. Индустриальные парки Российской Федерации:
а — типология индустриальных парков, ед.;
б — динамика инвестиций в индустриальные парки России, млрд руб.

Источники: [8, с. 16–19].

расчета налоговых поступлений, поступающих в бюджеты различных уровней. Надежная финансовая модель является ключевым фактором привлечения бюджетных и внебюджетных средств.

Индустриальный парк «Северный»

Индустриальный парк «Северный» — это частный индустриальный парк, являющийся браунфилд-проектом. Старая промышленная территория была преобразована в новых экономических и инфраструктурных решениях. Собственником земельного участка и объектов недвижимости является ООО «Монолит», который выполняет функции управляющей компании индустриального парка [11].

Целью создания индустриального парка «Северный» являлось формирование благоприятных условий для ведения бизнеса и открытия новых производств. В настоящее время индустриальный парк «Северный» — парк, имеющий огромный потенциал развития (табл. 3).

Китайско-сингапурский парк Сучжоу

Индустриальный парк Сучжоу является важным проектом сотрудничества между правительствами Китая и Сингапура. Он был одобрен Государственным советом в феврале 1994 г. и запущен в мае того же года. Административный округ занимает площадь 278 кв. км, из которых 80 кв. км находятся в зоне китайско-сингапурского сотрудничества.

В комплексной оценке национально признанных зон экономического развития Китая индустриальный парк Сучжоу занимал первое место в течение трех лет подряд (2016, 2017, 2018 гг.) и входил в число высокотехнологичных парков мирового уровня. Он известен как «важное окно для реформ и открытости Китая» и успешный пример международного сотрудничества. Изучение достижений и проблем в развитии индустриального парка Сучжоу может послужить ориентиром для развития других индустриальных парков [см.: 17].

В 2019 г. индустриальный парк Сучжоу достиг регионального ВВП в 274,3 млрд юаней КНР, увеличившись по сравнению с предыдущим годом на 6,0 % (рис. 3). Доходы государственного финансового бюджета составили 37 млрд юаней КНР, увеличившись на 5,8 %. Общий объем импорта и экспорта — 81,7 млрд дол. США, фактическое использование иностранных инвестиций — 980 млн дол. США. Общий объем социальных инвестиций в основной капитал составил 39,1 млрд юаней КНР, общий объем розничных продаж потребительских товаров — 54,3 млрд юаней КНР, увеличившись на 10,1 %. Удельный вес добавленной стоимости сферы услуг составил 50,2 % регионального ВВП (см. рис. 3), доход городских жителей на душу населения — 77 тыс. юаней КНР, увеличившись на 7,8 %. По состоянию на конец 2019 г., индустриальный парк Сучжоу создал в общей сложности более 1,1 трлн дол. США стоимости импорта и экспорта и более 700 млрд юаней налоговых поступлений для Китая [см.: 17].

Таблица 3

SWOT-анализ проекта индустриального парка «Северный»

Сильные стороны	Слабые стороны
Размещение производственных предприятий IV и V класса (санитарно-защитные зоны 50–100 м). Высокий уровень транспортной доступности. Наличие в Зарайском муниципальном районе значительного резерва высококвалифицированной рабочей силы (около 3500 чел.). Наличие программ стимулирования и поддержки развития парка	Сложные условия и высокая стоимость подключения к сетям газо- и электроснабжения. Неблагоприятный инвестиционный климат Российской Федерации. Небольшое количество резидентов. Длительные сроки согласования исходной разрешительной и проектно-сметной документации. Сокращение бюджетного финансирования
Возможности	Риски
Создание оптимальной системы транспортной логистики. Получение предприятиями резидентов и обслуживающими объектами электроэнергии и топлива в необходимом объеме. Отсутствие дефицита квалифицированного персонала для предприятий резидентов и управляющей компании. Получение субсидий, льгот и налоговых преференций для управляющей компании и резидентов промышленного парка по новым программам поддержки Фонда содействия инновациям	Слабый спрос на продукцию, производимую предприятиями резидентов. Значительное увеличение срока окупаемости проекта создания промышленного парка. Сложности привлечения резидентов. Срыв планируемых сроков строительства и ввода в эксплуатацию инженерной инфраструктуры. Увеличение себестоимости производства продукции за счет внедрения дополнительных природоохранных мероприятий

Источник: [11].

Развитие индустриального парка Сучжоу проходило с определенными трудностями. Особенно на ранней стадии строительства парка требовались крупные капиталовложения: с 1994 г. ежегодные совокупные затраты составляли 15 млн дол. США, а совокупные затраты до 2001 г. — 77 млн дол. США [31, р. 20]. Для того чтобы уменьшить финансовое давление и мобилизовать активность правительства г. Сучжоу, Сингапур провел передачу акций в 2001 г. Изменения в структуре уставного фонда совместной компании по развитию индустриального парка (*China-Singapore Suzhou Industrial Park Development Group Co., Ltd.*) следующие: в 1994 г. доля сингапурского консорциума составляла 65 %, а китайского — 35 %; в 2001 г. обе стороны передали акции и доля китайской стороны составила 65 %, а сингапурской стороны — 35 %. По состоянию на начало 2018 г., структура доли уставного фонда совместной компании по развитию индустриального парка составила 52 % китайского консорциума, 28 % сингапурского консорциума и 20 % других компаний. 20 декабря 2019 г. компания по развитию индустриального парка была зарегистрирована на бирже: тремя крупнейшими акционерами стали китайский, сингапурский консорциумы и компания *Towngas*, каждый из которых владеет 46,8, 25,2 и 9 % акций соответственно [18].

Индустриальный парк Сучжоу добился выдающихся достижений в своем развитии, но на современном этапе он также сталкивается и с многими вызовами. С ростом числа разнообразных инновационных платформ в Китае уникальные преимущества китайско-сингапурского сотрудничества ослабли, существующие политические и институциональные преимущества парка перестали быть заметными, модель развития парка с иностранным капиталом в качестве основной и ориентированной на экспорт столкнулась с серьезными проблемами. Имеются также проблемы увеличения ресурсных ограничений, структурные проти-

воречия высококвалифицированных работников и невысокий инновационный потенциал [25].

Требования к развитию индустриальных парков

На основе анализа практики функционирования индустриальных парков в мировой экономике требования к их развитию можно систематизировать по следующим направлениям.

1. Строительство индустриальных парков должно быть адаптировано к особенностям национальной экономики. Типы промышленных агломераций индустриальных парков должны основываться на существующих региональных конкурентных преимуществах и потенциалах. Если администрация будет стремиться к экономическому росту и заниматься деятельностью с высокой добавленной стоимостью, которую регион не может себе позволить, то у парка не будет потенциала для устойчивого развития (возможные причины: недостаточное количество высокотехнологичных талантов, исследовательских институтов или других факторов производства).

2. Программы развития парков должны опираться на бережливый подход. Для долгосрочной устойчивости важное значение имеет финансовая и налогово-бюджетная жизнеспособность парков. Наибольшие риски для финансовой жизнеспособности создают высокие первоначальные расходы, обусловленные чрезмерной спецификацией, субсидированием резидентов парков и переводом в парки уже действующих фирм. Поэтому необходима всесторонняя и периодическая оценка расходов и выгод индустриального парка (можно использовать «Отчет о прибылях и убытках» ОЭЗ в контексте устойчивого развития в докладе о мировых инвестициях 2019 г.) [7]. Кроме того, влияние индустриальных парков на региональный экономический рост может быть неопределенным и для его достижения

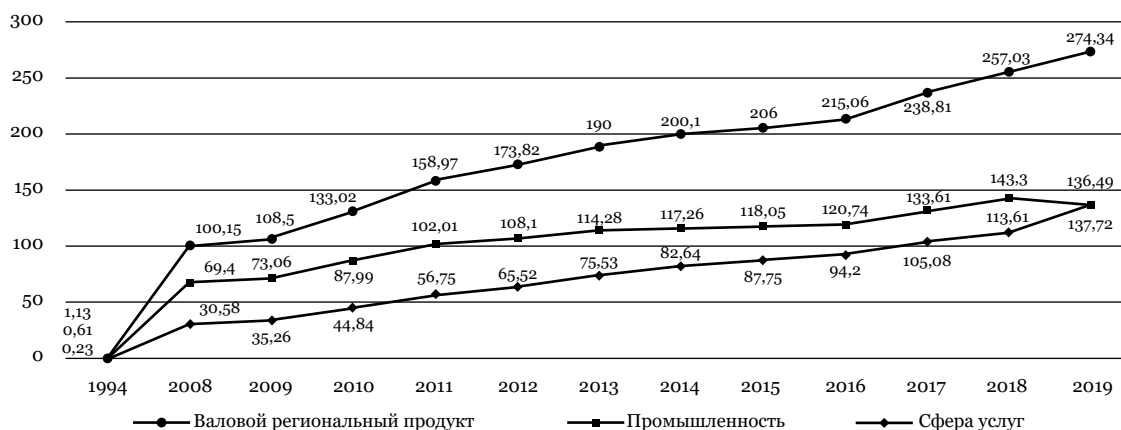

Рис. 3. Динамика валового регионального продукта индустриального парка Сучжоу

Источник: [17].

требуется время, поэтому необходимо снизить риски, связанные с финансовой осуществимостью.

3. Успех отдельных парков зависит от правильного подхода к решению базовых задач. Следует избегать плохого расположения парка, неудачной конструкции парка с неадекватной инфраструктурой или техническим обслуживанием, ненадежного энергоснабжения, излишне сложных административных процедур.

4. Необходимо содействовать укоренению резидентов в парке, укреплению производственных сетей между предприятиями, формированию экономики от масштаба и промышленной агломерации для расширения влияния парка, снижения затрат предприятий, максимального использования ресурсов, промышленной модернизации и диверсификации.

5. Важнейшими факторами успеха являются прочная нормативно-правовая база, сильные институты и надлежащее управление. Правовая инфраструктура индустриального парка должна обеспечивать последовательное, прозрачное и предсказуемое осуществление политики в отношении парка. Обязанности органов управления парка должны быть четко определены. Автономный статус руководящего органа имеет важное значение для сведения к минимуму конфликтов интересов. Необходимо постоянно пересматривать нормативные и правовые документы, связанные с индустриальным парком.

6. В процессе дальнейшего развития индустриальный парк должен уделять больше внимания операционным возможностям резидентов при привлечении инвесторов, а не только стремиться к росту числа резидентов (есть ли у предприятия возможности расширения производственной деятельности после входа в индустриальный парк, каково качество ведения операций).

7. Стимулировать развитие отдельных проектов и производств как «точек роста». Невозможно, чтобы все предприятия и проекты в индустриальном парке развивались одинаково успешно во время процесса разработки, необходимо развивать некоторые «точки» в первую очередь для улучшения агитационной и демонстрационной роли парка. Этими «точками» могут быть известные предприятия, проекты, выставочные залы, мероприятия и т. д.

8. Необходимо связывать развитие индустриального парка с другими проектами в регионе, чтобы способствовать экономическому развитию последнего (например, Китайско-Белорусский индустриальный парк и город-спутник). Заблаговременное выявление возможностей, согласование усилий и программ обучения с фирмами, работающими в ОЭЗ и за ее пределами, значительно повышает результативность таких зон.

9. Установить сотрудничество между различными индустриальными парками в рамках национальной экономики. Режим разработки и основные отрасли каждого парка различны, поэтому хорошее взаимодействие между парками может помочь им быстрее и глубже интегрироваться в международное производство и глобальные цепочки создания стоимости.

10. Налоговые стимулы, зависящие не только от показателей занятости, инвестиций или экспорта, но и от целого ряда социальных и экологических показателей, могут стать ключевым инструментом повышения эффективности парка с точки зрения экономики, окружающей среды и управления и их вклада в устойчивое развитие.

11. Уделять больше внимания привлечению специалистов и созданию инноваций. Сегодня конкуренция в сфере высоких технологий становится все более ожесточенной, а центр освоения ресурсов в мире сместился с материальных ресурсов на развитие трудовых ресурсов. Таланты как носители знаний, технологий и инновационных возможностей играют решающую роль в конкуренции за развитие высоких технологий [26, с. 58]. Движущей силой устойчивого развития современного индустриального парка являются технологические инновации. Конкуренция между парками больше не является конкуренцией между природными ресурсами, капиталом и обычным трудом в общем смысле. Это больше конкуренция между инновационными знаниями, технологиями, проектами и их интеграцией в местную индустриальную структуру.

12. Обеспечить активное участие в создании и развитии парка первых лиц региона и муниципалитета. Практически во всех регионах, где созданы успешно работающие индустриальные парки, «нулевой цикл» потребовал высочайшего внимания со стороны местных властей — личного участия губернатора, первых лиц правительства. Именно их заслуга — достижение неформальных договоренностей с первыми резидентами, энергетиками, обеспечение своевременного исполнения обязательств региона по дорогам, региональным налогам. Налоговые льготы предоставляются резидентам практически во всех парках.

13. Государству целесообразно предоставлять льготные меры при строительстве индустриальных парков, но на разных этапах развития парка виды и интенсивность поддержки могут различаться. Государство, как правило, всячески поддерживает развитие индустриальных парков, формируя целый ряд льгот, которые можно разбить на четыре основные группы: фискальные льготы (освобождение от налогов в фонд оплаты труда и возврат налога с продаж); финансовые льготы; административные льготы (регулирование арендных отношений); внешнеторговые льготы.

14. Наибольший эффект в части формирования потенциала экономического и промышленного развития обуславливает гибридная инфраструктура, т. е. инфраструктура, ориентированная на повышение динамики и качества удовлетворения общественных потребностей, которая при этом сокращает возможности использования обществом самореализации в производственной деятельности [2, с. 5]. Следует отметить, что при существующих трудностях развития промышленные парки в рамках реализации прогрессивной промышленной политики могут интегрироваться с социальной инфраструктурой. Через такие объекты обеспечивается связь с обществом в виде различных просветительских мероприятий. В результате происходит прирост инвестиций, направляемых, в том числе, на обслуживание и модернизацию существующего типа недвижимости [1, с. 7].

15. В моделях извлечения прибыли парка следует обратить внимание на баланс легких и тяжелых активов. Из-за обширных активов промышленных парков трудно получить высокую прибыль только за счет сдачи в аренду и продажи недвижимости. Баланс легких и тяжелых активов стал основной проблемой хозяйственной модели парка. По сравнению с традиционными промышленными парками современные промышленные парки в начале планирования и строительства уделяют больше внимания новым технологиям и отраслям промышленности, новым методам управления и моделям, что создает условия для проведения операций с легкими активами [21, с. 42]. Модель диверсифицированной прибыли, которая формирует баланс легких и тяжелых активов, с учетом как долгосрочной прибыли, так и краткосрочных денежных потоков, является основой для устойчивого развития парка.

16. Развитие промышленных парков должно избегать «разделения промышленности и города», наоборот, обеспечивая их интеграцию. Во время развития многих промышленных парков, потерпевших неудачу, возникала проблема низкой урбанизации: «развитие жилой площади отставало от развития производственного пространства, городской функционал не дотягивал до промышленного, а развитие социальной сферы отставало от экономического роста» [20, с. 1]. Особенно в крупных проектах менеджеры в начале планирования парка должны установить концепцию развития «интеграции промышленности и города», в процессе ее осуществления обращая внимание на оптимизацию и улучшение городских функций парка.

17. Строительство современной производственной системы. Развитие промышленных парков часто приводит в случае стремления правительства к политическим достижениям и повышению имиджа к появлению экстенсивного развития отраслей промышленности и простого расширения производства. Это

оказывает некоторое ускоряющее воздействие на экономическую эффективность в течение короткого времени, но в течение длительного времени находится в нижней части производственной цепочки, упрощая функции парка и вызывая нехватку необходимых производственных средств обслуживания (таких как научно-исследовательские институты, электронная коммерция и т. д.). Все это значительно сокращает собственные производственные факторы парка, необходимые для поддержки промышленного развития, и парк теряет способность к устойчивому развитию. Поэтому необходимо развивать всестороннюю и многоуровневую производственную цепочку, содействовать промышленной трансформации и модернизации, совершенствовать средства поддержки промышленности, поощрять инновации для повышения основной конкурентоспособности и превращать экстенсивные и внешние способы экономического роста индустриального парка во внутренние.

Выводы

Таким образом, исходя из анализа эволюции индустриальных парков на основе изучения истории их развития и текущей ситуации и деятельности индустриальных парков в Китае и России, выяснилось, что у парков есть проблемы создания инфраструктуры, стратегического планирования развития, привлечения инвестиций. Они сталкиваются с повышенными ресурсными ограничениями, недостаточными независимыми инновационными потенциалами и другими вызовами в процессе развития. На основании проведенных исследований предлагается алгоритм действий по строительству и развитию индустриальных парков в будущем. Местные власти должны «подстроить» индустриальный парк к особенностям национальной экономики и сосредоточиться на решении базовых задач — совершенствования нормативно-правовой базы индустриальных парков, укрепления производственных сетей между предприятиями в целях формирования точек экономического роста и промышленной агломерации. Следует активно искать возможности сотрудничества между различными парками, парком и другими местными проектами экономического развития, а также компаниями внутри и за пределами парка. С точки зрения экономики, окружающей среды и управления необходимо предусмотреть налоговые вознаграждения и наказания, уделять больше внимания привлечению специалистов и «выращиванию» самоинноваций. После завершения строительства парка местное правительство должно продолжать оказывать ему необходимое содействие, помогая привлекать инвестиции, предоставляя льготные меры в целях формирования гибридной инфраструктуры для регионального развития.

Список использованных источников

1. Беккер, П. Р. Развитие индустриальных парков как способ обеспечения функционирования объектов социальной инфраструктуры в условиях ограниченного экономического роста / П. Р. Беккер [Электронный ресурс] // Вестник евразийской науки. — 2018. — Т. 10, № 2. — Режим доступа: <<https://esj.today/PDF/15ECVN218.pdf>>. — Дата доступа: 20.11.2019.
2. Беккер, П. Р. Формирование и эффективное использование нового вида инфраструктуры в условиях трансформации драйверов роста экономики / П. Р. Беккер // Наукоедение: интернет-журнал. — 2017. — Т. 9, № 6. — Режим доступа: <<https://naukovedenie.ru/PDF/168EVN617.pdf>>. — Дата доступа: 11.10.2018.
3. Беленов, О. Н. Индустриальные парки: сущность и основные характеристики / О. Н. Беленов, Т. Ю. Смольянинова, Ю. В. Шурчкова // Региональная экономика и управление. — 2013. — Т. 33, № 1. — С. 66–76.
4. Ван Цзичи. Го вай чань е юань цюй сянь гуань ли лунь цзи цюй чжун го дэ ци ши = Зарубежные теории промышленной зоны и ее роль для Китая / Ван Цзичи, Чжу Кай // Го цзи чэн ши гуй хуа = Международное городское планирование. — 2018. — Т. 33, № 2. — С. 1–7 (на кит. яз.).
5. Геоинформационная система «Индустриальные парки. Технопарки. Кластеры» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <<https://www.gisip.ru/>>. — Дата доступа: 15.11.2019.
6. Гусева, М. С. Индустриальные парки в экономике региона: механизм создания и эффективность функционирования / М. С. Гусева, Е. А. Шаркевич [Электронный ресурс] // Концепт: научно-методический электронный журнал. — 2016. — Т. 11. — С. 3506–3510. — Режим доступа: <<http://e-koncept.ru/2016/86739.htm>>. — Дата доступа: 20.04.2020.
7. Доклад о мировых инвестициях 2019: особые экономические зоны. Основные тезисы и обзор / Конференция ООН по торговле и развитию [Электронный ресурс] // Конференция Организации Объединенных Наций по торговле и развитию. — Режим доступа: <https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2019_overview_ru.pdf>. — Дата доступа: 20.02.2020.
8. Индустриальные парки и ОЭЗ России: отраслевой обзор 2020 [Электронный ресурс] // Индустриальные парки и ОЭЗ России. — Режим доступа: <[https://indparks.ru/upload/medialibrary/6a2/AIP2020_WEB_review_compressed%20\(Y\).pdf](https://indparks.ru/upload/medialibrary/6a2/AIP2020_WEB_review_compressed%20(Y).pdf)>. — Дата доступа: 13.05.2021.
9. Индустриальные парки как эффективный механизм роста конкурентоспособности региональных производственных комплексов / В. В. Криворотов [и др.] // Вестн. УрФУ. Сер. Экономика и управление. — 2014. — № 2. — С. 61–74.
10. Индустриальные парки. Требования: Национальный стандарт ГОСТ Р 56301-2014 [Электронный ресурс] // Индустриальный парк «Тольяттисинтез». — Режим доступа: <<http://ip-ts.ru/filemanager/docs/GOST-IND-parki.pdf>>. — Дата доступа: 10.03.2020.
11. Индустриальный парк «Северный» (Российская Федерация) [Электронный ресурс] // belprompark.ru. — Режим доступа: <<http://belprompark.ru/index.php/promyshlennyj-park-severnyj>>. — Дата доступа: 13.08.2020.
12. Мамедьяров, З. Индустриальные парки: от Манчестера до Лиссабона / З. Мамедьяров [Электронный ресурс] // Эксперт. — 2016. — № 50 (1011). — Режим доступа: <<https://expert.ru/expert/2016/50/industrialnyie-parki-ot-manchestera-do-lissabona/>>. — Дата доступа: 15.01.2020.
13. Миронов, Д. С. Концептуальные основы создания и функционирования индустриальных парков / Д. С. Миронов // Российское предпринимательство. — 2017. — Т. 18, № 20. — С. 2965–2982. (<http://doi.org/10.18334/rp.18.20.38364>)
14. Никитаева, А. Ю. Индустриальные парки как опорные точки формирования экономического каркаса инновационного развития территорий / А. Ю. Никитаева, О. Г. Андрющенко // Наука Красноярья. — 2018. — Т. 7, № 4. — С. 78–99. (<http://dx.doi.org/10.12731/2070-7568-2018-4-78-99>)
15. Пинягин, Ю. Технопарки как элемент инновационной инфраструктуры страны / Ю. Пинягин, Лю Сюэцзюань // Банк. вестн. — 2016. — № 12. — С. 48–55.
16. Сандлер, Д. Г. Индустриальные парки в России: концептуальная проработка проектов / Д. Г. Сандлер, П. Д. Кузнецов // Экономика региона. — 2015. — № 1. — С. 76–88. (<https://doi.org/10.17059/2015-1-7>)
17. Су чжоу гун е юань гуань ли вэй юань хуэй = Администрация индустриального парка Сучжоу [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <<http://www.sipac.gov.cn>>. — Дата доступа: 06.09.2020 (на кит. яз.).
18. Су чжоу гун е юань цюй кай фа гун сы цай у бао бяо = Финансовая отчетность Китайско-сингапурской компании по развитию ИП Сучжоу [Электронный ресурс] // Чжун синь цзи туань = Китайско-сингапурская компания по ИП Сучжоу. — Режим доступа: <<http://stockpage.10jqka.com.cn/601512/holder/>>. — Дата доступа: 15.08.2020 (на кит. яз.).
19. Харченко, К. В. Индустриальный парк — инструмент развития муниципальной экономики / К. В. Харченко // Практика муниципального управления. — 2016. — № 1. — С. 33–41.
20. Хе Лей. Су чжоу гун е юань цюй чань чэнь жун хэ дэ ли чэн, цзин янь цзи ци ши = История, опыт и просвещение развития интеграции промышленности и города в индустриальном парке Сучжоу / Хе Лей, Чэнь Чуньян // Шуй юй цзин цзи = Налогообложение и экономика. — 2015. — № 2. — С. 1–6 (на кит. яз.).
21. Чжан Ран. Ди сы дай чань е цзи цюнь дэ ба да тэ чжэн = Восемь характеристик индустриального парка четвертого поколения / Чжан Ран // Чжун го бу дун чань = Китайская недвижимость. — 2019. — № 23. — С. 41–44 (на кит. яз.).
22. Шан у бу тань 2018 нянь 1-9 юе во го дуй вай тоу цзы хе цзо цин куан = Данные Министерства коммерции КНР о внешних инвестициях и сотрудничестве Китая с января по сентябрь 2018 г. [Электронный ресурс] // Цзинь жун цзе = Финансы. — Режим доступа: <<https://baijiahaobaidu.com/s?id=1614635820978030095&wfr=spider&for=pc>>. — Дата доступа: 10.02.2020 (на кит. яз.).
23. Шонохов, Д. Отраслевой обзор «Индустриальные парки России — 2019». Направления работы Ассоциации индустриальных парков России. 15 ноября 2019 г. / Д. Шонохов [Электронный ресурс] // Индустриальные парки и ОЭЗ России. — Режим доступа: <<https://indparks.ru/upload/medialibrary/81d/15.11.2019%20Do%A8%Do%BE%D1%85%D0%BE%Do%BD%Do%BE%Do%B2%20%Do%94.%Do%A1.pdf>>. — Дата доступа: 06.09.2020.
24. Щетинина, Т. С. Международный опыт развития индустриальных парков / Т. С. Щетинина, А. Н. Кузнецов [Электронный ресурс] // Экономика и менеджмент инновационных технологий. — 2017. — № 5. — Режим доступа: <<http://ekonomika.snauka.ru/2017/05/14837>>. — Дата доступа: 20.12.2019.
25. Ю Цинвэнь. Су чжоу гун е юань цюй: юн дан синь ши дай гай гэй кай фан синь бяо гань = Индустриальный парк Сучжоу: проявите смелость, чтобы стать новым эталоном реформ и открытости в новую эпоху / Ю Цинвэнь // Цюнь чжун = Народ. — 2018. — № 10. — С. 27 (на кит. яз.).
26. Ю Цяньин. Цянь си чжэн фу цзай туй цзинь гун е юань цюй (кай фа цюй) кэ чи сюй фа чжань чжун дэ чжи нэн хэ цзо юн = Анализ функций и ролей правительства в содействии устойчивому развитию индустриальных парков (зон развития) / Ю Цяньин // Шан хай дан ши хэ дан цзянь = История партии Китая и партийное строительство в Шанхае. — 2010. — № 1. — С. 57–59 (на кит. яз.).
27. Юй Чунгуан. Чань е цзи цюнь, чань е цзи цзюй юй гун е юань цюй фа чжань чжань люе = Стратегии развития индустриальной агломерации, индустриальных кластеров и индустриальных парков / Юй Чунгуан, Лю Юэцин // Цзин цзи ши хуэй ти чжи би цзяо = Сравнение экономической и социальной систем. — 2008. — № 6. — С. 122–131 (на кит. яз.).

28. Economic zones in the ASEAN / UNIDO country office in Vietnam. August, 2015 [Electronic resource] // United Nations Industrial Development Organization. — Mode of access: <https://www.unido.org/sites/default/files/2015-08/UCO_Viet_Nam_Study_FINAL_o.pdf>. — Date of access: 15.10.2018.
29. Kiely, R. *Industrialization and Development: a Comparative Analysis* / R. Kiely. — London: UCL Press, 1998. — 196 p.
30. Malecki, E. J. Flexibility and Industrial Districts / E. J. Malecki // *Environment and Planning A: economy and space*. — 1995. — Vol. 27, N 1. — P. 11–14. (<https://doi.org/10.1068/a270011>)
31. Pereira, A. A. *State Collaboration and Development Strategies in China: the case of the China-Singapore Suzhou Industrial Park (1992–2002)* / A. A. Pereira. — London; New York: RoutledgeCurzon, 2003. — 189 p. (<https://doi.org/10.4324/9780203299777>)
32. Pereira, A. A. State, entrepreneurship and regional development: Singapor's industrial parks in Batam and Su Zhou / A. A. Pereira // *Entrepreneurship & Regional Development*. — 2004. — Vol. 16, N 2. — P. 129–144. (<https://doi.org/10.1080/08985620410001677844>)

Статья поступила в редакцию в мае 2020 г., доработана в мае 2021 г.

Памятка авторам статей для подачи в редакцию «Журнала международного права и международных отношений»

«Журнал международного права и международных отношений» является научным изданием с периодичностью выпуска 4 раза в год.

Журнал включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований по юридическим, историческим и экономическим наукам.

Журнал ориентирован на профессорско-преподавательский состав университетов, научных сотрудников, специалистов-практиков, аспирантов, магистрантов и студентов учреждений высшего образования, работающих в области международных отношений и международного права.

Все научные статьи проходят обязательное двойное слепое рецензирование. С 2019 г. фамилии рецензентов не публикуются в журнале.

Автор, желающий опубликовать статью в журнале, должен представить в редакцию:

— статью объемом около 10 печатных страниц текста (с учетом списка литературы) (формат страницы — А4, шрифт 12 пт (для компьютера), поля — по 2,5 см с каждой стороны, расстояние между строками — 1,5 интервала). При оформлении статьи автор должен пользоваться **Инструкцией о порядке оформления квалификационной научной работы (диссертации) на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук, автореферата и публикаций по теме диссертации;**

— резюме (краткое содержание) статьи на русском/белорусском языке объемом до 0,5 страницы с аналогичными параметрами (резюме статьи будет переводиться на английский язык. Автор может приложить резюме, уже переведенное на английский язык (обязательно с русским/белорусским вариантом));

— выписку из протокола заседания кафедры (научного отдела или другой подобной структуры) о рекомендации статьи к печати;

— заполненную анкету (форма выдается в редакции).

Исключения возможны по решению редакционного совета.

Обращаем внимание авторов, что они несут ответственность за направление в редакцию уже ранее опубликованных статей или статей, принятых к печати другими изданиями.

Кроме того, в журнале предоставляется возможность первоочередного опубликования статей, представленных лицами, осуществляющими послевузовское обучение (аспирантура, докторантура, соискательство) в год завершения обучения.

В журнале не взимается оплата за опубликование научных статей.

Научное издание

ЖУРНАЛ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ 2021 № 2 (97) апрель—июнь

Подписано в печать 27.09.2021 г. Выход в свет в октябре 2021 г.

Формат 60x84¹/₈. Гарнитура Georgia.

Печать цифровая. Усл. печ. л. 8,6. Тираж 100 экз. Заказ № 341.

Отпечатано с готового оригинала-макета заказчика в ООО «Типография НьюГрафикс».

ЛП № 02330/483 от 19.04.2017 г.

220014, г. Минск, пер. С. Ковалевской, 52а, тел.: +375 29 684 63 33